

СЕРГЕЙ СЕМИПЯДНЫЙ

ЗОНА СКВОЗНОГО ДЕЙСТВИЯ

НА ВОЛШЕБНОЕ ОЗЕРО

Матвей жил со своей мамой. Мама была очень занята на работе. Да и дома она, как правило, тоже была не дома, а где-то там. То есть не здесь. Поэтому была немножко рассеянной и не всегда помнила, что у неё имеется сын.

Вот и сейчас она, занятая укладыванием в портфель папок и файлов с документами, не сразу узнала вошедшего в комнату Матвея и спросила:

- Ты, мальчик, к кому?

- Я просто мимо прохожу. В ванную, - ответил Матвей.

- А, Матвей! Да-да, Матвей, Матвеюшка, сынок...

Маме Матвея стало неловко, что она такая немножко не совсем как все другие мамы, и она отодвинула от себя портфель тёмно-синего цвета.

- Ты в школу собираешься? Тогда тебе надо позавтракать. Для этого тебе нужно... - На глаза ей попался только что отодвинутый портфель. – Так, всё я взяла? А где синяя папка?

- Когда я вошёл, ты заталкивала её вовнутрь.

- Ах да. Кстати, если вдруг захочешь поесть перед школой, сходи на кухню. Там справа... Нет, там слева стоит холодильник белого цвета...

- Серого цвета, - поправил Матвей. – Но я уже на каникулах.

- В общем, сориентируешься. Тем более что ты уже закончил пятый класс.

- Шестой класс, - уточнил Матвей.

- Всё время ты со мной споришь! Ладно, я ушла.

Она всегда уходила вовремя. Правильнее сказать, не вовремя, но – всегда.

Однако так, ну, что «не вовремя», Матвей считал, когда был маленьким и почти что беспомощным. Например, надо идти гулять, а шнурки завязать некому. Точнее, есть кому, но у этого кому, у Матвея, то есть, не получается. Приходилось просто запихивать их вовнутрь и бегать не так быстро, как хотелось бы. А иногда и просто сидеть и читать книжку. Или делать вид, что читает. Потому что когда Матвей родился, то был ростом всего 51 сантиметр вдоль кроватки и не умел читать.

Но это было в начале его жизни. Позднее Матвей по нескольким случайно ставшим известными ему буквам установил весь алфавит и принялся читать книги уже по-настоящему, чтобы, когда он пересказывал содержание книг товарищам, не приходилось ничего выдумывать.

В общем, мама Матвея ушла на работу, а спустя совсем короткое время прибежал Роман с круглыми глазами. Они у него такие постоянно.

- Матвей! – едва ли не с порога закричал Роман. Он почти всегда кричал, потому что у него имелись две сестры, которые могли кричать не менее громко. – Матвей, меня отпустили к бабе Саше и деду Фёдору! На волшебное озеро!

- Не думаю, что озёра бывают волшебными, - попробовал охладить его пыл Матвей.

- Бывают! А тебя отвезут вместе со мной к твоему отцу! У озера – всё лето! Я, ты и – чудеса! И мы сделаем то, что задумали! Потому что одно дело, если просто в глухомани на природе потусоваться, и другое – мистика и необъяснимые катастрофы. Сегодня снова с тётёй Машей будем разговаривать. Она уже ушла?

- Разве отец закончил строительство дома? – с недоумением проговорил Матвей.

- Давно! – вскричал Роман. – Настоящий дом! Почти и не хуже нашего! Он сообщал тётё Маше.

- Она ничего не говорила! – не мог поверить своему счастью Матвей. – Я думал, он всё ещё в ангаре, в мастерской своей... Забыла? Она не могла... Хотя, пожалуй, с этой её работой...

Мама Матвея Мария в международной корпорации «Мегабайл» занимала достаточно ответственный пост руководителя отдела корпоративных и семейных праздников. Она знала о многих и многих постоянных клиентах фирмы, а также о её сотрудниках всё, вплоть до дней рождения их внуков и пристрастиях принадлежащих им домашних животных. Она помнила, сколько стоит час работы аниматора в наряде Чебурашки, и могла, не прибегая к калькулятору, посчитать стоимость аренды посуды для организации фуршета на сорок две персоны. Но в быту была несколько рассеянна.

- Собирай всё самое необходимое! Зубную щётку, ласты, компас, сапоги, зубную пасту... Ну и, сам понимаешь, для нашей деятельности.

- Ты же знаешь, я прошлой осенью ещё... - ответил Матвей. – Папа приезжал летом и пообещал попытаться в ближайшем будущем...

Матвей открыл шкаф и вытащил оттуда огромный рюкзак. Роман крутился тут же и кричал:

- Здорово! Мы будем там сами по себе! Жаль только, Лариска и Аринка тоже поедут с нами.

- Арина поедет с нами?

- Обе! – вскричал Роман, вскидывая руки с таким отчаянием, что Матвею показалось, что и волосы Романа встали дыбом. Впрочем, они и всегда у него были взъерошены до крайности.

Роман считался самым безответственным членом идеальной семьи, поэтому ему всю жизнь не хватало свободы и возможности проявить самостоятельность. Он был под круглосуточным присмотром родителей и младших сестёр. Шестнадцать часов в сутки его воспитывали и учили жить. И в школу его отпустили лишь в восемь лет, чтобы вместе с Ариной, чтобы в одном классе и за одной партой.

А жизнь у озера – это нечто прямо противоположное.

- Ах, если бы ещё вдруг и совсем уж очень неожиданно, как я давно мечтал, Лариска заболела корью, а Аринка свинкой! – воскликнул Роман. – Но теперь уже они не успеют заболеть и остаться здесь.

- Они могут заболеть и у озера. Там, вероятно, гораздо более влажный климат, - сказал Матвей, выкладывая содержимое рюкзака на пол. – И их отправят домой.

Роман плюхнулся в кресло, поднял взгляд на Матвея и горестно усмехнулся.

- Как же! Да там болеть можешь сколько захочешь – баба Саша и дед Фёдор слова не скажут. Если вот только от приёма пищи откажешься. Но в этом случае бабушка так за тебя возьмётся, что в два счёта вылечит. Потому что эти её снадобья и прочие процедуры ни один больной человек не выдержит!

- А эти разговорчики, что она умеет на чём-то летать, - что? – спросил Матвей.

Как бы между прочим спросил. Голосом предельно равнодушным и даже не отвлекаясь ничуть (если со стороны смотреть и не очень внимательно) от производства ревизии содержимого рюкзака.

- Да на любой палке! Я тебе сто раз говорил! – закричал Роман.

- Я не думаю, что это возможно, - покачал головой Матвей. – Да и каким образом?

Матвей продолжал делать вид, что озабочен содержимым рюкзака, в котором без его ведома, конечно же, не могло появиться ничего лишнего.

- Говорит, всегда хотела. Но – работа, семья... - Роман пожал плечами.
– А вышла на пенсию, уехала на озеро... Но сам я не видел.

- Я думал, только на самолёте или вертолёте...

- На самолёте, как твой отец, любой сможет.

- Как мой папа – не любой, - не согласился Матвей. – Он бывший автогонщик.

- А как мой – любой, кто за курсы заплатил. Он уже без инструктора поднимался в воздух. А теорию мы вместе изучали.

Матвей затолкал рюкзак в шкаф и обернулся. И наткнулся взглядом на лежащий на столе смартфон.

- И сотовой связи там по-прежнему нет?

- Нет, естественно! Заблудился – кричи: «Ау!» Единственное средство связи. Ау! Ау! А если бы ещё там моих всех да твоего папаши не было, мы бы совсем одичали. И научились бы со зверями и птицами разговаривать. Общались бы, прикинь, на всех языках тайги. Здорово, да?

- Не знаю, насколько это возможно.

- Возможно! Потом можно было бы и на уроках разговаривать. Хоть по-воробьиному, хоть мышинным писком.

Матвей поморщился. Не любил он ни учебное время, ни какое-либо иное на болтовню тратить.

И вообще, разве мечты сбываются? Нет, растёшь, взрослеешь – появляются новые. И когда их уже много, то уже и не мечты это, а просто несчастливое детство и дальнейшая несчастная жизнь.

АВИАСТОЛКНОВЕНИЕ

Однако вечером следующего дня Матвей был уже в сотнях километров от дома. С семьёй Романа в сборе ехал он по дороге, которая становилась всё хуже и хуже. Машина постоянно буксовала и, в конце концов, застряла окончательно. К счастью, вскоре подъехал трактор с тележкой, из которого выскочил дед Фёдор, на первый взгляд, бандит или ковбой, на второй – рыбак или охотник, подозрительно переполненный энтузиазмом и жизнерадостностью.

- Привет! – сказал он, улыбаясь счастливо. – Я думал, в Воробьёвке встречаемся.

- Где мама? – спросила мама Романа, Арины и Ларисы Виктория вместо приветствия.

- Потерялась где-то. И я решил, что сам заберу детей. Вместимость тележки – тонна зерна или много-много детей.

- А где Макарыч? – спросил папа Романа, Арины и Ларисы Игоря. – Мы привезли Матвея.

Макарычем звали отца Матвея. Все. И дети, и взрослые. И кто знал его имя-отчество, и кто нет.

- Не знаю, - ответил дед Фёдор и недовольно скривился. – Наконец-то он взялся испытывать новый старый самолёт и куда-то улетел. Завтра химсоставом поля обрабатываем. Как ехать, так и кобылу шить. Но я заберу и Матвея. Про вместимость тележки я уже сообщал.

Дед Фёдор и папа Игорь принялись вытаскивать автомобиль из грязи, а мама Виктория, чтобы не терять времени зря, всплакнула и стала прощаться с детьми. То есть обнимать их и целовать. Всех. Даже Матвея, который для неё был всего лишь товарищем её сына, которого она всего лишь обожала ставить в пример своему сыну. Да, она и его от нечего делать поцеловала несколько раз.

- Сейчас они уедут! – стирая с лица следы губной помады, радостным шёпотом прокричал Роман Матвею. – А там всё будет по-другому! На сто метров отошёл от дома – уже всё, ты уже настоящий дикарь!

И вдруг, когда автомобиль был извлечён из тёмно-серого месива, мама Виктория разрыдалась. Все опешили, только дед Фёдор топнул ногой и сердито сказал:

- Перестань сейчас же! Прекрати, Виктория!

- Вы не уследите! – выкрикнула мама Виктория. – И пора уже сказать!

- Вика, - проговорил неуверенным голосом женатого человека папа Игорь. – Я надеюсь...

- Надеется он! – выкрикнула мама Виктория и снова заплакала. – Вспомни себя прошлогоднего! Диск, правилка! Тьфу! Не ты ли рогатку смастерил и об арбалете размечтался?

- Они же и так дети. И я думаю... Кстати, я был против. Ты забыла, Вика, я был против!

- Кому нужно такое «против»! – выкрикнула мама Виктория и снова заплакала. – А кулаком по столу?..

Арина и Лариса переглянулись и побежали к матери. Обняли и прижались к ней.

- Мама, не переживай! Мама, почему ты плачешь? – заговорили они, сами уже готовые расплакаться.

- Обещайте... Обещайте мне, что не будете ходить на озеро!

- Не ходить на озеро?! – вытаращил глаза Роман. – Но мы едем на озеро!

- Речка! Достаточно реки! Это озеро даже река стороной огибает! – Виктория торопливо поцеловала Арину и Ларису и бросилась к автомобилю. Около машины, уже распахнув дверцу, она обернулась и ткнула пальцем в сторону деда Фёдора. – Ты обещал! Вы оба с мамой обещали!

Потом Матвей, Роман, Лариса и Арина ехали в тележке, прицепленной к шумному трактору. Дед Фёдор спешил к своим яблоням, поэтому ехал очень быстро. И тележку мотало на рытвинах и колдобинах в разные стороны. А ещё подбрасывало вверх и кидало вниз, в ямы, но не воздушные, а самые настоящие. И было здорово кувыркаться среди сена, наполовину заполнявшего тележку. Даже Ларисе и Арине это понравилось, хотя они то и дело кричали, что «больше никогда и ни за что».

Когда Романа подкинуло слишком высоко, он увидел идущего далеко впереди человека. Вскоре его опять подбросило на прежнюю высоту, и Роман узнал пешехода.

- Смотри! Матвей, смотри! Твой отец! Матвей, Макарыч идёт!

В эту минуту под колёса тележки попала одна из последних колдобин (дальше дорога была вполне сносной), но колдобиница настолько мощная, что вверх подбросило всех пассажиров одновременно. И все, даже Арина и Лариса, ехавшие с закрытыми глазами, увидели Макарыча, который был не за штурвалом самолёта, не за рулём автомобиля или трактора и даже не на велосипеде. Он шёл по дороге пешком и, кроме того, тащил на плечах воздушный винт, нередко называемый пропеллером.

Дед Фёдор остановил трактор, и Макарыч забрался в тележку вместе с поклажей. Выглядел он чем-то очень озабоченным, погружённым в собственные мысли.

- Папа, ты откуда с винтом? – спросил Матвей.

- Столкновение с неустановленным объектом. Я заходил на посадку. У озера, - сообщил Макарыч. – Здравствуй, Матвей. Кажется, мне говорили, что ты приедешь. – Макарыч хотел обнять Матвея, но винт на его плече не позволил этого сделать. – Как там мама твоя?

- Нормально.

Роман переместился поближе к Макарычу.

- С летающим неустановленным объектом, Макарыч?

- Я был на самолёте. Теперь я на своих двоих. Здравствуйте, дети.

Макарыч – он всегда был немножко задумчивый – узнал внуков соседей своих, но попытку вспомнить их имена благоразумно отбросил прочь быстро и решительно.

- Значит, точно – с летающим... С летеющим или летеющей... - принялся вслух размышлять Роман.

- Неустановленный объект не повредился? – обеспокоилась Арина, и тень легла на её лицо.

А вообще, Арина всегда улыбалась. Или, правильнее сказать, светилась и лучилась. Поэтому Матвей любил смотреть на её лицо. Но как-то стеснялся немного. Или даже очень сильно. Особенно когда она, как сейчас, например, глядела на него прямо и в упор. Не на Макарыча, а на него, на Матвея, смотрела, как будто сын за отца отвечать должен.

Макарыч ответил сам.

- Я не знаю, - сказал он и пожал плечами. И принялся размышлять о чём-то требующем видимых усилий.

И тут Лариса, сидевшая рядом с Макарычем, настойчиво подёргала его за рукав.

- Но он, объект, который неустановленный, живой? Говорите!

У Ларисы, суровой и надменной девочки девяти лет, – командный бас. Бас? В общем, не по возрасту и комплекции низкий, сильный и громкий голос. Макарыч даже вздрогнул. А потом встряхнул головой, прерывая уже полным ходом идущий мыслительный процесс, и в замешательстве округлил глаза.

- Наверно, живой... был.

- Если он был живой, то мог умереть! – вскричала двенадцатилетний поэт Арина. – Объект летающий мой, ты был живой, ты был живой... Боже!

- Вы, Макарыч, нарушили правила... Вы правила полётов знаете? – спросил Роман.

- Я правила дорожного движения знаю. А эти – не очень. Но, мне казалось, я был очень внимателен.

- Если он был слева, вы должны были... - начал Роман. – Нет, по-другому скажем. Если тот, второй участник движения, был справа, то пропустить следовало.

- Земля, полоса прибрежная, которая набегаёт на шасси, - произнёс Макарыч и, помрачнев, добавил: - И... там другой воздух.

- Другой? – спросил Матвей.

Макарыч, задумавшись, кажется, забыл о детях.

- Да, с неустановленной стороны, - проговорил он, похоже, по инерции.
- Не трагически, конечно, а вот с винтом и амортизационным шнуром костыля...

- Мальчишки... - фыркнула Лариса. – Они все такие непродуманные!

- Минутку! – воскликнула Арина. – Надо найти объект, если он живой, и оказать помощь, если он ещё жив.

- Или позвать всех и похоронить, - вздохнула Лариса. – С почестями, как жертву.

Роман обернулся к Макарычу.

- Катастрофа у озера?..

- У озера. Мне круг пришлось... Замеры. Но туда лучше... В общем, туда нельзя.

- Почему?

- Ну, мы решили... - Макарыч почему-то замолчал.

- Они решили! – Роман посмотрел на Матвея. – Ты понял?

- Я столько слышал про озеро, что... - проговорил Матвей растерянно.

- Тут замечательные места. А озеро... Да ты же... - Макарыч хотел обратиться к Роману, но не смог вспомнить, как того зовут. И обернулся к Арине и Ларисе. – Да вот и девочки...

- Лариса и Арина, - сказала Лариса.

В этот момент дорога в последний раз вильнула, и из-за леса появилась река, неширокая, но бесшумная, с водой синей и на взгляд очень холодной. А справа – скрывающий часть реки двухэтажный дом садового типа с большим и высоким крыльцом. Ещё правее – второй дом, тоже в два этажа, однако размером поменьше. И тоже с крыльцом.

- Да, Лариса и Арина бывали здесь. Тут ведь и кроме озера... Да вот же река. Я один схожу! – закончил Макарыч, словно на что-то решившись, как только трактор остановился. – Да, я схожу. Я напрямиком, по мосту и через лес.

Он бросил винт к заднему борту и выбрался из прицепа. Роман и Матвей тотчас последовали за ним.

- Иду с вами! – крикнула Лариса. – Вдруг врач потребуется. Я начинала с кукол...

- Нет! Нет! Нет! – Макарыч вытянул перед собою руки, словно намерен был самым решительным образом удержать детей от чего-то крайне нежелательного.

ГРУЗ ТРИСТА

Они относительно недалеко, метров на пятьсот, отошли от реки и живого, отзывающегося на каждый шаг моста, когда заметили идущую по тропинке им навстречу бабу Сашу. Она хромала, опираясь на длинную палку, и вообще выглядела неважно, однако, завидев внука и внучку, взмахнула руками и даже попыталась ускорить шаг.

- Здравствуй, бабуля! – кричит Лариса.

- Вы почему хромаете, Александра Васильевна? – задаёт вопрос Макарыч и не без удивления рассматривает синяки и ссадины на её лице.

- Я не знаю. Я же летаю. Вот, летела – и вдруг... - Баба Саша останавливается и тяжело опирается на свой посох. – Да, и Конфуцию не всегда везло, как говорят наши.

- Слышали? Летела! – говорит Лариса, затем подбегает к бабе Саше и обнимает её. – А что, может, ты, правда, летаешь?

Баба Саша, подвергшаяся объятиям внучки, вскрикивает:

– Ой! Ох-хо-хо! Больно-то как! Здравствуйте, человечки!

- Авиакатастрофа! – провозглашает Роман.

- Авиакатастрофа? – Матвей пытается повнимательней рассмотреть палку бабы Саши с крюками на одном из концов.

А баба Саша – она уже собралась с силами – отодвигает Матвея в сторону, чтобы получить доступ к телу внука.

- Вот... он, неустановленный... объект! – произносит Роман, похрустывая неокрепшими косточками в объятиях соскучившейся бабушки.

- Он... ранен, но... сильно жив. Она... правильнее сказать, - уточняет Лариса, вновь оказавшаяся в руках бабы Саши, довольно крепких.

- Да, потому что самостоятельно передвигается и радуется встрече, - резюмирует Роман, приводя в порядок одежду.

Макарыч, улыбаясь, пожимает плечами.

- Значит, похорон не будет.

- Но можно вылечить её и отпраздновать выздоровление! – говорит Лариса.

Идея с празднованием Роману приходится по вкусу.

- Баба Саша, тебе много времени нужно, чтобы выздороветь? До вечера выздоровеешь?

Баба Саша поводит плечами и морщится от боли.

- Ой, не знаю. Медобследование бы...

- И так всё ясно, – заявляет Роман. – Летунья! Ты и пешеход неважный. Лечить незамедлительно. Ларка, ну!

Лариса смотрит на Романа, как на идиота.

- Но у меня нет ничего!

Баба Саша уже едва на ногах стоит, её уже покачивает.

- Вы её обнимашками добили, - сообщает Матвей.

- Александра Васильевна, может, вам помочь? Я могу вас на руках отнести, - предлагает Макарыч.

- Мы поможем! – поддерживает Роман. – Это называется груз триста.

Бабу Сашу, несмотря на её сопротивление, впрочем, очень нерешительное, подняли и понесли. Матвей и Роман взяли за правую и левую ноги, а Макарыч подхватил её под мышки. И баба Саша мгновенно затихла.

Матвей бросил взгляд через плечо и сообщил:

- Похоже, потеряла сознание.

- Главное, живой доставить. У неё и снадобий всяких... А уж таблеток-то!.. - успокоил Роман. – И с нами мама большую кучу ещё отправила.

- Вот если бы лекарства лечили заранее, пока не заболело! – произносит Лариса. – Хочу я, чтобы бабуля не болела больше никогда!

- Ларисочка... – слышится слабый голос бабы Саши.

- Ты не разговаривай! Тебе нельзя! – не даёт ей говорить Роман.

- Но стонать ты имеешь право! – Лариса сжимает в ладошках руку бабы Саши. – И капризничать.

Баба Саша удивлена.

- Капризничать?

- Ты можешь требовать хоть эскимо с вишенкой, хоть круассан с любой начинкой. А лучше – пирог с маком!

- С маком?

- Эскимо тут всё равно нет, а пирог с маком я люблю. – Лариса мечтательно улыбается.

Макарыч, он уже порядком устал тащить больную, мотает головой.

- Нет-нет! Сначала лечение.

Баба Саша, как будто, возмущена.

- Почему нельзя одновременно? У меня какие органы пострадали? Ноги и бока. Да. Но не аппетит.

И подмигивает Ларисе.

Дед Фёдор и Арина ждали на берегу, перед крыльцом дома с надписью по фронтону «Александрия», изготовленной из многоцветно окрашенных реек. Оценив увиденную картину, они поспешили навстречу.

- Что с бабушкой? – ещё издали закричала Арина.

- Да наверняка она летает! – выкрикивает Роман, которому хочется верить в чудеса. – Не на земле же все бока!..

Дед Фёдор, подбежав, делает попытку сменить измученного Макарыча.

- Ничего, ничего, - отказывается тот, и дед Фёдор, оттесняя Романа и Матвея, тоже подуставших, подхватывает ноги бабы Саши.

Вот больная уже и в доме.

- Наверно, на диван её... В прихожую, пожалуй... – неуверенно произносит дед Фёдор.

- Нет, к кухне поближе... - возражает баба Саша. – Там все лекарства.

- Она, кроме лечения по назначению врача – это я врач, кстати, - ещё и пирог с маком хочет, - сообщает Лариса. – Большой, чтобы и нам досталось. Дед, умеешь пироги стряпать?

- Да. Под наблюдением специалистов.

Бабу Сашу укладывают на кушетку, находящуюся в столовой.

- А лечить? – спрашивает Роман у деда Фёдора.

- И стряпать, и лечить – под наблюдением.

- А я могу и без наблюдения, - хвастается Лариса и принимается выталкивать всех из комнаты. – Попрошу не мешаться тут. Прошу посторонних покинуть помещение!

- Шура! – зывает растерявшийся дед Фёдор.

Баба Саша машет рукой.

- Ничего. Выросла помощница.

Очень скоро все покинули совмещённую с кухней столовую, а Лариса, направляемая указаниями бабы Саши, принялась замешивать тесто и хлопотать возле больной. Она сыпала на стол муку и лила на бабу Сашу йод и зелёнку, месила тесто и выдавливала на пациентку различные мази из тюбиков, раскатывала тесто и накладывала на конечности бабы Саши компрессы, набивала пирог маком, как чемодан перед дальней дорогой, и бинтовала раненую, как мумию перед поселением в пирамиду.

А когда не забинтованным и не намазанным у бабы Саши осталось всего ничего, Лариса, уже порядком утомившаяся, чуть не высыпала в рот больной стакан сахара, а в заталкиваемый в духовку зеленоватый, с йодными подпалинами пирог попыталась засунуть градусник.

УСТАНОВЛЕНИЕ НАРУШИТЕЛЯ ПРАВИЛ ПОЛЁТОВ

Роман и Арина тоже времени зря не теряли. Арина в высшей степени вдохновенно осматривала окрестности, то в бинокль, то непосредственно, а

Роман суетливо прогуливался около дома Макарыча в ожидании появления Матвея.

Когда, наконец, Матвей появился, Роман закричал:

- Слушай, а я как раз к тебе! Знаешь, я, впечатление такое, в детство вернулся! А? Ты уже заценил?

- Необходимы достопримечательности. Количество, качество... - подойдя к Роману, сказал Матвей и посмотрел сначала вправо, затем влево. – Пока я ничего экстраординарного не наблюдаю.

- Всё есть! Тут только одно озеро с его скалами... Наверняка и пещеры имеются, с летучими мышами, сталактитами, подземными водоёмами. Просто я был мелкий и с родителями. Здесь была палатка, там, - Роман махнул рукой в сторону реки, - лягушатник. Для нас выгородили, чтобы вода прогревалась.

- По поводу озера я не понял, - проговорил Матвей и внимательно посмотрел Роману в глаза.

Роман дёрнулся и замотал головой.

- Не знаю, не знаю я! В прошлом году родители ездили, ну и... Они помогали старикам дом достраивать. И что-то... Я просто не курсе. Что-то произошло. Говорю же, я не знаю! Приехали взъерошенные какие-то, о чём-то спорили, ругались. У себя в комнате, после отбоя.

- Сказали – не ходить.

- Значит, не пойдём. До ужина, по крайней мере. А река? Смотри! Идём! – Роман схватил Матвея за руку. – Там выше ручей от родника. Прямо из глубин, где минус тридцать или сорок.

Роман и Матвей отправились вдоль реки. Арина внимательно посмотрела им вслед, задумалась, перевела взгляд на водную гладь реки, на кусты прибрежные, затем продекламировала:

- Они ушли, шаги затихли, деревья замерли стоять...

А после ужина, наевшись не особенно удавшегося пирога, Матвей, Роман, Арина и Лариса отправились к озеру и в скором времени отыскивали место падения самолёта. Или приземления, правильнее сказать. Жёсткого, но всё же приземления – перед тем, как уткнуться в куст черёмухи, к скале прижавшийся, самолёт основательно поковырял шипами шасси кочки прибрежной поляны.

- Наказывать надо! – выкрикнул Роман, на секунду остановившись. Он уже несколько минут бегал вокруг самолёта и торопливо его осматривал.

- О чём ты? – не поняла Арина.

Роман встал на четвереньки и заглянул под фюзеляж.

- За нарушение правил дорожного... – Роман неожиданно громко икнул.
– За нарушение правил полётов! А так дело не пойдёт.

- Нарушителей двое, возможно, - объявила Лариса. – Люди, так бывает. Роман сделал задумчивое лицо, но ненадолго.

- Того, кто меньше пострадал, и наказать? Да, пожалуй.

- Наказывают не того, кто меньше пострадал, а кто больше виноват, - возразила Арина.

- А виноват тот, кто меньше пострадал! Это же ясно!

Арина окинула Романа насмешливым взглядом.

- Если самолёт больше не поднимется в воздух, а баба Саша наестся пирогов и таблеток и начнёт летать, её и наказать?

- Да, лишить её права летать на всё лето! – сказал Роман. – Я устал, когда нёс её под видом груза триста.

Лариса выставила кверху указательный палец правой руки и тоном учительницы изрекла:

- Необходимо срочно всем выучить правила движения в целях недопустимости впредь!

- Всем? Каникулы же! Пусть в целях недопустимости впредь нарушители учат правила! – вскричал Роман и снова икнул. – Выяснить, кто виноват! А то правила, панимайишь... Кста, поврежденный, кроме отсутствия винта и присутствия царапин, не обнаружено. Так, Матвей?

Роман дважды подряд икнул и обернулся к Матвею, безучастно стоявшему у хвоста самолёта. Матвей как-то странно посмотрел на него и, ничего не ответив, опустил глаза.

- Вывод? – спросила Арина у Романа, с подозрением косясь на Матвея.

- Пицца из морозилки мне нрависса больше, - в очередной раз икнул Роман.

- Про самолёт.

- Самолёт меньше пострадал.

- Если бы его требовалось бинтовать, то и нечего было бы, пожалуй, бинтовать, - высказала своё мнение Лариса и ногтём ковырнула повреждения лакокрасочного слоя. – Царапины – это как ссадины. Только зелёнка... Ну, краска нужна. Но не из пузырька, а из ведёрка.

Роман пожал плечами.

- Воздушный винт приделать, и всё. На эпоксидку. Илий ещё как.

Лариса сильно пинает ногой в корпус самолёта и снова поднимает кверху палец.

- Но самолёт – железный! Слышите, люди?

- Да, он из металлов, некоторые из которых разве что всего лишь ржавчины и боятся. Так, Матвей? – говорит Роман.

Матвей молча кивает, а Лариса командует:

- Продолжай!

Роман продолжает:

- И из пластика. Который современную цивилизацию переживёт.

- А бабуля, - резюмирует Лариса, - из костей, хрящиков и прочего непрочного.

- Да-да! – подхватывает Арина и принимается позу чтеца: - И прочего, прочего, очень непрочного. И парочка крепких, пронырливых вирусов... Попробовать про это стих написать.

- Да, непрочная, - вздыхает Лариса и добавляет: - Хотя я её очень хорошо полечила.

- И всё-таки кто-то же нарушил! – настаивает Роман. – Матвей! Ну! Ты чот-та странный какой-та.

- Сложный вопрос. Осмотром установлено... - неуверенным голосом произносит Матвей. – Надо подумать, проанализировать. Они же ввиду взаимной невнимательности...

- А свидетелей нет, - добавляет Арина.

- Предлагаю дуэль! – вскрикивает Роман. – Она, кста, всегда при свидетелях, которых называют секундантами.

Арина мысленно представляет картину дуэли между бабой Сашей и Макарычем. Баба Саша в образе Дантеса, а Макарыч – вылитый Пушкин. Выстрелы – Макарыч-Пушкин падает. После этого картинка меняется. Теперь уже Макарыч в образе Дантеса, а баба Саша в образе Пушкина. Выстрелы – баба Саша-Пушкин падает.

- Дуэль – не совсем то, что нужно, - делает вывод Арина. – На дуэлях погибает не тот, кто виновен, а наоборот.

- Ни к чему, чтобба погиб невиновный, - мотает головой Роман.

Лариса более категорична.

- Лучше если вообще никто не погибнет.

Арина удовлетворённо кивает.

- Вывод: будем считать, что дуэль отменена в связи с примирением дуэлянтов. Дуэль не состоится, дуэль отменена. Враги пожали руки и умерли от скуки. Ха! Тоже неплохо.

В эту минуту Роман замечает торопливо приближающегося к ним Макарыча и кричит:

- Макарыч, дуэль не состоится!

- Какая дуэль?

Макарыч замедляет шаг и усиленно морщит лоб. Возможно, он и в самом деле пытается вспомнить, что такое дуэль и с чем её едят.

- Дуэль с бабулей, - поясняет Лариса не очень довольным голосом, потому как дуэли она видела только в кино. – Будем считать, что вы помирились и все живы и счастливы.

Макарыч подходит к детям.

- Да-да, как раз собирался поинтересоваться, как она себя чувствует. Надеюсь, ей лучше? И прошу вас... Да, надо срочно уйти отсюда.

- Может, самолёт отремонтируем? – предлагает Роман.

- Нет-нет! – Макарыч поворачивается и вглядывается в стоящего неподалёку Матвея. – Здесь неподходящая аура. Уходим.

Макарыч подбегает к Матвею и, схватив того за руку, увлекает прочь.

КОНФУЦИЙ НЕ ПРАВ

Бабе Саше к ночи полегчало. И спала неплохо. А с утра вдруг разболелась, и не на шутку. Так расхворалась, что сама встревожилась и даже запаниковала. С постели вскочила, по дому забегала, прихрамывая и постанывая.

Проснулась и спустилась вниз Арина. И тоже разволновалась, увидев, как баба Саша извлекает из шкафчика внушительных размеров склянку и выливает её содержимое себе в рот. А затем отхлёбывает, и прилично, ещё из нескольких банок с разноцветными жидкостями. И всё время громко охает и ощупывает голову и бока. Потом, в очередной раз потрогав лоб, берёт полотенце и обматывает им голову. И ложится на кровать.

- Тебе нужно поспать, - говорит Арина.

Но баба Саша уже опять на ногах. Она спешит к столу, заваленному лекарствами, и торопливо набирает целую горсть таблеток. И всю эту многоцветную горку сыпает себе в рот. И проглатывает. Пытается проглотить, точнее. Арина наливает воды в стакан и подаёт его бабе Саше.

- Фу-у-у! – выдыхает баба Саша, проглотив воду вместе с таблетками.

- Теперь ты выздоровеешь? – с надеждой произносит Арина.

Баба Саша оборачивается и печально смотрит на внучку. Затем бредёт к кровати и падает на постель ничком. Сил у неё уже нет. Кончились. Ни рукой, ни ногой, как говорится. Похоже, и перевернуться на спину не в силах.

- Тебе помочь? – спрашивает Арина.

- Да.

Арина помогает бабе Саше улечься поудобней, подушки ей подкладывает.

- Ты выздоравливай. Ты вязать меня обещала научить. И из шнура.

- Так учила уж не раз, - слабым голосом говорит баба Саша. – Ладно, тащи. Последнюю попытку сделаю.

- Я сейчас. Нитки в сумке. Когда вяжешь – рифмы складываются.

Арина бежит к лестнице, ведущей на второй этаж.

- Э! – говорит баба Саша.

Арина останавливается.

- Да, бабушка.

- Ларису позови.

- Зачем?

- Скажи ей, что я смертельно больна, что я умираю. Только не напугай.

- Зачем умирать? Надо просто вылечиться и перестать болеть. Чтобы не умереть.

- Всё перепробовала. Ты же видела, - слабым голосом произносит баба Саша. – Мне немного осталось. Ровно столько, сколько нужно, чтобы хотя бы Ларисочку чему-то научить.

- А я говорю – умирать рано! – протестует Арина.

- Ничего не бывает рано, ничего не бывает поздно. Всё приходит вовремя. Так сказал Конфуций.

- Конфуций? Ладно, я разбужу Лариску. Но ты всё равно не умирай.

Арина поднялась наверх и растолкала Ларису.

- Идём. Вставай быстро! Бабушка умирает!

- Как это умирает? – не поверила Лариса – Обещала бородавку вывести.

- Я тоже против. Но ей совсем плохо!

- Собирались же мороженое по-льежски... – бормочет Лариса.

- Зовёт тебя. Давай!

Арина выхватила из своего рюкзака объёмистый цветной пакет и убежала, а Лариса, даже ещё не вполне проснувшись, оделась настолько быстро, что сама не могла поверить, что она уже одета и надевать на себя ничего больше не требуется. Но футболка, шорты и тапочки уже были на ней. И этого, конечно, достаточно, чтобы сейчас же помчаться вниз по лестнице к умирающей бабушке.

Когда она прибежала к кровати больной, баба Саша приоткрыла глаза, но не шевельнулась. Лариса растерянно посмотрела на Арину и вязанье в её руках и собралась заплакать. Баба Саша нахмурилась.

- На слёзы нет времени. Лариса, засучи рукава. Арина, ты будешь записывать.

- Я позову деда! – выкрикнула Арина, бросила на стол нитки со спицами и выбежала из столовой.

И очень скоро о близкой смерти бабы Саши знали уже все. И все хотели, чтобы она ещё пожила. Поэтому собрались около дома, в который их не пустила Лариса, и горестно покачивали головами, расположившись на крыльце, на лавочках.

- Сочетание синего дельфиниума и оранжевых лилий, - проговорил дед Фёдор. – Хотел, чтобы сама посмотрела. Думаю, ей бы понравилось.

- Планировал проконсультироваться насчёт укрепления памяти, - сказал Матвей. – Так-то я собрал информацию, но... Но хочется, чтобы как-нибудь...

- Волшебным образом? – улыбнулся, не без грусти, естественно, дед Фёдор. – Не знаю. Мозг всё-таки. Вот взять цветы акроклинума! Полурапустившимися в полуденные часы срезать или ближе к вечеру?

- Вклад в поиск достопримечательностей... - вздыхает Роман. – Матвей, я ведь на бабу Сашу очень рассчитывал. Не думал, что подведёт. Она – меня, а я, друг, – тебя.

- Ингредиенты липового чая... Состав капель от сонливости... - бормочет Макарыч, параллельно размышляя о несомненном усилении признаков континентальности в местном климате последнего времени.

В окно, выходящее на крыльцо, высовывается голова Ларисы.

- Тихо! Вы что себе позволяете? Жу-жу-жу, жу-жу-жу! Расшумелись!

Дед Фёдор вскакивает и, спеша к окну, – кричащим шёпотом:

- Книжки по фитодизайну! Среди тех, которые в коробках, или которые в мешках?

- Я спрошу.

- И по поводу мягкой очистки печени... - торопится дед Фёдор. – Рецепт Конюховы нахваливали. Она даже записала. Там к овсу и листьям брусники почки какие-то, кажется...

- Арина выйдет и запишет вопросы! – отрезала Лариса. – Если успеет.

Лариса захлопывает окно и спешит к плите, на которой находятся несколько дымящихся кастрюль. Баба Саша, лежащая на кушетке, провожает её внимательным взглядом.

- В левой дальней давно не помешивала, по-моему, – говорит она и обращает взор на Арину, плетущую макраме. – Ты всё ещё с панно «Совушка» возишься?

- А диагональный репсовый как завязывают? Я ведь не поняла.

- На наклонно натянутой узелковой нити. А клюв плести приёмом «горошина».

- Это как?

Баба Саша сползает с постели и забирает из рук Арины макраме.

- Я же уже показывала. На средних четырёх нитях – цепочку из шести плоских узлов.

Баба Саша возвращает Арине рукоделие и направляется к кушетке, но вдруг её привлекает запах, идущий из одной из кастрюль. Баба Саша приближается к плите.

- А это что у тебя тут?

- А это для женщин в возрасте, - отвечает Лариса. – Здесь кора крушины, плоды фенхеля, полынь горькая и мята перечная.

- Но запах!

- А я добавила ванили, мяты и ландыша. Для аромата. Для женщин же. Хоть и в возрасте. Для мамы, в первую очередь.

Баба Саша вздыхает и качает головой. Она уже собирается направиться к кушетке, как вдруг её внимание привлекает содержимое другой кастрюли.

- Это что такое? Тут же уха варится!

- Да, учусь варить уху.

- А что за цвет?

- Я добавила свёклы, - признаётся Лариса.

- Свёклу – в уху?!

- Цвет уж больно бледный был. Мне хотелось, чтобы уха была красивой.

- Ну, Лариска! Вылови сейчас же!

- Но красивый цвет останется?

- Боюсь, не только цвет сохранится в бывшей ухе!

Баба Саша принимается поварёшкой вылавливать из ухи куски крупно нарезанной свёклы. Заглянувший в эту минуту в окно дед Фёдор хмурится, а затем стучит костяшками пальцев по стеклу. Лариса подбегает к окну и отворяет одну створок. Она возмущена.

- Да что ещё?!

Дед Фёдор вскипает ответным возмущением.

- А почему не в постели больная? Безобразия!
- На минуту встала! – Лариса захлопывает окно.
- Мы тут на грани истерики, а она поварёшкой орудует! – негодует дед Фёдор, меряя шагами крыльцо.

- Ей лучше? – уточняет Макарыч.

- Да внуки разве дадут умереть?! – взмахивает руками дед Фёдор и поспешно спускается с крыльца.

- Вы куда?

- Не могу больше! Займусь крыжовником! – отвечает дед Фёдор и направляется к сараю.

Макарыч также поднимается, несколько секунд раздумывает, потом, бросив взгляд на часы, торопливо покидает крыльцо и идёт к своему дому.

- Макарыч! – кричит дед Фёдор. Он не успел дойти до сарая. –

Подожди!

Дед Фёдор спешит к ожидающему его Макарычу.

- Кажется, я знаю, что вы хотите сказать, - виновато произносит Макарыч.

- Макарыч, ты уж не подведи. Надо обработать химсредствами.

Выходят сроки!

- Сделаю, что смогу, - кивает Макарыч.

- Макарыч, умоляю!

Макарыч ещё раз кивает и уходит. Дед Фёдор направляется к сараю.

Роман с торжествующей усмешкой оборачивается к Матвею.

- Мы временно не существуем. Ни для кого.

- На озеро я не пойду! – решительным тоном произносит Матвей.

Роман в недоумении.

- Вот так взять и упустить момент?

- Недостаточно информации.

- Информации? Какой информации? Ты говорил, теорию освоил в совершенстве. А я со своим стариком... Теперь – посидеть, потрогать для начала.

Матвей качает головой.

- Я не об этом.

- О чём тогда вообще, Матвейка?

- Я был одиноким и чужим. Давно со мной такого не случалось.

- Прекрати загадками изъясняться! – сердится Роман. – Внятно сказать можешь?

- Думаю, это всё не шуточки. Жаль, здесь интернета нет. Отец уклонился от разговора, поэтому... Может, с твоим дедом поговорим?

- Давай. Только ты уж сам, ладно? А то я не знаю, куда тебя понесло.

Матвей недоверчиво смотрит на Романа, лицо которого кажется демонстративно беззаботным.

- Хочешь сказать, не заметил ничего необычного у озера? Ты, Лариса и даже Арина...

- Нет, не заметил! – нагло глядя в глаза Матвею, ответил Роман.

- Думал, ты – мой друг, - сказал Матвей, поднялся с лавочки, сбежал с крыльца и направился прочь.

- Да подожди, Матвей! – крикнул Роман спустя несколько секунд.

Человек, которого привык считать другом, удаляется, уходит, возможно, навсегда. Такую картину не каждый выдержит. Вот и Роман не выдержал. Он догнал Матвея, и они уже вместе пошли к дому Макарыча. Молча.

Так же, не проронив ни слова, они осмотрели набитый книгами дом и забитый различными агрегатами ангар, являющийся мастерской Макарыча. Но Макарыча не обнаружили. Дальнейшее молчание не несло конструктива. И Роман решил озвучить вертевшуюся в голове мысль.

- Эксперимент. Провести эксперимент. Быка за рога.

- Тебе легко говорить, - вздохнул Матвей. – Ты как был...

- Что?! – вспыхнул Роман. – Говори! Говори!

- Ты всегда был лёгким. У тебя всегда были сёстры!

- Не всегда! Хотя Аринка, можно сказать, всегда. А когда Лариску принесли и положили на стол, я даже на стул забираться не стал. Стоял, смотрел и не знал, что делать.

На лице Матвея появилось выражение решимости.

- Мы проведём эксперимент, - объявил он. – Да. Но не сегодня. Мы подготовимся.

- Не думаю, что ты здесь памперсы отыщешь.

- Что-нибудь да отыщу.

- Ладно, не буду тебе мешать, - с некоторой обидой в голосе проговорил Роман. – Но ты настраивайся не стоять пнём, как в тот раз. Я облазал его весь. Но я же не разбираюсь в этом старье, пойми!

- Я тебе давал литературу.

- Опять ты!.. – с досадой воскликнул Роман. – Мне один раз попробовать на практике...

- Увидимся, - сказал Матвей и направился к дому Макарыча.

Роман смотрел ему вслед и сердился. И на Матвея, и на себя. Но больше – на Матвея. А потом отправился домой.

Войдя в прихожую, Роман услышал голос бабы Саши:

- Ложимся на спину, руки кладём за голову, ноги сгибаем в коленях, стопы ставим на пол. Лариса, ты видишь, как я ставлю ноги?

Роман вбежал в столовую и не поверил своим глазам – баба Саша и Лариса лежат на полу, на ковриках!

- Баба Саша, ты занимаешься спортом?!

- Комплекс Ларисе решила показать. Она со своей любовью к домоводству к двадцати годам в клушу превратится. Опускаем колени вправо, затем влево. Начали!

- Арина! – обратился Роман к сестре, сидевшей тут же с вязаньем в руках.

Арина, прекратив орудовать спицами, подняла голову и усмехнулась.

- А я не одобряю. Я – против. Давно ли она ссылалась на Конфуция? Бабушка, - обратилась она к физкультурнице, - ты чем свои предсмертные судороги оправдывала? Говорила – всё вовремя приходит.

- Конфуций был не прав. Потому и умер рано, - сказала, как отрезала, баба Саша твёрдым голосом не планирующего умирать человека никогда.

ПЛАН ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ

Роман счёл необходимым выдержать характер. Да, дружба дружбой, но сложные межличностные отношения никто не отменял. Да их указами и не отменишь. И одно дело, жизнь за товарища отдать, а другое – потворствовать... Да чему угодно потворствовать. Потворствовать, потакать...

Главное – быть всегда готовым жизнь отдать. Всегда и во всякую минуту. Потому что там не будет времени на подумать, поразмышлять. Опасность, угроза, катастрофа – это всегда неожиданно. И надо ещё не опоздать что-то сделать, чтобы спасти. Часто и не успевают. Не успел – не герой. А кто-то не войдёт в положение, не примет оправдания – вот ты уже и подлец или подонок.

И ладно, если у тебя хотя бы совесть чиста, - переживёшь как-нибудь. Но вот если...

Дальше размышлять было уж совсем муторно. Роман быстро поднялся с кровати, вытащил из-под неё рюкзак и отыскал смартфон. Он обследует

местность на предмет наличия или отсутствия сигнала. Мало ли кто и что заявляет. Сам так сам – не то, что дети, как говорит дед Фёдор.

Хотелось пойти к озеру, но Роман отправился вдоль реки, вверх по течению. Озеро никуда не денется. Хотя и река не убежит. Разве что русло сменит, что на местных широтах случается крайне редко.

Матвей тем временем исследовал отцовскую библиотеку. Не может быть, чтобы отец не занимался проблемой озера. А то, что это проблема, Матвей ничуть не сомневался.

Это он заподозрил ещё прошлым летом, когда неожиданно выяснил, что ни озера, ни его окрестностей нет на картах – просто зелёное пятно. И река не нарисована почему-то. А на спутниковой карте пятно не зелёное, а мутное. Но из него тёмно-серой закорючкой вывалилась одна из излучин реки. И река эта ещё та река. Она невообразимым образом сложилась из множества неведомо откуда взявшихся ручейков родникового свойства. И она неизвестно почему обегает озеро по кругу, прежде чем влить в него свои воды.

И ещё тогда, год назад, хотя Матвей и не был шокирован полученными сведениями, холодок неприятного предчувствия коснулся затылка.

А утром, проснувшись, Матвей с удивлением обнаружил сидящего около его кровати Романа. Роман сидел молча и молча же смотрел Матвею прямо в глаза. Взгляд был не то задумчивым, не то грустным или печальным. Да, задумчивым и грустно-печальным.

Роман в расстроенных чувствах – это ещё куда ни шло, но в состоянии столь глубокой задумчивости... Матвей встревожился.

- Что стряслось? – спросил он и уселся на кровати.

- Что за сон ты смотрел?

Матвей попытался вспомнить, даже потёр лоб рукой.

- Не знаю. Кажется, ничего интересного.

- Вот-вот, - вздохнул Роман. – Так и лето закончится. А ведь мы у озера. Здесь можно летать, как баба Саша. Если она, конечно, летает. Выращивать по два урожая, как дед Фёдор. Если он, конечно, выращивает. Или, хотя бы, делать открытия, как твой отец.

- А мы составим карту местности, - сказал Матвей.

- Карта – это скучно, - скучным голосом проговорил Роман и, задействовав все мышцы лица, продемонстрировал состояние безысходности.

Матвей в ответ грустно усмехнулся и как-то непонятно посмотрел на Романа.

- Ошибаешься. Картография – это путешествия. А путешествия – это приключения. Магеллан, Беринг, братья Лаптевы. Нашими именами назовут... Или мы сами назовём...

Роман заметно оживился.

- Что назовём? Реку, озеро? Кстати, у них имена имеются?

- Если только отец или твои дедушка с бабушкой их назвали.

- Да они – «река» да «озеро» всё... Такие слова употребляют. А на карте? Чур, я первый, если что! Озеро Романа, Роман-река. Ну или ещё подумать.

- Нет их на карте, - объявил Матвей.

- Как это нет?

- Вон там, на тумбочке, распечатки.

Роман бросился к тумбочке. Спустя минуту сказал:

- Мне только сейчас сообщаем?

- Не думал, что ты не в курсе. Но... надеюсь, ничего страшного.

Сделаем карту, и мама привезёт корпоративщиков. Туристический бизнес возможен, считаю. Будет карта – мама решится, считаю.

- Знаю, чего ты хочешь от предков. Но так ли уж это хорошо? Я бы, на твоём месте, всё взвесил.

Матвей не ответил, только промывчал что-то.

Роман стал думать, как ему поступить. Это же ни в какие ворота! Да он вообще за кого его держит! Роман уже собрался обидеться по-взрослому, но некстати вспомнил слова Матвея про «ничего страшного».

Поэтому уверенным голосом заявил:

- Ладно, сделаем. И будет карта. И с остальными делами решим.

Какой-нибудь газ из недр – вот и иллюзия этого... Того, что тебя взволновало, а я почти и не заметил. Конечно, иллюзия! Всего лишь!

- Готовим экспедицию, - кивнул Матвей. – Выступаем завтра. Точнее, просто прогуляемся для начала. На восток, например.

- А эксперимент?

- Если время останется.

- Нет, давай окончательно решим. Например, в четыре.

Матвей, преодолев себя, согласился. «Иллюзия», «газ из недр» - чушь. Но придётся рискнуть. Роман и так уже смотрит на него... Не как прежде начинает относиться к нему. Если подобным образом складываться будут дела и в будущем, то Роман просто объявит его, Матвея, слабаком.

А он отнюдь не слабак. Он тоньше организован, более чувствителен к движениям того незримого, что кто-то назовёт энергоинформационными

полями, а кто-то – параллельными мирами. Параллельные миры, которые (нонсенс, конечно) пересекаются. Во всяком случае, соприкасаются, и порой самым непосредственным образом.

Да, разрушения и смерть – более чем вероятный итог подобных катаклизмов.

Но – не спрячешься. Да и пообещал уже. И он перенесётся в почти уже забытый мир необъяснимой неуверенности и пустых страхов. Необъяснимые и пустые, но, как оказалось, до сих пор не изжитые. Шкура, представлялось, задубела и приросла, но – щёлк, и её уже нет, а ты голенький, жалкий и смешной.

ПУТЕШЕСТВИЕ ЗА ГОРИЗОНТ

Однако Арина и Лариса опередили Романа и Матвея, оказавшись на озере ещё до обеда. Случайно. Собирали ягоды по косогору за речкой, и земляничный ковёр вывел их на скалу, с которой открывался наикрасивейший вид на ледяную зеркальную гладь неживого, казалось, озера.

- Оно, что ли, мёртвое? – как бы даже возмутилась Лариса. – Оно и в тот раз таким же было?

- Нет, просто это другая жизнь. Я её сразу почувствовала.

Арина принялась осматривать окрестности, попутно извлекая из кармана записную книжку.

- А, ну ты, конечно, Ариночка! Хо-хо-хо! – иронизирует Лариса. – Кстати, в рифму чего-нибудь выдай для убедительности. Что-нибудь, типа... А, вот! Живое озеро дышало и, как убить меня, решало. Видишь? Я тоже могу сочинять. Но не хочу, потому что не желаю быть душой. Не понимаю, что в тебе Матвей нашёл.

- Да, о безответной, несчастной любви... - Арина делает запись в книжке.

- А она не обязательно несчастная. Просто не ответная.

- Сонет! – размышляет вслух Арина. – Или венок сонетов. И – в женский взрослый журнал! Если настоящая несчастная... Нет-нет, не сегодня. Только не сегодня, когда небо бледно-голубое и бязью эти облака... А деревья отсюда – маленькие, как в тундре.

- Витаминов ты, смотрю, уже наелась, - усмехается Лариса и принимается высматривать среди травы ягоды, постепенно удаляясь в сторону.

Спустя полчаса Лариса вернулась и нависла над полулежащей на травке Ариной.

- Ну! Ты уже здесь?

- Я придумала стишок, а получилась загадка, - загадочно и печально улынулась Арина.

- Стишок-загадка? Почему не считалочку?

Арина запрокинула голову к небу.

- Когда мечтаешь о тундре, где деревья маленькие, лето короткое и яркое, а зимы поэтически длинные...

- Ты мечтаешь о тундре? – удивилась Лариса. – В первый раз слышу.

- Мечтала и сочиняла. И вышла загадка. Могу прочесть.

- Ладно, давай, - скривившись, как от зубной боли, разрешила Лариса.

Арина поднялась на ноги и принялась декламировать, жестами указывая, когда нужно смотреть на небо с облаками, а когда – на кромку горизонта и лес:

Кто это сделал, кто сумел
гуашью бледно-голубою
раскрасить небо надо мною
и, что совсем невероятно,
тончайшей кистью, аккуратно
наделать бязи облаков?
Да кто же он, кто он таков,
что так талантлив и огромен
и, в то же время, очень скромн?
Присел он там, за горизонтом,
укрывшись тундры мягким зонтом,
и полегоньку, нежно дует,
любуюсь с грустью, как кочуют
стада его живых творений,
пушистых, не дающих тени,
по перевёрнутой равнине...
Потом в зелёной вязнут тине.

Арина закончила читать стихи и замерла в позе ожидающей аплодисментов артистки.

- В чём загадка? – спросила Лариса.

- Кто «нежно дует, любуюсь с грустью»? – ответила-спросила Арина.

- Ветер? Циклопы, антициклопы?

- Циклоны, хотела сказать?

- Да пошутила. Чувство юмора подлечи, – посоветовала Лариса. – И вообще, странная ты. Ты в такой манере стихи сто лет назад читала.

- Тайга и тайга до самого горизонта! – сказала Арина и вздохнула. – А что за ним?

- За горизонтом?

- Да.

- Пойди и посмотри, – поразмыслив, сказала Лариса. – Да, надо просто пойти и посмотреть. Кто там присел, ты говорила?

- Который нежно дует.

- Вот и смотаемся.

- А в какую сторону идти? – задумалась Арина.

- Совсем, что ли? В ту сторону, откуда облака.

- Но вчера они, кажется, откуда-то чуть ли не с юга, а сегодня – вон оттуда, – махнула Арина рукой в северо-западном направлении.

- Без паники. Мы отправляемся не вчера, а сегодня. Следовательно, мы пойдём не туда, куда надо было вчера, а туда, откуда сегодня, а не вчера. То есть мы идём... - Лариса послунявила палец и подняла его кверху.

Арина проделала то же самое. И спустя полминуты объявила:

- На юго-запад, естественно. Точнее, на северо-запад. Да и невозможно через озеро, только вдоль.

И они отправились. Шли долго. Устали.

Лариса без сил опустилась на пенёк.

- Я уже не могу.

- Тоже на последнем издыхании, – сообщила Арина и плюхнулась в траву. Она опрокинулась на спину и стала смотреть на кроны деревьев, несущихся навстречу облакам. – Забраться бы на дерево – оттуда видней. Кто полезет?

Лариса поморщилась.

- Я на дереве смотрюсь не очень. Мне кажется, у меня большие ноздри.

- Да, я тоже подустала. А сучков внизу мало, – вздохнула Арина. – Попробовать командный стиль восхождения?

- Это как? – спросила Лариса.

- Одна на другую. Ты на меня, потом я – на тебя.

Арина не без труда поднимается и принимается высматривать подходящее дерево. И такое дерево, у которого нижние сучки находятся в

пределах досягаемости, отыскивается. Арина подсаживает Ларису. Лариса лезет вверх, затем устраивается на одной из веток.

- Теперь ты! – командует она.

Арина карабкается на дерево. Она достигает уровня Ларисы, затем пытается пробраться выше, что не вполне получается.

- Я встану тебе на ногу, потом на плечо, - сообщает она.

Лариса покосилась на протекторы её кроссовок.

- Только ты со своими шузами поосторожней.

Арина пробует наступить на ногу Ларисы. Лариса вопит:

- А-а! Разувайся! Давай-давай!

- Разуться? С ума сошла!

- Никогда на дереве не разувалась?

- Представь!

- Значит, просто – мимо! Белочкой.

Но всё же, ценой немалых усилий, Арина пробирается на следующий уровень и осматривается.

- Сейчас ты должна встать и подтолкнуть меня, - говорит она.

- Если встану, потеряю равновесие.

- Не поможешь – мы приплыли! – сердится Арина.

- Подтолкнуть, а потом упасть? И хвалиться синяками?

На ветке расположенной поблизости берёзы сидит баба Саша. Сидит довольно высоко. И не без удивления наблюдает за внучками. Наконец решает заговорить.

- Алё, альпинисты! – с усмешкой произнесла она.

- Бабушка? – удивились Арина и Лариса. Одновременно и в один голос.
– Ты как здесь? Ты почему?

- За травмами моталась, - баба Саша посохом стучит по лежащему у неё на коленях рюкзаку, плотно набитому. – Присела, а тут вы...

- И ты молчала! Почему ты молчала? – спросила Лариса.

- Моё убеждение – физические упражнения полезны. Да и, честно сказать, обомлела на оба полушария. Не каждый день увидишь городскую малышню, взбирающуюся на деревья. А тут – командный стиль. Прямо, спецназ.

- Бабуля, а ты глянь, что там, - попросила Лариса.

- Где?

- Да за горизонтом же!

- А отсюда не видно, - ответила баба Саша.

- И оттуда не видно! – удивлённо воскликнула Лариса, а затем осуждающе посмотрела на Арину.

- У озера были? – спросила баба Саша. – Ведь сказано же!

- Мы случайно, - ответила Арина. – Скажи, а сколько у тебя часов налёта?

- Да я сотни, тысячи часов налетала. И это только в рабочее время. В смысле, когда сборы делать надо. А ведь ещё, знаете ли, когда была помоложе... - мечтательно воздевает глаза кверху баба Саша. – Мы только-только сюда перебрались...

Но Ларисе молодость бабы Саши не интересна.

- И что там, за горизонтом?

- За горизонтом? А я туда не летала.

- Почему?

- Я же не знаю, какие там травы. А вдруг они там вредные для здоровья и долголетия? Сколько времени у озера находились?

- Аринка стишок сочиняла.

- Теряем время. Идём, Лариска! – начала сердиться Арина. – Она даже за горизонт не летала! А ещё ведьма называется!

Арина принимается торопливо спускаться с дерева. Только сучки под ногами её похрустывают.

Баба Саша посмеивается.

- Да шучу! Шучу же я! Я там сто раз бывала. И даже больше раз в десять.

- Что там? Расскажи, что видела! – воскликнула Лариса.

- Да-да! – замирает Арина, балансируя на одной ноге.

- Но я ночью летала, - хитро улыбнулась баба Саша. – В условиях недостаточной видимости.

- Издевается над нами! – резюмирует Арина и продолжает спуск с дерева.

- Девочки, вы сами себя... Вы друг друга слышите? – спрашивает баба Саша.

- Спросим у Макарыча, - предложила Лариса. – Я слышала звук пилы. Уж с самолёта-то видно всё.

- Да уж... - Арина округлила глаза. – Когда в мёртвой петле, то, вероятно, можно увидеть даже то, чего и не бывает!

Арина и Лариса спускаются с дерева.

- В ту сторону! – взмахивает рукой Арина.

- Подожди! – шепчет Лариса. – Посмотрим, как бабушка летает.

Арина и Лариса смотрят на бабу Сашу.

- Идите-идите! – сердитым голосом проговорила баба Саша. – Я при своих внуках ещё не летала! И сразу домой. Пускай дорогу вам покажет.

- Отойти, спрятаться и подглядеть! – шепчет Лариса.

Баба Саша, кажется, всё слышит.

- И не вздумайте прятаться и подглядывать!

- Ладно, в следующий раз как-нибудь, - сказала Ларисе Арина и отправилась на звук мотопилы. Лариса, поколебавшись, последовала за ней.

Девчонки, ориентируясь на завывающий звук пилы, достаточно скоро отыскивали в лесу Макарыча.

- Вон он! – первой заметила Макарыча Арина. – Быстрее!

Естествоиспытатели спешат к Макарычу, разделяющему поваленное дерево. Неподалёку стоит мотоблок с тележкой.

- Макарыч, привет! – кричит Лариса.

Макарыч не слышит, так как бензопила исполняет заунывную песню без слов.

Арина тронула Макарыча за плечо.

- Макарыч, на минутку!

Макарыч удивлённо обернулся и выключил бензопилу.

- Вы каким образом здесь?

- Скажите, - спросила Арина, - вы, когда мёртвую петлю или бочку делаете, видите то, чего другие не видят?

- А то у нас силы уже кончаются, - пояснила Лариса.

- Я вас не понимаю.

- Вы за горизонт летали? – спросила Арина.

- Почти на сто процентов – да.

- То есть? – уточнила Лариса.

- Немного не догонял.

- Как это? – не поняла Лариса.

- Горизонт, как правило, очень быстро убегает.

- Быстро? – удивилась Лариса. – Но вы же на самолёте.

- Однажды я его чуть-чуть не догнал, - улыбнулся Макарыч. – Но у меня кончилось горючее.

- Чуть-чуть, - бормочет Арина.

- Да, непонятно, - поддержала её Лариса.

- Вы долго у озера находились? – спросил Макарыч.

Лариса помотала головой и сказала:

- Нет, оно, похоже, неживое.

Арина вынула записную книжку и кокетливо улыбнулась.

- А хотите, я новый стих прочту?

- Вот этого хватит уже! – Лариса выхватила у Арины записную книжку и побежала прочь.

- Стой!

Арина догнала Ларису и принялась отнимать у неё свою записную книжку. Скоро одна из них споткнулась, и обе упали, огласив окрестности визгом. Борьба продолжилась уже в партере, однако была прекращена Макарычем достаточно решительно.

Спустя час, уже сидя на крыльце, Арина внимательно посмотрела на Ларису и сказала:

- И как такое возможно?

- Да уж, учудила ты, старушка, - хмыкнула Лариса.

- Помешательство – коллективное, вот что самое печальное.

- Свихнулась ты, Аринка. А я заразилась. И грипп в декабре тоже ты в дом притащила.

- Придётся сказать им, что это не шутки.

- Мальчишкам? Вот ещё! – возмутилась Лариса.

- Ещё же в тот раз можно было осознать. Авиакатастрофу принялись расследовать методом... - Арина поморщилась, фыркнула, затем продолжила: - И название не придумаешь. Зато стих отличный появился. Я буду сочинять новые. Поэзия не только ставит вопросы – случаются и поэтические прозрения. Может быть, в следующем стихотворении нарисуетя то, чего мы ещё не видели, но хотим познакомиться. Я...

- Отстань! – рявкнула Лариса, вскочила и убежала в дом.

КОГДА В ТОВАРИЩАХ СОГЛАСЬЯ НЕТ

Матвей сидел на кровати и, поглядывая на ежеминутно дёргающиеся стрелки настенных часов, ломал голову, как бы откосить от эксперимента с посещением озера. Если стремиться к пунктуальности, через три минуты следует выдвигаться. Можно слегка и опоздать, конечно. Закрутился, мол, а часы... Часы не трудно остановить.

Пришёл Макарыч, задержался у отворённой двери комнаты сына, постучал по косяку. Не очень решительно. Он и вообще не очень знал, как общаться с повзрослевшим Матвеем.

- Матвей, у меня к тебе дело.

Матвей вскочил и бросился к выходу из комнаты.

- Да. Что за дело?

- Матвей, девочки сегодня ходили на озеро. Мы надеялись... Дети и так дети же. Так ведь?

- Что-то случилось?

- Нет-нет, всё хорошо! – вскричал Макарыч. – Просто их поведение заметно изменилось. Разнимал, как маленьких. Всё быстро прошло. Это такое временное... Они, полагаю, прекрасно себя чувствуют. Лучше уж, по нашему берегу...

- Мы сегодня вниз по течению прогулялись. До утёса и дальше.

- Вот-вот! А если направо, то есть на запад, то за пригорком – лес.

Держаться к реке ближе.

- Ты узнал, почему река – вокруг озера?

- Скорее, нет, чем да. Ещё очень много вопросов. Много-много родников, и – река. Делает круг, собирая ещё многие и многие ручьи, и впадает в озеро, резко сужаясь. Да я говорил тебе. Но... Но уровень в озере... сохраняется. Куда девается излишек воды, не ясно.

- В подземные хранилища?..

- Подтверждений пока не нашёл. Как будто, знаешь, вычерпывает кто-то. Так что вы уж с этой стороны реки... Вверх по реке, вниз... А на той стороне и делать нечего, я думаю. Я бы и мост разобрал.

- А самолёт? – спросил Матвей.

- А самолёт... Да, самолёт... - Макарыч загрустил, но тотчас встряхнулся. – Решим с ним. И ещё другой найду. Когда-нибудь. И сделаю. Этот же получился.

Роман в это время стоял на крыльце «Александрии» и терпеливо... Не вполне терпеливо, точнее... Он не стоял, а, заметно взволнованный предстоящим, прохаживался по крыльцу, дёргаясь при каждом звуке.

Когда Матвей появился, Роман, усилием воли удерживая себя от перехода на бег, поспешил навстречу.

- Начальство не опаздывает, сэр?

- Ты не передумал? – удивился Матвей.

- Я должен был передумать?

- Если тебе сёстры рассказали...

- Что рассказали?

- Они же были на озере...

- Они были на озере?

Матвей подумал, что количество вопросов, задаваемых ему Романом, неоправданно велико. К чему бы это? Впрочем, кажется, понятно.

- Надо поговорить с ними. Где Арина и Лариса?

Роман взмахнул рукой, указывая на дом, находящийся позади него.

- У себя. Сидят, как мыши.

Матвей бросил взгляд мимо Романа и обнаружил Ларису стоящей на балконе «Александрии». А рядом, положив руки и голову на перила, сидит Арина.

- На балконе. Смотрят на нас, - сообщил Матвей. – Почему они тебе ничего не сказали? Они были на озере. И... всё так, как я и думал.

- Идём! – принял решение Роман.

Он повернулся и побежал к дому. Матвей последовал за ним.

Девочки запирались недолго. А потом и остановить их оказалось непросто – на второй круг пошли, то ли вспоминая, то ли придумывая новые подробности.

- И как она на пенёчек не взгромоздилась, когда табуреточки не обнаружилось? – смеялась Лариса. – Я помню её такой, помню. Была писклявкой в бантиках.

- Ты в те времена вообще в памперсах жила, - парировала Арина. – И не всем же иерихонский голосовой аппарат вместо хоть какого-нибудь дара. Кстати, всегда все драки начинала именно ты и больше никто. Зависть – источник всех войн на этой планете.

- Всё равно всё странно, - озвучил свои ощущения Матвей.

- Я и говорю, - сказал Роман.

Арина бросила на брата насмешливый взгляд.

- По-моему, ты, наоборот, необычайно немногословен сегодня.

Роман повернулся к Матвею.

- Самим надо. Иначе чистоту эксперимента не обеспечить.

- Не будем спешить. Подведём теоретическую базу.

- Алё, симпо-зи-ууум! – прогудела Лариса. – Мы можем быть свободны?

- Да, если что... - начал Матвей.

- Вот и валите, - отрезала Лариса.

Матвей и Роман переместились на крыльцо и продолжили обсуждение плана дальнейших действий, закончившееся ссорой. Роман обозвал Матвея книжным червяком, пообещал сгинуть в катакомбах, затем убежал в свою комнату на втором этаже и закрылся. Матвей, миролюбиво настроенный, пошёл следом, потоптался у двери, подёргал ручку, взывая, но допущен не был.

- Ладно, ты знаешь, где меня найти, если надумаешь выбраться из своих катакомб, - сказал Матвей в заключение и ушёл.

Это было лишнее. О катакомбах. Словно плетью огрел. Роман, ничком лежавший на кровати, вскочил и принялся собираться в поход. Да, именно в поход, возможно, с ночёвкой.

Говорят, то, что случилось один раз, может больше никогда не произойти, но то, что случилось два раза, обязательно будет и в третий. А Матвей даже уже не дважды сдрейфил, а три, четыре или пять раз. Просто Роман не считал, не фиксировал никогда. Возмущался, да, но быстро отходил, типа – а, ладно, проехали. Но если, конечно, выделить время, сесть, повспоминать...

И уже на пригорке Роман, подуспокоившийся, но не вполне, не до конца, сбросил рюкзак на землю и уселся на люк погреба. Да, если так дело пойдёт и дальше, то и лета не хватит, чтобы...

Чтобы – что? И куда идти? Роман бросил взгляд на мост и дальше, на убегающий в гору лес за рекой. Туда однажды убежал и медведь. Это было в прошлый приезд. Роман с сёстрами плескались в лягушатнике, а этот неизвестно откуда появившийся мишка бросился в воду, забрызгав находившуюся выше всех по течению Ларису, и уплыл на тот берег. Не заметил её, видимо, а то бы – под мышку и... И где-то там, у озера, появились бы Лариса (она, кстати, на Машу смахивает) и медведь. Если тот медведь не оказался бы голодным, конечно.

Роман бросил взгляд на венчающий крышку погреба замок и подумал, что неплохо было бы тушёнки прихватить. И мёд бы не помешал. А лишнее из рюкзака следовало выложить всё, а не частично. Собирался же, как приехали только, но что-то всё недосуг было. Поесть нечего, а брюк целых трое, не считая спортивных.

- Рома! – послышался знакомый голос.

Роман обернулся и увидел идущего со стороны леса деда Фёдора.

- А, дед. Ты откуда?

- Мох мне нужен. Нарвал немного.

Дед Фёдор сбросил на землю полиэтиленовый раздувшийся мешок чёрного цвета и с интересом посмотрел на рюкзак Романа.

- Опробовать решил, - сказал Роман, заметив взгляд деда Фёдора. – Если завтра в поход...

- И как?

- Нормально. Слегка подрегулировать.

- Один не ходи.

Роман хотел ответить, что и не собирался, но промедлил, а когда поднял взгляд на собеседника, то понял, что дед Фёдор что-то заподозрил.

- На завтра планировали, - сказал Роман. – Будем карту делать.

- Карта нужна, - кивнул дед Фёдор.

- Достопримечательности надо будет отметить. Поможешь?

- Обязательно. Ты домой?

- Да. – И Роман отнёс рюкзак домой, приняв решение прогуляться налегке.

Деду Фёдору показалось, что Роман не такой, как всегда, что-то его не то встревожило, не то расстроило. Что-то угнетает внука, похоже. Понаблюдать бы за ним. Да за всеми за ними глаз да глаз нужен. Детьми заниматься необходимо двадцать пять часов в сутки. Надо знать об увлечениях их и, по возможности, увлекаться тоже. И вовлекать в свои занятия. Без этого никак. Связь поколений, она складывается, формируется, вызревает в повседневном труде любого и каждого, в заботе каждого обо всех. И всех – о каждом.

Дед Фёдор вдруг поймал себя на том, что в течение последних десяти минут из тех двадцати, что он роет эту канаву, ни разу не поинтересовался, что происходит вокруг. Да-а уж... А это он яму роет. А когда с саженцами возится или цветами занимается?

АНТИЭЛЬФЫ, КОТОРЫХ НЕ СУЩЕСТВУЕТ

Роман давно предполагал, а теперь, можно сказать, уже и знал, что в районе озера всё не так, как на остальной площади Земли, достаточно хорошо освоенной и даже немножко скучной. В непосредственной близости от озера, по меньшей мере. Это понятно даже и без проведения эксперимента, на осуществлении которого он настаивал столь бескомпромиссно, что поссорился с Матвеем.

Да, всё не так. Но не настолько же! Тем более и не у озера, а у реки, на расстоянии километра, а возможно, и полутора от озера. Похоже, конечно, что в том месте река особенно близко прижимается к овальному периметру аномального, по всей видимости, водоёма. Но если пространство этой излучины реки, обтесавшей уступ берега до упрятанной когда-то в земную кору скалы, ныне безобразно растрескавшейся, включено в сферу влияния того необъяснимого... А необъяснимые эти проявления уже довелось наблюдать. В общем, можно предположить... Всякое, одним словом, можно вообразить.

Роман карабкался на высокую скалистую гору (таковой ему представлялся этот скалистый склон прибрежного холма), как вдруг случилось невообразимое. Да, он уже был близок к вершине, когда один из уступов, на который он только что поставил правую ногу, оказался ненадёжным. Очень и очень ненадёжным, как впоследствии выяснилось.

Но сначала всего лишь из-под ноги Романа вырвался камень. Совсем маленький камешек. На такие обычно и внимания-то никто не обращает. Однако Роман утратил равновесие. Он попытался за что-нибудь ухватиться свободной рукой, вцепиться судорожными пальцами во что-то неподвижное и не склонное двигаться ни вверх, ни, тем более, вниз! Такая вот неожиданная прихоть – обрести дополнительную точку опоры!

Но все попытки оказались безуспешными, и вот уже Роман, больно ударившись несколько раз обо что-то неумолимо жёсткое, скатывается вниз, почти к самой воде. Придя в себя, он, постанывая, поднимается на ноги.

- Ох! О-хо-хо! – с трудом выдыхая воздух, произносит он и ощупывает шишку на лбу. – Словно с дюжиной диких индейцев поскандалил.

Скоро дыхание восстанавливается почти полностью, и Роман, прихрамывая, направляется вдоль кромки воды, высматривая приемлемой пологости склон. Затем поднимается наверх, к тропинке, петляющей среди кустов.

- Но откуда здесь могут быть дикие индейцы? – вслух рассуждает Роман. – Эльфы – этта запросто. Добрые и хорошие. Впрочем, там, где эльфы, там, канешна, и антиэльфы. Которыйи злыеи и коварныйи. Попадись я им, анни миня так атделали ба... Ох! Да, именно так и атделали ба.

Он, испачканный глиной бурого цвета, бредёт, опустив голову, и не замечает идущего ему навстречу Матвея. Матвей первым обнаруживает Романа и пугается его вида.

- Ромка, что с тобой? Такое впечатление...

- Такое впечатление, будта на миня напала толпа злых и коварныйих антиэльфов, ты хотел сказать?

- Типа, да, - соглашается Матвей, настораживаясь.

- Ты угадал. Антиэльфы объявили мне войну. А я – им, в качестве ответной меры.

И Роман широко поводит рукой слева направо. Матвей растерянно оглядывается по сторонам. И ему кажется, что всё вокруг изменилось и стало не таким, как обычно. Какое-то всё не очень подвижное. Даже листья на деревьях.

А затем обнаруживается отсутствие Романа.

- Ромка, ты где? Ромка! Роман, вылезай! Пошутил и будет.

Роман, возвратившись к прибрежному уступу, вновь начал взбираться по скалистому его склону, и скоро оказался на том самом месте, откуда он совсем недавно сорвался. Мелькнула мысль: «Зачем?» И скалолаз не без удивления осмотрелся. Впрочем, сначала выбраться наверх, а потом – всё остальное. Висеть над, можно сказать, пропастью и плести цепочки умозаключений не каждому по силам. Роман начинает осторожный подъём.

И снова из-под его ноги вырывается камешек, после чего Роман утрачивает равновесие и устремляется к подножию крутого склона, больно ударяясь об уже знакомые бокам его камни и корни деревьев. Слегка оклемавшись, Роман вновь выбирается на тропинку и направляется в сторону посёлка, хромя пуще прежнего. В голове звон и сплошь неразборчивые мысли.

Матвей, растерянно обшаривающий кусты, опять обнаруживает Романа первым. И бросается навстречу.

- Ты куда пропал?! – кричит он.

Роман останавливается, раздумывает, а затем делает вид, что всматривается в окружающий лес.

- Да показалось, что один тут крутился. Хотел его в плен взять.

- Кто крутился? Кого в плен?..

- Антиэльф. Парламентёром сделать.

- Антиэльфа? Парламентёром? – на всякий случай переспрашивает Матвей, в существование антиэльфов не верящий.

- Да. На случай предстоящего заключения мира, - произносит Роман. – Все жь войны миром заканчиваются, как ты знаишь. Поэтому споймать его... Да, надо снять вопросы. А ну-ка, вон там...

Роман взмахивает рукой, словно указывая на кого-то, прячущегося в кустах. Матвей бросает взгляд в том же направлении, однако никого там не обнаруживает. Обыкновенные заросли кустов и деревьев, преобладающий цвет которых – зелёный. Но взгляд приковывают. Когда Матвей решает продолжить разговор с Романом, то обнаруживает, что тот отсутствует. Романа нет ни на тропинке, ни рядом с нею. Матвей растерянно смотрит по сторонам, затем осторожно сходит с тропинки и опять осматривается.

- Роман! Ромка! – выдавливая из себя Матвей, не веря, в общем-то, что Роман его слышит.

Происшедшее не похоже на похищение. Это... Да, если говорить прямо, это – исчезновение. Обыкновенное исчезновение. Если допустить, что

обыкновенные исчезновения бывают. Хотя, по большому счёту, они и могут быть только сказочными, мистическими, паранормальными...

На эту тему, конечно, стоит порассуждать. Но не сейчас. А пока надо решить, что можно сделать, чтобы спасти... Хотя, может, необходимости спасать Романа и нет в данный момент. В первый же раз он тоже, кажется, именно исчез, пропал или испарился. Правда, чтобы превратить в пар несколько десятков килограммов довольно твёрдого вещества в течение двух или трёх мгновений или секунд, а потребовалось именно столько времени, необходима сумасшедшая температура. Да весь лес бы сгорел.

А появился он... Да, после первого исчезновения Роман пришёл с западной стороны, двигаясь в сторону посёлка вдоль течения реки. И Матвей бросается бежать по тропинке в сторону незаметно приближающегося к верхушкам деревьев солнца в надежде поскорее увидеть Романа.

А Романа снова постигла неудача. Добравшись до знакомого выступа, дважды его подводившего, он опустил взгляд и долго смотрел на скопленнице коварных камешков. Он даже ногу к нему поднёс, однако, секунду подумав, опустил её на соседнюю выпуклость крутого склона. И полетел вниз, потому что и эта опора оказалась ненадёжной.

Полежав некоторое время, он не без труда поднялся. Синяков и ссадин у него наверняка прибавилось. Роман подобрал сучковатую палку и, тяжело на неё опираясь, начал движение.

Наверх Роман поднялся уже после того, как Матвей пробежал мимо, куда-то туда, где десятки ручейков родниковой, в недавнем прошлом, воды объединяются – не особенно охотно – и становятся рекой. Пойти домой? Да, надо лечить ушибы. Вот именно – домой, домой и только домой. Хоть маршрут иной выбирай, чтобы не рвануть обратно, на тот проклятый склон-предатель непокорённой вершины. Но для этого придётся удалиться от берега реки, углубившись в лес, меж деревьев и кустов которого потом и продираться, беря полученные раны. И Роман сошёл с тропинки и отправился домой лесом. Может, так быстрее будет.

Кстати, спешить сообщать старикам о случившемся не следует. Да вообще никому пока не говорить. Сколько уж раз его язык подводил, то есть его, языка, образно выражаясь, длина и гибкость. Болтун – находка для... Для всех находка и подарок. Как выражается дед Фёдор, молчи – за умного сойдёшь. Победа достаётся тому, кто вытерпит на полчаса больше, чем его соперник, как говорит баба Саша.

Вытерпел Роман недолго. Да как встретился с Матвеем, так почти сразу, едва прожевавшись, всё ему и рассказал.

Но прежде случилось следующее. Матвей вернулся с поисков Романа, поисков исключительно безуспешных, следует отметить, и поднял панику. Его, несущегося с пригорка, первыми заметили Арина и Лариса, раскрашивавшие ступени крыльца. Точнее, Лариса.

- За ним гонятся! – с некоторой тревогой проговорила она. – Смотри, сестра, как он мчится!

Арина посмотрела на бегуна и поморщилась.

- Не очень эстетично бежит.

- Во-первых, с горки, во-вторых, за ним кто-то гонится! Говорю же! Подбежав, Матвей остановился и выдохнул:

- Беда!

- Пожар? Извержение вулкана? Где дым и пепел? – вскинула брови

Арина.

- Да что случилось-то? – кричит Лариса.

- Романа похитили! То есть он пропал! Я его встретил... Два раза!

Сначала просто исчез, потом... Потом тоже исчез.

Теперь встревожена и Арина. И не меньше, чем Лариса.

- Кто похитил?! Как это исчез?!

- Антиэльфы похитили! Ну, он так сказал!

- Анти... Антиэльфы? – переспросила Арина.

- Я их не видел. Хотя один... Но я его тоже не видел. Просто – хоп, и нету! И во второй раз – то же самое!

- Два раза похитили? – попробовала уточнить Арина.

- Тебе же сказали! – возмутилась Лариса.

- Похитили, вернули и опять похитили? – занудствует Арина.

- Он сам пришёл. А потом уже я побежал ему навстречу...

- И что? Ты побежал... - поторопила Лариса.

- Потом обратно.

Дыхание уже восстановилось, но что ещё сказать, Матвей не знал.

Однако под напором сестёр похищенного друга всё же попытался припомнить всё, что ему было известно, все слова и фразы Романа.

А тут и баба Саша и дед Фёдор, привлечённые взволнованными голосами детей, оставили прополку грядок, явились и примкнули. И этим примкнувшим общими усилиями взволнованная компания попыталась объяснить, что ничего страшного не произошло, а если и произошло, то пока нет уверенности, что произошло и остаётся надежда, что не произошло. Сказано было и про антиэльфов, которых Матвей сам не видел. Даже того,

которого увидел Роман, когда они с Матвеем встретились, и которого Роман, опять же с его слов, пытался поймать, чтобы сделать парламентом.

И вот уже Матвей – в окружении двух взволнованных людей более чем зрелого возраста, что-то кричащих излишне громко. Впрочем, если прислушаться, то некоторые фразы станут понятны.

- Так что всё-таки произошло?! Матвей! Как его похитили?! Кто?! Где Роман?! Какие ещё антиэльфы, которых не бывает?! – кричали они. Как бы каждый по отдельности, но, получалось, - оба вместе.

- Ромка хотел поймать его, чтобы сделать парламентом, - сказала Лариса Арине. – Значит, война. Ромка принял их вызов. Значит, с этой минуты мы все на военном положении.

Арина решительно кивнула.

- Когда наши в беде, мы все мобилизованы и призваны.

Потом мобилизованные и призванные принялись выработать план поисков Романа, его похитителей и, если поступят печальные известия... Но на этом разработку плана временно приостановили и скорым шагом, периодически сбиваясь на бег, отправились на пригорок, чтобы с него уже бежать к лесу, а там, оглашая окрестности криками, – по лесной тропинке к истоку реки.

Поиски результатов не дали, и все, уже почти что в сумерках, вернулись на стартовую позицию. Сначала Матвей, который и обратный путь преодолел преимущественно бегом. Недолго подумав у крыльца «Александрии», Матвей решил навеститься в комнату Романа. Вбежав в дом, он услышал некие металлические звуки, доносившиеся со стороны кухни-столовой. Там же никого не должно быть! Но в кухне находился... Роман. Он сидел у распахнувшего дверцу холодильника, прямо на полу, и, позвякивая ложкой, ел из кастрюли рожки с тушёнкой.

- Ну! – крикнул Матвей. – Что?!

- Проголодался, - ответил Роман, не без труда проглатывая очередной комок холодной пищи.

По истечении одной минуты жизни Матвея, очень нелёгкой, Роман, постанывая, поднялся, засунул кастрюлю обратно в холодильник, присел на табуретку и поведал о своих злоключениях.

А потом спросил:

- Что скажешь?

Матвей вздохнул.

- Что тут сказать? Необходимо всё самым тщательным образом... А пофантазировать ты в детстве...

- Попали мы. Вот так! – перебил его Роман. – Хуже нет, когда собой не руководишь.

- Мы тебя искали. Сейчас все прибегут.

- Ты рассказал?! – дёрнулся Роман и поморщился от боли.

- Я был в таком состоянии! – Матвей почувствовал себя виноватым.

- Про антиэльфов, надеюсь, не трепался? – Роман поднялся, подошёл к окну и выглянул. – Про антиэльфов, говорю, ничего не говорил?

- И про них сказал. Но ты же сам...

- Ладно-ладно, сам так сам. Буду выкручиваться. Да просто скажу, что разыграл тебя. Что не знал, что ты такой... Что ты так всё воспримешь.

- Не думаю, что это верное решение.

- А вот и родственнички! – объявил Роман, в очередной раз глянув в окно. Идём встречать. Хотя нет, мы выходим, и ты сваливаешь. Без тебя уж...

НАПРЯМУЮ – БЕСКОНЕЧНЫМИ КРУГАМИ

Арина сидела на крыльце дома и с грустным видом наблюдала за плывущими по небу облаками. Вышедший из дома Роман проследил за её взглядом, но ничего интересного не обнаружил.

- Скучаешь?

- Нет. Но объяснять своё состояние не буду.

- Почему?

- Потому.

- Матвея не было?

- А это не он шлёпает? – Арина взмахом руки указала на приближающегося Матвея. – Кстати, у него виноватая походка.

- Не говори глупостей. Виноватых походок не бывает.

Матвей остановился, не дойдя нескольких шагов до крыльца.

- Может, и виноватых лиц не бывает? – язвительно произнесла Арина.

Роман всмотрелся в Матвея, а потом закричал:

- Только не говори мне, что сегодня опять всё сорвётся!

- Метеовышкой папа заниматься планирует. Ему человек внизу нужен.

Если хочешь, присоединяйся. Он сейчас вылетает.

- Он пригонит самолёт?! – Роман готов был подпрыгнуть.

- Вот, говорю, сигнала по рации жду. Видишь? – Матвей продемонстрировал зажатую в руке рацию. – Правда, все сроки вышли.

- Идём к нему! – Роман, кажется, не просто идти, а бежать готов.

- Ждать будем, - ответил Матвей.

- Не буду из принципа! – заявил Роман. – И весь день буду думать: наша дружба – дружба или не дружба! Друг ты мне или не друг! В огонь и в воду? А может, на лавочке посидеть!

И демонстративно отвернулся. Матвей стоял и не знал, что делать. Плохим другом быть ему не хотелось. А вот, получается, оказался.

Дверь открылась, и на крыльцо вышла Лариса. Она окинула всех троих внимательным взглядом и спросила:

- Кого хороним? Впрочем, эти двое, - последовал небрежный жест в направлении Матвея и Романа, - меня не особенно интересуют. А ты, сестрица, почему такая мрачная?

- А если бы к тебе с просьбой обратились? – обречённо произнёс Матвей.

- С какой просьбой? – спросила Лариса. – Просьба обязательному исполнению не подлежит.

- Если бы ко мне с просьбой... - начал Роман.

- Вот я и обращаюсь к тебе с просьбой! – выкрикнул Матвей и убежал.

Роман растерялся. По крайней мере, вид у него был растерянный.

- Мы планировали... – пробормотал он.

- Иди! – крикнула Арина. – С медведем, который в тот раз Лариску обрызгал, ты всё равно не подружишься. А животное ты – общественное!

- Две сестры, а обе... - Роман пытался подыскать подходящие слова. – А ты, Арина, ещё и стихи сочиняешь! – выкрикнул в отчаянии.

- Иди уже, - усмехнулась Лариса.

И Роман убежал.

- А ветер дул и расплетал нам кудри и распрямлял извилины в мозгу, - продекламировала Арина.

- Умеешь ты сказать, Аринка! – вслух позавидовала Лариса. – Хотя у Ромки и нет кудрей. И мне кажется, даже когда мне будет двенадцать...

- В двенадцать ты будешь... Хотя нет. Ты просто в размерах увеличишься.

Лариса возмущена.

- А, просто в размерах! Спасибо. Вот будешь старухой, а я ещё не очень... Ладно, если что, не обижайся.

- Поэты ходят пятками по лезвию ножа и режут в кровь свои босые души! – провозгласила Арина. – Поэт-долгожитель – это давай не будем. Тоже Высоцкий. Кстати, вот у меня, например, такое, и не менее, я бы

сказала... Ладно, слушай. Поэтов топчут бутцами с шипами и жмут в тисках обыденности серой...

- Да слышала я! – перебила Лариса.

- Ну и ступай! – обиделась Арина. – Ты кто? Что нас связывает?

Родственные узы – это самое непрочное и никакое.

- Да ладно. Чего ты? – Лариса присела рядом с Ариной. – Я тут думала про вчерашнее.

- И что?

- Матвей – исчезновения, антиэльфы, прочее такое, а Ромка – пошутил, мол, говорит.

- Ромка пошутить не мог?

Лариса посмотрела на сестру и усмехнулась. Так посмотрела и таким образом усмехнулась, что, как выразилась минуту назад Арина, увеличь Ларису в размерах и прибавь ей морщинок, пришлось бы долго разбираться, кто тут старшая сестра.

- Мог. Ромка мог пошутить. А вот Матвей... - Лариса многозначительно помолчала. – Я знаю, когда он шутит, я знаю, когда он печалится.

- Да ты вообще в него влюблена. Напишу как-нибудь стих про любовь малолетки к... Про любовь малолетки к малолетке.

- Знаешь что!.. – Лариса резко развернулась в сторону старшей сестры.

- Да ладно, не обижайся, - примирительно произнесла Арина. – Просто я считаю, что любовь – это потом. Ну, когда начнётся скука, как у взрослых, и делать нечего, кроме работы.

Роман и Матвей, между тем, сидели на лавочке около дома Макарыча и дулись друг на друга. Молча дулись.

Потом Роман проворчал:

- Долго ещё ждать будем?

- Давно уже должен был... Я же говорю. Хотя бы на связь... - дрогнувшим голосом ответил Матвей и приблизил рацию к своему лицу. – Ветер, ветер, я база. Ветер, ответь базе. Приём.

- Мы будем сидеть, а самолёт так и останется у озера, Матвейка.

- Не останется.

- Да Макарыч, поди, кораблики запускает или ракушки да цветные камешки собирает.

- Нет-нет, не может быть! – испугался Матвей.

Роман вскочил на ноги.

- Да они знали! Откуда они знали? На себе не испытали бы, не предупреждали бы нас!

- Нет-нет! – замотал головой Матвей.

- Делать что будем? – холодно произнёс Роман. – Возьмём памперсы, слюнявчик и пойдём за ним?

- Будем ждать. Подождём ещё.

- Ладно.

- Слушай, - заговорил Матвей после паузы, - а ты заметил, как ты говорил?

- Когда?

- Про антиэльфов. А мы всё озеро да озеро. А уж эти твои кульбиты. Думаешь, правильно, что не рассказали?

Роман с яростью глянул на Матвея.

- Чтобы меня сегодня же в тележку тракторную и – на Большую Землю?

- Кажется, мы вовремя, - послышался голос Арины. – Будут драться.

Подойдя, Арина и Лариса встали напротив Матвея и Романа. Матвей вскочил и отошёл от скамейки.

- Присаживайтесь.

Арина приняла предложение, а Лариса осталась стоять напротив Романа, сверля его взглядом.

- Чего уставилась? – вскинулся Роман.

- Что вчера произошло? Кто тебя избил? – прокурорским тоном заговорила Лариса. – Правду и только правду!

- Так с обрыва же!.. – вскричал Роман.

- Ладно. И кто – с обрыва тебя? Говори! Мы все в одной лодке.

- А пускай Матвей расскажет, - предложила Арина. – Он когда врёт – это всегда видно.

Лариса посмотрела на Матвея.

- Если он в курсе.

- Сама говорила, они друг другу всё рассказывают.

Роман пожал плечами.

- Я вам расскажу, а вы мне не поверите. И что мне тогда? Мамой клясться, землю есть? Или червяка жевать, как в тот раз?

- Да мы по-о-омним, - протянула Лариса. – Ел червяка, а потом выяснилось, что всё равно наврал.

- Могу руку на отсечение, но кто рубить будет?

- Живя сегодня не по лжи, мы беззащитны против лжи! – провозгласила Арина. – Не по лжи, против лжи... Нет, надо по-другому.

Арина потянулась рукой к заднему карману джинсов.

- Алё! Эй, там, на Парнасе! – воззвала Лариса.

- Не-не! – Арина продемонстрировала ладони рук с растопыренными пальцами. – Чисто механически.

- Вообще-то, у нас дела, - сказал Роман. – Матвей, пора.

Роман поднялся и смотрел на переминающегося с ноги на ногу Матвея. Арина и Лариса обратили взоры на него же. Потом Лариса тронула ногой ногу Арины.

- Вставай, Аринка! Куда они – туда и мы.

Роман собирался идти к озеру, Матвей не хотел идти к озеру, а Лариса и Арина теперь вот собрались следовать за Романом и Матвеем, куда бы они ни отправились. И что же делать? Этот вопрос с потрясающей синхронностью звучал в эту минуту в головах Матвея и Романа.

- Теперь ты со мной согласишься, что... - обращаясь к Роману, начал Матвей.

- Да пускай идут. Подумаешь! – Роман обернулся к сёстрам. – Мы на озеро. Вы с нами?

Арина и Лариса переглянулись. И обе увидели в глазах друг друга почти одно и то же. Лариса поняла, что Арина очень не хочет оказаться у озера, а Арина обнаружила, что Лариса очень-очень не желает говорить на данную тему.

- Потом расскажете, - принимает решение Лариса, и, ухватив старшую сестру за предплечье, уводит её.

- Они собирались про эльфов... - напоминает Арина.

- Тоже – потом. Не хочу! – нервничает Лариса, ускоряя шаг. – Дурдом же. А в дурдоме должны быть не только психи. Иначе...

- Ладно, тогда, может быть... - Арина сделала паузу. – Они – вокруг, с безумными глазами, а я одна стою на...

- Лучше – двое, - перебивает Лариса. – Надёжнее. Бабуля где, не знаешь?

Лариса отходит от Арины и поднимается на крыльцо «Александрии».

- Про дурдом – хорошая тема, - бормочет Арина. – Пойду к речке.

- Где она, не знаешь? – повторяет вопрос Лариса.

- Кто? Нет, лучше навверх, в замкнутое пространство, где шорохи – не звуки, не свист, а тишина. И прочая фигня.

Арина также поднимается на крыльцо, а затем убегает в дом.

- Свист и тишина. И прочая фигня, - ворчит Лариса. – Свихнётся со своими стишатами.

Она усаживается на крыльце и наблюдает за Романом и Матвеем, которые о чём-то горячо спорят.

Это для Ларисы «о чём-то» - ей слов не слышно. Идти на озеро или воздержаться, они решают. И если отправляться туда, то немедленно, на чём настаивает Роман, или подготовиться должным образом, как предлагает Матвей, надеясь на появление возможности уклониться от данного мероприятия совершенно. Минута или две, и они поссорятся.

- Ладно! – выкрикивает Матвей. – Пошли! Но уговор. Как только ты начинаешь употреблять эти свои детсадовские «ты жы панимайишь», «я жы фсигда жы», то моментально сваливаем.

- Согласен. Давай придумаем условный сигнал.

- Давай, - согласился Матвей.

- Ну! – поторопил Роман.

- Ты сам.

- Этот день победы порохом пропах, начинаешь петь. Понял? – с улыбкой говорит Роман. – Помнишь, как мы познакомились? Ты был в матроске, с бескозыркой на голове. И пел.

- А ты встал рядом.

- Мы, Матвей, были с тобой в одном строю. Идём!

Роман и Матвей быстрым шагом направились к мосту, а затем и вообще перешли на бег. Но на мосту, словно на стену налетев, встали как вкопанные. Навстречу им шёл Макарыч.

- Не завёлся? – спросил Роман, когда Макарыч приблизился.

Макарыч ступил на мост и остановился.

- Да, там... герметичность соединений бензиновой магистрали... Да, шланг, наверно, прохудился.

Роман толкнул Матвея локтём и прошептал:

- В глаза не смотрит. Бабушка говорит...

- Да подожди ты! – отпихнул Романа Матвей.

Он уже и сам заметил, что отец смотрит куда-то в сторону. Точнее, то влево, то вправо, но отнюдь не на собеседников.

- Но я разберусь! – сказал Макарыч, на долю секунды опередив Романа, собравшегося предложить помощь в ремонте. – Гуляйте пока.

Макарыч быстрым шагом проследовал мимо Романа и Матвея.

- А метеовышка? Папа! – крикнул Матвей.

- Не сегодня! – ответил Макарыч, полуобернувшись, и направился к ангару.

- Если течи нет... - с усмешкой заговорил Роман, многозначительно поглядывая на Матвея.

- Гони эти мысли! – нахмурился Матвей.

- Ну, по этой части ты специалист. А я считаю, что лучше сделать, чтобы не было мучительно больно, чем не делать, чтобы жалеть.

- Ты не понял. Если не течь, то что тогда? Что-то же помешало.

- Самый простой способ что-либо узнать – пойти и посмотреть. Ясно? И мы... – Роман ткнул в Матвея указательным пальцем. – Или я один. Надумаешь, догоняй.

Роман перебежал по мосту на противоположный берег и направился к лесу.

- Подожди! – крикнул Матвей и, недовольно кривясь, пошёл следом за товарищем.

Потом они шли к озеру. Роман целеустремлённо шествовал впереди, излишне, как представлялось Матвею, быстро, даже безудержно. Он нетерпеливо отшвыривал ветки деревьев, перегораживавшие едва приметную тропинку, немилосердно петляющую из стороны в сторону. Эти ветки, отбрасываемые руками Романа, несколько раз хлестнули по лицу Матвея, и он вынужден был слегка отпустить Романа во избежание травм.

Скоро Матвей обнаружил, что тропинка из-под его ног куда-то ускользнула. Вот только что, кажется, была, а теперь её нет.

- Где тропинка? – крикнул Матвей. – Надо тропинку найти!

- Мы напрямую! – ответил Роман, не замедляя шага.

Но двигаться совсем уж прямолинейно особенно и не получалось – то заросли кустов, то бурелом. И Роман бросался то вправо, то влево, а однажды и вообще выскочил на Матвея. Даже сам слегка опешил – секунд пять моргал глазами, непонимающе пялясь на приятеля. Затем развернулся и опять куда-то помчался.

- Надо на тропинку! – успел крикнуть Матвей, и в это мгновение его нога куда-то провалилась. Матвей, охнув, ткнулся лицом в землю. Пока вытащил ногу, пока разобрался, что перелома нет, Роман пропал из виду. – Роман! Стой, Ромка! – прокричал ушибленный, потом прислушался.

И опять кричал, теперь уже обыкновенное «ау», но – громко, и снова прислушивался. Унесла нелёгкая Романа. Далеко, похоже, унесла.

Ладно, решил Матвей, двинем в сторону озера, которое изначально находилось к югу от моста. Сориентировавшись по солнцу, Матвей на юг и

отправился, чтобы спустя четверть часа оказаться на берегу... реки. Промаяхнул, значит. А где озеро? Слева или справа? И где Роман?

- Ау! Ау! – прокричал Матвей без особого энтузиазма, словно предчувствуя, что отклика не последует. Для очистки совести, по сути, прокричал, потому как уже порядком утомился.

Устал он, домой уже хотелось. Впрочем, не это главное сейчас. Обогнул ли он озеро с востока, обогнул ли его с запада, двигаться следует, скорее всего, на север. И он окажется на берегу озера, где, вероятно, в данную минуту пребывает и Роман. И они встретятся. По одному «ау» от каждого для уточнения координат – и: «Привет, Роман! Давно ждёшь?» - «Привет, Матвей! Да нет, не очень».

Однако Матвей вновь вышел на берег реки, непостижимым образом промаяхнув мимо озера.

И Романа в это время на озере не было. Не на озере находился Роман, а в лесу. Заблудился. Он понимал, что если идти всё прямо, прямо и только прямо, то он обязательно выйдет к озеру или к реке. И он, предварительно, правда, пометавшись, так и двигался теперь – в одном всё направлении. Пытался, в смысле, идти в одном и том же направлении. Но ввиду усталости, а он чертовски устал, Роман уже не расшвыривал ветки кустов и деревьев уверенными движениями сильных рук, не перепрыгивал через поваленные деревья, а старался обходить все препятствия с максимальным для утомлённого организма своего комфортом.

Поэтому когда в очередной раз обнаружилось, что он непостижимым образом кардинально сменил направление движения на прямо противоположное, Роман уселся на услужливо подвернувшийся пенёк и... Нет, не заплакал, конечно. Но подумал, что имеет все основания очень сильно расстроиться. Потому что ситуация сложилась до слёз... Очень печальная сложилась ситуация. Ни сил в организме, ни света в конце тоннеля.

А Матвей, вероятно, ждёт его на озере. Давно уже, надо полагать, дожидается. И можно только гадать, в каком он там сейчас состоянии. Может, он уже никакой. Только за ручку его и скорее, просто бегом даже, - домой. Как можно дальше от ненормальной той зоны.

Хотя всё это ещё требует экспериментальной проверки и компетентного подтверждения личным опытом независимых исследователей.

При слове «исследователи» Роман вскочил с пенёка и заозирался. Солнце как назло скрылось за облаками. Ладно, как шёл, так и будет

двигаться, в прежнем направлении. И только прямо и прямо, буквально, напролом.

Озеро словно меняло местоположение. Река была, а озера не было. Овальной формы озеро, которое огибала река почти по замкнутому кругу, очерченному на относительно небольшом расстоянии от него, на пути Матвею всё не попадалось и не попадалось. Уже и силы иссякли, даже на крики не достаточно их было, и смеркаться стало, а озеро никак в прятки не наиграется.

В очередной раз выйдя на берег реки, Матвей в изнеможении упал в прибрежную траву, уже слегка прохладную. Передохнуть и вдоль речки – домой. У Романа наверняка хватило ума не ждать его столько времени у озера. Подождал, подождал, видимо, да и смотался домой. Потому что понимает, чем это грозит.

Но дома Романа не было. Матвей даже ушам своим не поверил, выслушав ответ на вопрос о Романе от Арины, сидевшей на крыльце с вязаньем.

- Он пришёл и ушёл? – решил уточнить Матвей, едва на ногах державшийся. Его шатало так, что Арина представлялась ему раскачивающейся на качелях.

- Не приходил.

Потом все собрались идти на поиски Романа и принялись экипироваться фонариками. Но он пришёл сам, в состоянии не лучшем, чем Матвей.

ШУТКИ ЛЕСНЫЕ, НЕОБЪЯСНИМЫЕ

- Да, может, соседушко поводит, - пожала плечами баба Саша. – С него станется. Лариса, ложки-то достань. Трёх хватит. А ждать никого не будем.

Баба Саша сняла с кастрюли крышку и взяла поварёшку.

- Какой соседушко? Макарыч? – спросила Лариса, подойдя к сушилке. – Ложки беру самые большие.

- Макарыч – сосед. Я про лесовика говорю. Есть домовый, а есть лесовик. А соседушкой его и мама моя, и бабушка моя называли, - поведала баба Саша, разливая суп по чашкам. – Ты в лес вышел, а он – вот он, рядышком. Только что не видно его.

- А почему его не видно? Я бы очень хотела... - Арина улыбнулась и мечтательно подняла глаза кверху.

- Хотела бы она! – вдруг рассердилась баба Саша и даже поварёшкой замахнулась. – А потом лечи тебя!

- Лечить? Почему? – слегка испугалась Арина.

- Дядю Корнея так и не вылечили. Десять дней его соседушко по лесу водил, потом отпустил. Слова от дяди Корнея больше никто не слышал до самой его смерти в девяностом.

Лариса уточнила:

- Он видел лесовика? Какой он?

- Кто знает. Он же, дядя Корней, онемел.

- Почему он онемел? – продолжала допытываться Лариса. Она даже ложку положила, а в голосе её появились прокурорские нотки. – Онемел – это как? Не хотел говорить? Не мог? Что с голосовым аппаратом?

- Всё нормально с голосовым аппаратом! – отчеканила баба Саша. – Просто о-не-мел. Что тут непонятного?

Она уселась на свой стул и демонстративно придвинула свою чашку с супом к себе поближе.

- Да вот непонятно, представь себе! – с возмущением развела руками Лариса. – Если на нервной почве, так и скажи!

- Да, на нервной почве! – начала сердиться баба Саша.

- Что долго дорогу найти не мог, переживал? – решила снизить градус разговора Арина.

- Возможно, просто вида его испугался, - предположила баба Саша и принялась за суп.

Арина кивнула.

- Видела я их на картинках. Этих леших.

- Там никакого сервиса, - подтвердила Лариса. – Волосищи, бородачи, бородавищи... Ты, бабуля, мне бородавку на спине вывести обещала.

- Или не надо было, чтобы рассказывал, - высказала ещё одну версию баба Саша.

- И он же сделал, чтобы ребята заблудились? – Ларисе не терпелось всё прояснить.

- Ну да, возможно.

- А зачем? Зачем он это сделал, если в тот же день отпустил?

- Да кто ж его знает. Не пойдёшь, не спросишь. Может, просто пошутил. Вы ешьте, ешьте. Остынет же.

- Пошутил. Просто. Просто пошутил, - задумчиво произнесла Арина. – Но интереснее, когда не «просто пошутил»? Вот что это может значить?

- Возможно, там стая волков в засаде сидела. Или дерево бы упало и придавило.

- Он спасает людей? – обрадовалась Арина.

- Бывает. Бывает, что лист тонет, а камень плывёт, как говорят японцы. А может и погубить. Заведёт и бросит. Или как с дядей Корнеем.

- Но за что – «погубить»? Вот за что? Что ему мы сделали? – не могла уяснить Арина. – Мы как цивилизация, пусть и параллельная, что сделали?

Лариса покивала.

- Да. За что?

- Кто знает. Может, просто не в настроении был.

- То есть, он злой? Всё-таки отрицательный персонаж? – спросила Арина.

- А ты по-прежнему сомневаешься! – фыркнула Лариса.

- Да почему же злой? – баба Саша ненадолго задумалась. – Хотя... Это у нас всё просто, а там... Он же в лесу безвылазно. Там и хищники, и те, кто добыча... Вперемежку все. Со всеми надо общий язык найти.

- Он боится зверей? – удивилась Лариса.

- Да почему же боится? Хотя... Кто ж знает. Они книжек про свои взаимоотношения не пишут.

Ларисе не терпелось подвести итог.

- То есть, если говорить прямо, там злодеи и жертвы, а соседушко – и нашим, и вашим за копейку спляшем? Сегодня он добренький, а завтра – не в настроении он, видите ли, оказался – взял и погубил человека или целую экспедицию? Так?

- Я бы лучше стих написала. Когда настроение хоть вешайся, может получиться что-то даже великое, с умилительно печальными нотками мелодрамы и таким вот, как бы, привкусом...

- Э-э! – воззвала Лариса. – Думай, что говоришь, сестрица! У тебя брат мог погибнуть. Стих написать умилительный! Надо думать, как безопасность всеобщую обеспечить. Там идти всего ничего. Пруд, а вокруг река. А они заблудились! Оба двое в один раз!

- Да, будем думать с дедом, - сказала баба Саша и, сделав задумчивое лицо, посмотрела в направлении окна.

- Похоже, уже начала думать! – подавшись к Ларисе, прошептала Арина. – И что они надумают, тебе сказать? – Испуг, появившийся на лице Ларисы, свидетельствовал, что разъяснений не требуется. – Так что это тебе надо за языком следить, малышка.

- Будем думать, - повторила баба Саша, затем отодвинула чашку и поднялась. – На кухне прибраться! Если не наелись, грейте котлеты! Дед, кстати, с раффлезией просил помочь. Она тоже сегодня не в настроении.

Баба Саша направилась к выходу. Лариса устремила на Арину полный паники взгляд.

- Когда помочь себе ты можешь сам, зачем взывать с мольбою к небесам? – со значением произнесла Арина.

- Отвлеку! Заболтаю!

Лариса выскочила из-за стола, а затем и из комнаты.

ЗДОРОВЫЙ СОН В ПОЛЕВЫХ УСЛОВИЯХ

Роман проснулся и уставился в потолок. Потолок обыкновенный из обычных некрашенных досок. Да и зачем их красить, если по ним никто, кроме мух и комаров, не ходит? Не для мух же красить или покрывать лаком или морилкой эти доски, которые, благодаря разводам узоров, особенно в местах скопления расчленённых пилами сучков, и без того прекрасно смотрятся.

Правда, напоминают. Эти доски, стоглазо уставившиеся сейчас на него, напоминали Роману вчерашний лес, злой и подлый. Всегда у них были прекрасные отношения. Никогда лес не устраивал ему ничего подобного, принимал и провожал, как родного, порой даже вручая напоследок что-нибудь занятное, хотя бы картинку вроде дятла на дереве невысоко и при исполнении, пикирующего ястреба или перебегающего тропинку ёжа.

А вот вчера... Роман встряхнул головой, отгоняя неприятные воспоминания, и сел на кровати. За ночь и утро, которое, возможно, уже и прошло, он так и не разделся. Как завалился вчера в одежде поверх одеяла, так и проспал, провозился, проворочался полсутки.

Снизу кто-то поднимался. Похоже, Матвей. Если к его комнате направит шаги – значит, точно он. Да, так и есть.

- Привет! – Матвей опустил на табуретку и бросил короткий взгляд на Романа. Потом опёрся локтями о колени и уставился в пол. – Извини.

- Да ты не виноват, - сказал Роман.

- Как будто, да. А всё равно паршиво. Я пять попыток сделал.

- Не ожидал я, - вздохнул Роман.

- Ты же только что сказал... - расстроился Матвей.

- Я про другое. Про лес. Я морским глубинам никогда не доверял. Не доверял и акул... не любил. А лес – он же лес. Хоть лес, хоть тайга. Хоть медведь, хоть стая волков. Правда, если шатун, или зима голодная...

Матвей выпрямился и в упор посмотрел на Романа.

- Начнём с реки. Идём к истоку, делаем плот и спускаемся по течению. Измеряем, фиксируем... Всё как положено. А потом начнём делать лодку.

- Лодку? Ты умеешь делать лодки, Матвейка? – несколько оживился Роман.

- Я интересовался. Доски отец даёт, пакля у него есть, гудрон тоже. Мы, вот увидишь, ещё под парусом ходить будем. Да мы драккар построим!

- Что такое драккар?

- Ну, драккар – это не в этом году. Да мы и не викинги, не варяги.

- Если бы меня кто викингом назвал, то я и не против был бы, - пробормотал Роман.

- У нас другая задача. Время грабежей и завоеваний уходит в прошлое.

- Что приходит? Какая задача?

Матвей молчал так долго, что Роман уже начал нервничать.

- Я ещё не сформулировал, - сказал, наконец, Матвей. – Но... сначала отступаешь – потом бежишь и даже драпаешь. Нельзя отступать. И нападать нельзя.

- Что-то ты крутишь. Ну! – Роман уселся поудобнее и проделал несколько разминочных упражнений.

Матвей помолчал, затем сказал:

- Роман, плот сможешь сделать? Брёвна должны быть по четыре метра длиной. Ну, не меньше трёх, чтобы двоих выдержать.

- Слушай, мне полегчало! – Роман достаточно быстро поднялся с кровати. – Который час? Мы успеем сегодня?

- Сплавиться, по моим подсчётам, - нет. Разве что только до посёлка, - с сомнением произнёс Матвей и тяжело вздохнул. – Слишком долго я себя сегодня собирал. По кусочкам.

Спустя совсем короткое время Роман, вихрем влетевший в столовую, привёл в лёгкое замешательство и Ларису, и Арину. Лариса прекратила шинковать капусту, а Арина подняла взгляд от ежедневника и даже положила авторучку на стол.

- Мне чего-нибудь запихнуть в желудок, чтобы часа на три... Хотя бы! – прокричал Роман и подскочил к холодильнику. За спиной у него был рюкзак.

Арина и Лариса переглянулись.

- Хм! – сказала Арина.

- Угу! – промычала Лариса.

- Давайте сэкономим моё время! – распахнув дверцу холодильника, вознегодовал Роман. – Что тут? А, колбаса!

Роман выхватил из холодильника кусок ветчины и положил его на стол. Метнулся к хлебнице, извлёк хлеб, оглянулся в поисках ножа.

- Что вы задумали? – отряхивая с рук капустные ошмётки, строгим голосом произнесла Лариса. – Скажешь – сделаю бутерброды.

Роман долго не думал.

- Хотим успеть сделать плот и сплавиться по течению. Будет карта реки. Если есть сыр...

- Сыр есть. Но я тоже хочу, - заявила Лариса.

- Сыр?

- Нет.

- Делать плот?! – как бы даже и возмутился Роман.

- На плоту – по течению.

- И я, - сказала Арина.

- С ума сошли! Это ж какой ковчег надо строить! Неделя уйдёт! Просто дайте пакет!

- Он даже не знает, где лежат пакеты! – возмутилась Лариса.

- А где пакеты лежат? – спросила Арина.

Лариса открыла один из ящиков шкафа и вынула полиэтиленовый пакет.

- А сыр? – спросил Роман, запихивая в пакет ветчину и хлеб.

Лариса отыскала в холодильнике кусок сыра и сунула его Роману прямо в руки.

Роман сложил продукты в рюкзак, побежал к выходу, но вдруг остановился.

- Мы дадим прокатиться. Не обижайтесь, - сказал, полуобернувшись.

- Они нам дадут прокатиться! – взмахнула руками Лариса, когда Роман исчез. – Какое счастье! – И испытующим взглядом посмотрела на Арину.

Арина опустила глаза и заёрзала на стуле.

- наброски... Я хотела закончить.

- Ну так закончи, - разрешила Лариса. – Я тоже в таком виде капусту не оставлю.

Матвея около дома Макарыча Роман не обнаружил. Где он? В доме? В ангаре? А говорил, что всё готово. Роман бросился в дом, пробежался по нему, даже не разувшись, потом сбегал в ангар-мастерскую.

- Неужто опять заклинило? – воскликнул в сердцах Роман, выскочив из ангара и беспомощно озираясь. И вспомнил, что, кажется, рюкзак Матвея он видел в прихожей. – Только пусть попробует!

Матвей вылез из подпола и вышел на крыльцо, когда от Романа, кажется, уже шёл пар.

- Скобы бы, конечно... - пробормотал Матвей. – Но я так не могу.

- Какие скобы? Что ты не можешь? – не понял Роман. – Бери рюкзак и пошли.

Спустя пару минут Матвей вышел уже с рюкзаком и направился к мастерской отца.

- Перекладчины и гвозди, конечно, тоже вариант. Но будь у нас скобы...

- вздохнул Матвей, входя в ангар. – Настоящий плот – на скобах.

- Но раз нет скоб! – вскричал Роман. – Их нет?

- Они есть, но...

- Что?

- Сруб, он на листовничных сваях, ими крепится. – Матвей мотнул головой в сторону дома.

Роман схватил Матвея за руку.

- Не знаешь, как вытащить?

- Я знаю, как вытащить.

Матвей снял со стены топор и собрался взять со стеллажа бензопилу, но Роман его удержал.

- Так вытащи!

- Вытащить? – Матвей переминался с ноги на ногу и досадливо морщился.

– Боишься, дом упадёт?

- Если жуткий ураган или... бульдозером подтолкнуть. А так они... сроднились уже.

- Матвей, тут не водится бульдозеров! – Роман направился к выходу. – Пошли!

И Матвей решился.

- Инструмент возьму! – сказал он и сбросил с плеч рюкзак.

Спустя полчаса у Романа и Матвея имелась дюжина не безупречных по форме, но исключительно надёжных по существу скоб.

- Столько хватит? – спросил Роман. – Хотя... Да, они ведь тяжёлые.

- На две кучки поделим. Возьму скотч.

- Конечно, по-братски, - согласился Роман. – А пилу – по очереди...

Скобы приторочили к рюкзакам, взяли бензопилу, гвозди, ножовку и топор и выдвинулись.

В скором времени Арина и Лариса покончили с неотложными делами и приступили к сборам. Спешить, суетиться не стали, готовились к походу основательно. Даже спрей от кусачих паразитов не просто в рюкзак запихнули, но и проверили предварительно на вонючесть. И выбрали два. Самый вонючий из всех имеющихся в наличии – это на крайний случай, естественно. Второй же, наиболее в этом смысле безобидный, почти что дезодорант туалетный по букету втиснутых во флакончик ароматов, предназначался для первичного применения.

- Главное, чтобы не отдали эти... Как их? Перед отплытием... - говорила, спускаясь с крыльца, Лариса.

- Чтобы не отдали швартовы, - подсказала Арина. – Топать обратно по берегу...

- Ещё помогать придётся, - не то припугнула, не то успокоила Лариса. Арина замедлила шаг.

- А если плот и действительно окажется маломощным?

- Тогда нам километров пять или десять пешочком... - Лариса усмехнулась и многозначительно посмотрела на старшую сестру.

- Ничего тут не придумаешь, Лариска. Матвею нужна карта, а Ромка...

- Вот только заранее сдаваться не вздумай! У меня уже сейчас там, под кепочкой, - Лариса прикоснулась пальчиками к укрывающей её голову бейсболке, - кое-какие мыслишки поскрипывают.

- Если не сделаем сегодня плот... - вздыхал в эту минуту Роман и оглядывался на Матвея, тоже подуставшего, так как позади у них было уже не менее половины пути. – Не сделаем плот, обратно придётся пешком шлёпать. А у меня ещё после вчерашнего ноги болят.

- Нет-нет! – замотал головой и прибавил шаг слегка приотставший Матвей, потому как его очередь была тащить поминутно перекидываемую с одного плеча на другое бензопилу. – Закончим! Вот только если сплавляться придётся в темноте, то это затруднит... Карта, говорю, получится очень приблизительной.

Роман останавливается, роняет топор, сбрасывает с плеч рюкзак и, шагнув с тропинки в сторону, валится в траву.

- Привал! Пять минут ничего не решают! – Роман переворачивается на спину и закрывает глаза.

Матвей ставит на землю бензопилу, опускает рюкзак и думает, ложиться ли рядом с Романом, присесть ли на какой-нибудь пенёк, с

которого потом подняться будет гораздо легче, чем выбраться из плена травушки-муравушки, нежно-зелёной и притягательной. Матвей долго думает...

А потом обнаруживает себя лежащим на душистой перине неизвестного цвета, так как глаза его, обращённые к солнцу, необычайно яркому, зажмурены.

Когда пришли Арина и Лариса, Роман и Матвей ещё спали.

- Похоже, - сказала Лариса, высматривая, на что бы присесть, - решили построить плот самым простым способом. И нам на него не пробраться.

- Зачем им плот? Они сейчас на крейсере океаны бороздят. Может, вон туда? – Арина указывает на поваленную берёзу. – Надо было сказать им – такую же травку я видела справа от пригорка, возле леса. От дома Макарыча – полторы сотни метров.

- И – прямо за ним, у речки. Такое же расстояние.

Арина и Лариса, присев, некоторое время молча отдыхают, подставив лица под лучи солнышка, потом вздыхают, практически синхронно.

- Могла сегодня... - говорит Лариса и замолкает.

- Если бы не эта... - произносит Арина и замолкает.

Они обе замолкают. Начали говорить одновременно, одновременно же и прекратили. Так получилось. Удобнее высказываться по очереди. Но если у собеседников глаза закрыты...

- Что ты... - начинает Лариса.

- Ладно... - начинает Арина.

И опять обе вынуждены прерваться.

- Ты дашь мне сказать?! – взрывается Лариса.

- Да на здоровье! – огрызается Арина. Пауза. Продолжение паузы. – Ну! – подстёгивает сестру Арина.

- А забыла, что хотела, - отмахивается Лариса и снова прикрывает глаза. – Думаю, можно домой двигать.

- Передохнём немножечко.

- По горсти муравьёв бы, Аринка, каждому за шиворот.

- Если уж смертную казнь запретили, - соглашается Арина.

Когда пришёл Макарыч, Арина и Лариса уже настолько расслабились, что не хотели даже и в сторону дома двигаться. Они просто сидели и грелись на солнышке, обдуваемые ласковым, как пишут в книжках, ветерком. А вообще, «ласковый» - это не сильный, не жаркий, не холодный, не порывистый... Ну да всякий, кто с ним встретится, тотчас его и узнает.

Макарыч, возвращавшийся в посёлок с упакованным в холщовый мешок кустом вереска за плечами, сначала увидел припекаемых солнышком и обдуваемых ветерком Арину и Ларису, а потом, уже сойдя с тропинки с целью приблизиться к ним, обнаружил и Матвея с Романом. Арина и Лариса тоже увидели Макарыча – услышали шаги, открыли глаза и увидели.

- Добрый день, девочки! – сказал Макарыч, остановившийся неподалёку и теперь не без некоторого замешательства смотревший то ли на спящих Матвея и Романа, то ли на находившуюся рядом с ними бензопилу. – Не ожидал вас тут встретить. Что с ребятами?

- Обычный сон в полевых условиях, - пожалала плечами Лариса. – Пришли, устроились и спят. А вы откуда?

- Я по своим делам... И вот кустик для Фёдора Степановича... Обещал ему.

- Дед найдёт, куда его прикопать, - кивнула Лариса. – А Ромка себе лук из него смастерит.

Макарыч очень мало знал о подрастающем поколении, поэтому, близко сталкиваясь с представителями данного поколения, немного терялся и совершенно не знал, о чём следует с ними, представителями, говорить.

- Значит, пришли поспать? Зачем же им пила? – проговорил он.

- Хотели сделать плот, чтобы нас покатавать, да передумали, - сообщила Лариса.

- Не дошли, сморила дрёма, напавши подло из кустов, - продекларировала Арина. – Напишу стих про путешественников. Только надо придумать, чтобы не дрёма напала, а, скажем...

- Эй! – толкнула Арину Лариса. – Давай уже решать, что делать.

Решили возвращаться. Вторым пунктом решили: Матвея и Романа не будить.

- От вчерашнего не отошли, - с сочувствием в голосе сказала Макарычу Лариса.

Макарыч хотел спросить, что такое вчера произошло, от чего Матвей и Роман до сих пор «не отошли». Собирался спросить, однако подумал, что, возможно, ему говорили про это «вчерашнее», но он не запомнил. Или, что называется, мимо ушей пропустил, что у него, по общему признанию, всегда получалось значительно лучше, чем у кого-либо другого. Поэтому не спросил. Хотя, возможно, и кивнул. Не вполне уверенно, конечно, но, в общем-то, согласно.

И спящих судостроителей оставили вместе со всеми их вещами. Кроме бензопилы. Решение о том, чтобы немного разгрузить юных

путешественников, Макарыч принял самостоятельно. Он просто, уже после того, как закинул за плечи мешок с кустом вереска, ухватил этот мешок покрепче левой рукой, а правой подхватил бензопилу.

МИСТИЧЕСКОЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

Матвей проснулся первым, хотя заснул... Впрочем, кто первым уснул, уже не установить. Однако первым отошёл ото сна именно Матвей. Но какая разница, если на часах уже было... Да это с часами что-то! Матвей вскочил на ноги, вскинул голову и завертел ею из стороны в сторону. А чего вертеть-то – вон оно, светило, так его разэдак, к горизонту катится.

Матвей присел и, не в силах отвести взгляда от солнца, временно застывшего в одной из точек скатывания, принялся тормозить Романа. Тот уже проснулся и вовсю моргал глазами, а Матвей всё тряс его и тряс.

- Да отстань! – разозлился Роман и оттолкнул приятеля.

- Пятый час! – выкрикнул в отчаянии Матвей.

Роману прямо в лицо, которое на этот выкрик, впрочем, никак не отреагировало. Как выражало оно лишь недовольство по поводу насильственного прерывания сна, так и продолжило отражать именно этот вид человеческого недовольства.

- Я понял, что пятый час, а ты свихнулся, - пробурчал Роман.

- Э-э-эх, пропал денёк! – выдохнул Матвей и уселся на траву.

- Сколько, ты сказал? – подскочил Роман. Теперь он вполне проснулся. – С ума сойти! Ты почему заснул?

- Это я заснул?

- Это ты разрешил мне расслабиться!

Выяснить, кто виноват в случившемся, не успели. Обсуждаемый вопрос передвинулся с первого плана куда-то далеко на периферию после того, как обнаружилось отсутствие бензопилы.

И был начат новый следственный процесс. Вскоре все события, предшествовавшие пассивному отдыху на природе, были исследованы путём перекрёстного допроса самих следователей самими следователями и, кроме того, был проведён следственный эксперимент с участием всех участников, то есть своего рода реконструкция недавних событий.

Более того, на основании следов на траве было обнаружено место возложения на землю Матвеем пропавшей впоследствии бензопилы.

Более того, были обнаружены следы человеческих ног неустановленного размера обуви.

Бензопила не найдена.

- Украл! – резюмировал Роман, опускаясь на землю и укладываясь на бочок. – Сколько она стоила?

- Отцу она постоянно нужна!

- Она и нам нужна, - напомнил Роман. – А у моих только ножовка и поперечная.

- Будем поперечной распиливать. Но перед отцом неудобно. – Матвей присел рядом с Романом.

- Но кто украл, Матвей? Мистические версии рассматриваем? Была бы собака... Ни у моих, ни у твоего – ни собаки, ни кошки! Позор!

- Если имеет место мистика, собака не помощник, - сказал Матвей и осмотрел окружающее пространство на предмет наличия в нём элементов или, хотя бы, признаков мистического.

- Мы, кстати, недалеко от скалы Проклятая, - проговорил Роман и поёжился.

- Проклятая скала?

- С которой я упал... почему-то. И не один раз почему-то.

- Ты уже даёшь названия, Ромка?

- Но следы ног оставили люди, - напомнил Роман. – А всех местных мы знаем. А если... Слышь, Матвей, а вот говорят: «Закон – тайга». Что это значит?

- Думаю, зависит от того, кто говорит, - после паузы ответил Матвей.

- Ну а мы... Вот поймали мы...

- Не поймали.

- Вот поймали мы, скажем, вора. Что делать?

- Попросим вернуть пилу, - пожал плечами Матвей.

- В смысле наказания. По закону тайги. А? Не в полицию же его тащить за сотни километров.

- В разные времена, у разных народов этот вопрос решался по-разному.

- Не надо про разные у разных! – запротестовал Роман. – Тайга. Время действия – наше время. Пойман преступник. Статья такая-то – кража. Что с ним делать? Ещё говорят: «Закон джунглей». Тоже подходит.

- Поймаем – будем решать. С учётом личности преступника. – Матвей поднялся на ноги.

- Да везде опоздали, - поморщился Роман, оставаясь лежать. – А прочёсывать лес – контингент малочисленный.

Арина, Лариса, баба Саша и дед Фёдор обедали-ужинали, когда Роман вернулся домой.

- Роман, это ты? – первой отреагировала на предупреждающий скрип входной двери баба Саша. – Мигом в столовую, уже накладываю! Только руки вымой.

Роман был достаточно голоден, поэтому не заставил себя упрашивать. Спустя минуту он уже усаживался за стол и подгрёбал к себе поближе тарелку с жареной картошкой, вилку, вазу с хлебом, солонку и перечницу.

- Как успехи, конкистадор? – поприветствовал Романа дед Фёдор, наверняка при этом не рассчитывавший, что внук сейчас примется рассказывать ему о своих успехах, а уж тем более – о неудачах.

- Всё отлично, – ответил Роман. – Просто превосходно.

Арина и Лариса дружно усмехнулись и обменялись взглядами. Потом Лариса сказала:

- Вообще-то на завтрак достаточно, так считается, омлетика, овсянки или жульена. Зависит, где человек завтракает.

- Он не завтракал? Лариса! – удивилась-возмутилась баба Саша. – Ну, Лариса! Роман, не наешься – голубцы подогрею, если не испортились.

- На плоту бы сейчас прокатиться! Эх! – мечтательно посмотрев ввысь, не на потолок, а куда-то сквозь, проговорила Арина.

- Плот ещё не совсем готов, - мотнул головой Роман.

- На какой стадии строительство? – заинтересованно произнесла Лариса. Она даже слегка вперёд подалась, к сидевшему напротив Роману. – Может, помощь нужна? Ну, докрасить там чего, шарики развесить. Вы уже украсили его?

- И не думали! – возмутился Роман. – Бутылку шампанского бы разбить, когда со стапелей... Но нет же шампанского!

- И было бы, не дала, - объявила баба Саша.

- Посоветуй им морсом облить, - хохотнул дед Фёдор. – Ты мне подобных советов за нашу долгую совместную...

- Счастливую, - подсказала баба Саша.

- Да, в отместку за долгую счастливую огромную кучу подобных советов надавала.

Баба Саша встала в позу. Не вылезая из-за стола. Просто положила вилку, выпрямилась, упёрла руки в бока и повернулась к сидящему рядом с нею супругу.

- Подожди, ты чем-то не доволен?

- У меня есть право быть недовольным? – смело пошёл на обострение конфликта дед Фёдор, незаметно отодвигаясь от бабы Саши.

- Нет, конечно. Но ты же безбашенный. Ты же ого-го какой!

- Нет, я мирный.

- Ты не мирный. Ты постоянно меня провоцируешь. Ты провокатор!

- Так! – поднялась Лариса. То есть встала со своего места и обернулась к бабе Саше. – Вы что нашим предкам обещали? Повторяю вопрос. Что обещали вы?

- А что мы обещали? – ехидным голосом проговорила баба Саша. Она, похоже, и с внуками сейчас готова была поссориться. – Мы им чем-то обязаны? Это они должны быть обязаны. Дали им всё, что смогли.

- Вы обещали не ссориться при детях, при нас, значит! – отчеканила Лариса. – Так что попрошу!

- Семейная жизнь! О, она очень драматична! – воскликнула Арина. – Драматургию вообще отменить не возможно!

- Да ладно, пускай ссорятся, - разрешил Роман и отодвинул от себя практически вылизанную тарелку. – Они такие забавные. Баба Саша, ты голубцы обещала. А ещё с тебя – морс и бутылка из-под шампанского.

- Ромочка, минутку! – воскликнула баба Саша и бросилась к холодильнику. – Голубцы позавчерашние. Или, может, я их... Да что этим голубцам сделается?

После ужина Роман выскочил из дома и едва не налетел на сидевшего на крыльце Матвея.

- О, ты уже здесь! – воскликнул он, не без труда удержав равновесие, нарушенное в результате экстренного торможения. – Как ты так быстро? Кстати, чем тебя Макарыч кормит? Бабушка говорила, он всухомятку ест, и то, когда вспомнит.

- Ну, я бы... не был столь категоричен, - промямлил Матвей.

- Ладно, картошечка и голубцы. Твой ход?

Роман уселся рядом с Матвеем.

- И я... Я – драники с... чесночным соусом.

- Ещё остались? Обожаю драники.

- Нет, я всё съел.

- А сковородку подчистил? – с надеждой проговорил Роман. – Там самое вкусное остаётся. У нас уже никто не посягает. Моё завоевание. Лариска только отъедает малость, когда жарит.

- Помыл сковородку. По поводу завтра, - переключился на деловой тон Матвей. – Сапоги приготовь. Выходим с рассветом.

- По росе? Дедовские болотные надевать?

- Не обязательно. Штаны высохнут, а промокнут носки – натрёшь мозоли. Кроссовки можешь в рюкзак бросить. Впрочем, нет, болотные сапоги не помешают.

- Да-а-а, ручной-то пилой... - вздохнул Роман. – Макарычу уже сказал про пилу?

- Да, я собираюсь...

- Кстати, все должны знать про кражу. Надо всех оповестить.

- Про какую кражу? О чём оповестить? – раздался за спинами ребят голос Ларисы.

- Подслушиваешь?! – вскричал, вскакивая на ноги, Роман.

- Просто озончик вдыхаю, - ответила Лариса. Она сидела на подоконнике, окно было отворено. – А для секретов давно бы придумали специальный язык. Взрослейте уже.

- Мы придумаем! – выкрикнул Роман.

Рядом с Ларисой появилась Арина.

- Что они придумают?

- Что-то у них украли, они говорят. И об этом должны все знать, говорят, - проинформировала Лариса Арину и снова обратила свой взор на Матвея и Романа. – Ну!

- Украли! Да! Бензопилу! – выкрикнул Роман. – Предполагаю, в округе появились беглые преступники. Необходимы меры безопасности. Система мер!

- Какую бензопилу? Когда? – спросили Арина и Лариса.

- Оставили на минутку на дороге, вернулись – нет её. Ушла в считанные секунды! Кто-то ноги приделал! – развёл руками Роман. – Бензопила Макарыча!

- Когда с мешком нас обгонял, у него в руках что-то такое было, кажется, - сказала, обращаясь к Ларисе, Арина.

- Была. Да, - подтвердила Лариса и расхохоталась. – Оставили на минутку. Ты слышала? – Лариса обернулась к Арине.

- Пила лежала на траве, пила лежала. В траве валялася пила, хотя и не пила, - посмеиваясь, проговорила Арина. – За «валялася» прошу прощения публично.

Роман и Матвей переглянулись.

- Вы хотите сказать... - Роман начал подбирать слова, чтобы сформулировать вопрос.

- Не стали будить. А надо было? – спросила, со смешочком, Лариса.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ КАРТОГРАФИИ

В путь отправились ранним утром, всего лишь на час позднее, чем планировали.

- Уже к вечеру карта реки?.. Здорово! – на ходу обернувшись, воодушевлённо воскликнул Роман.

- К вечеру карты не будет, - ответил Матвей.

Роман встал столбом. Обернулся в замешательстве.

- Как это? В такую рань! Почему не будет?

- Картограмма, в лучшем случае. Черновичок.

- Матвей, ты говорил, карту делаем! – Роман ухватился за ляжки рюкзака, словно намерен был сбросить его на землю.

- Карту. Но сначала придётся картограмму изготовить. А уж потом с нивелиром и теодолитом...

- Так... - зримо сдуваясь, выдохнул Роман, и рюкзак сполз с его спины, чтобы улечься у ног.

- Ну а как ты хотел? – Матвей поставил бензопилу на землю. – Сделать хорошую карту – это большой труд.

- Большой труд? Мы сюда, за полтыщи километров, трудиться притащились? Отдыхать и познавать непознанное я сюда ехал! Ну и наш бизнес, конечно.

- Так отдыхать или познавать? Если отдыхать... - Матвей был рассержен.

Он снял свой рюкзак, бросил на землю и, пошарив в карманах разгрузки, извлёк перочинный нож.

- Э-э! Ты чего? – обеспокоился Роман.

- Давай сюда скобы и топор! – Матвей шагнул вперёд и, нагнувшись, протянул руку к рюкзаку Романа.

- Подожди! – Роман двумя руками вцепился в руку Матвея. – Я просто не ожидал! Я настроился!

- Ну и отдыхай, раз настроился! – Матвей попытался вырвать руку, но не смог.

- Я сильнее тебя, - усмехнулся Роман.

- Не хочешь помогать – не мешай! Отпусти!

Матвей со второй попытки вырвал свою руку и теперь ждал решения Романа.

- Да я же не отказываюсь. Надо, значит, надо. Мы лёгких путей не ищем. Нам лень. Видел у меня футболку с такой надписью? Дома её оставил. Забыл в стирку отдать. Можно было и здесь, конечно, постирать.

Матвей взял свой рюкзак и забросил за плечи. Потом взял бензопилу и пошёл вперёд. «Сильный он! – воскликнул мысленно. – Ладно, сам буду пилу всю дорогу тащить. И вообще, всю самую тяжёлую работу возьму на себя. Купался бы опять в лягушатнике да кушал бабушкины пончики, а не...»

Что – «не»? Матвей затруднился с формулировкой. Что такого сделал Роман, чтобы на него сердиться и негодовать? Он, действительно, приехал отдохнуть и... Всё остальное – в качестве приложения, желательного, необременительного и приятного. Будь он сам на месте Романа... Матвей уже собрался, кажется, себя пожалеть, но вовремя остановился. Нет, так не годится. Всё идёт очень... Всё идёт хорошо. А отвлекать отца от его дел он и не планировал. Конечно, он ожидал...

Только вот не надо про ожидания! Просто сделать всё, что задумано. В соответствии с планом, по пунктам, по порядку, внося коррективы по необходимости. А не получится – ну что ж. Ему не в чём будет себя упрекнуть – он, хотя бы, попытался.

Они дошли, с пятью привалами, до места, где ширина реки не превышала пяти – шести метров. Матвей осмотрел прибрежную гору и сосны на её вершине и склонах.

- Полезем на эту гору? – состроил кислую физиономию Роман. – С пилой и топором – по этим подъёмам крутым?

- По склонам легче брёвна транспортировать, сами к воде покатаются. Спиливаем, распиливаем, толкаем.

И они спиливали и распиливали, пока... не закончился бензин. Бензопила заглохла. Сначала, сбившись с мелодии, рыкнула несколько раз, а затем умолкла окончательно. Матвей, не сразу сообразивший, в чём дело, предпринял попытку запустить двигатель, но безуспешно.

- Что такое? – Роман, обрубавший ветки и сучья, прекратил махать топором, воткнул его в бревно и приблизился к напарнику.

Матвей готов был провалиться сквозь землю.

- Бензин... - выдавил с трудом.

- Ты не взял канистру?! – поразился Роман.

- Мы и вчера не брали.

- Как же так?! – Роман сел на землю и обхватил голову руками. – Десять брёвен хотели! В бачок же и пол-литра, наверно, не влезает!

Матвей подошёл к вцепившемуся в бревно топору, ухватился двумя руками за топориче, пошатал вверх-вниз, обернулся к Роману.

- У меня есть топор, - сказал.

- У нас, - глухо отозвался Роман.

Плот получился. Ну, не такой, естественно, шикарный, как ожидалось. Главное – двух человек держал превосходно. Роман даже прыгать пробовал – чуть ногу не подвернул.

- Мы веток набрасаем, - сказал Матвей. – Сначала этих, а сверху пихтовых, чтобы помягче...

Веток набросали, собрали вещи и отдали концы, как когда-то говорили. Спустя несколько минут Роман, осмотревшись, заметил:

- А ведь скорость-то – неудовлетворительная, Матвейка.

- Нет, ничего, так даже лучше, - сказал Матвей. Он уже развернул картонный лист, являющийся разобранной коробкой из-под стирального порошка, и теперь укреплял его, наклеивая полосы скотча. – Необходимо отметить как можно больше объектов, и – с максимально возможной точностью. А уж потом, когда будет лодка... Но ты... Или не ты...

- Что – я или не я?

- Мой помощник будет по берегу бегать с рейкой через одно плечо и языком через другое, - с неожиданной даже для себя самого мстительностью объявил Матвей.

Роман решил промолчать. В конце концов, Матвей имел право сердиться на него. Друзья должны поддерживать друг друга во всём, не считаясь с собственными интересами. В огонь и в воду за другом обязаны. Друзья – чтобы выручать и спасать, рискуя жизнью, вплоть до амбразуры вражеского дзота или пыток в застенках.

Роман на какое-то время отвлёкся от своих мыслей, залюбовавшись панорамно разворачивающимися пейзажами, а когда вернулся к ним, то они, размышления его, неожиданно потекли в ином направлении. В первооткрывательском направлении.

Действительно, так ли уж необходима им сейчас скрупулёзно исполненная и сугубо профессиональная карта с указанием всех нюансов? Разве первые путешественники утруждали себя измерением высоты каждого холма или ширины впадины? Просто делали наброски на бумаге, на бересте, на портянках и шли дальше открывать новые земли и водоёмы, чтобы дать им свои имена.

Главное, открыть как можно больше и указать ориентиры. А если у горы, каньона, лесного массива, да даже у роши какой-нибудь нет названия,

то каково будет тем, кто придут вслед за первооткрывателями? Высота две сто тридцать два, расположенная в пятнадцати градусах к северо-западу от высоты... Тоска дремуче-зелёная!

- Думаю, не стоит хвататься сразу за теодолиты, - проговорил Роман и посмотрел на Матвея, что-то вычерчивающего на листе формата А-3.

- Тоже так думаю, - отозвался Матвей.

- И до тебя дошло? – обрадовался Роман. – Мы же первооткрыватели! А они всегда – романтики!

- Обследуем истоки сначала, - сказал Матвей. – Папа говорил, что речка образовалась в результате стремительного соединения десятков ручейков, выбежавших из родников. А они все – рядышком. Но и река заканчивается где-то совсем близко от родников. Сужается и впадает в озеро. Вода, хотя, может, и не вся, впадает, а уровень всегда одинаков.

- Родники, ручейки, впадает... - скучным голосом произнёс Роман. – Ну, в чём вопрос?

Роман достал из рюкзака фотоаппарат и сделал несколько снимков. Он будет стараться совмещать приятное с полезным. С полезным не только Матвею, но и ему самому. Можно даже будет попробовать продать удачные фотоизображения. А так, что ж... Нести свой крест и не роптать. О еде, например, Матвей не вспомнит, возможно, пока они не причалят. Поэтому...

- Ты как знаешь, а я поем, - объявил Роман и извлёк из рюкзака пакет с бутербродами и термос.

- Стойте! Причаливай! – раздались крики.

Роман и Матвей обернулись и увидели бегущих к речке Арину и Ларису.

- Приплыли, - сказал Роман. – Хотя... остановка тут не запланирована. Полный вперёд! Отворачиваемся. Мы их не видим и не слышим.

Роман развернулся спиной к левому берегу, на котором находились его сёстры. Матвей ограничился тем, что склонил голову как можно ниже к листу бумаги.

- Неудобно, - сказал Матвей.

- Если даже не утонем, как ты рисовать будешь?

- Стойте! К берегу! Эй, на борту! Только попробуйте! – неслись с берега крики, которые хотелось назвать истошными.

Плот миновал девочек и начал удаляться.

- У меня ни одной рифмы! – взмахнула руками Арина.

- А у меня полный рот гадких слов – из последних сил держусь! – сквозь зубы поведала Лариса.

- Вплавь, с вещами?
- Тут наверняка вброд, но...
- Что? – поторопила Арина.

Лариса посмотрела на старшую сестру. Хотя и снизу, но, как бы, и сверху. И загадочно улыбнулась.

- В таких случаях нужно включать мозги. Имеется план, старушка.

Спустя четверть часа, когда речка в очередной раз повернула, почти полностью успокоившиеся Роман и Матвей снова увидели Арину и Ларису. Они стояли на берегу в полутора сотнях метров ниже по течению, и в их позах просматривалось что-то угрожающее. А может, почудилось?

Роман и Матвей посмотрели друг на друга и поняли, что не почудилось.

- А манёвренность судна практически нулевая, - вздохнул Роман. – Твои предложения?

- Это твои сёстры, - напомнил Матвей.
- Драться с ними? Уж сколько лет не дерусь. Два-то точно.
- Попытаться объяснить, что перед нами стоит задача... - начал

Матвей, но, поймав обращённый на него взор товарища, умолк.

- Поднять брызги... Если обоими шестами по воде с размаху...
- Не по-джентльменски, - вздохнул Матвей.
- И, главное, вряд ли остановит, - резюмировал Роман.

В течение следующей минуты оба молчали. Посмотреть на их лица – смирились с судьбой.

А Арина и Лариса уже разувались и снимали брюки.

- Ширина метров двенадцать, не больше, - прикинул Роман.
- Не прорваться, - согласился Матвей. – Причаливаем.
- Смотри! – вскричал Роман. – Они взяли за камни!

Матвей покачал головой.

- Не очень честно.

- Да это просто... - Роман не смог подобрать подходящего слова. –

Идём на прорыв!

Роман схватил лежавший у его ног шест и сунул его в руки Матвею, затем поднял второй шест.

- Мы их только разозлили, - сообщила Арина Ларисе.

Лариса бросила камни на землю.

- Ладно, можно и по-другому.

Когда Лариса и Арина, даже не сняв футболок, вошли в воду, Матвей и Роман, не сговариваясь, сместились на правую сторону плота и опустили толстые концы шестов в воду.

Потом плот неохотно сближался с берегом, а Арина и Лариса, изображая встречающих, издевательски махали бейсболками.

Но последовавший за не особенно радостной для обеих сторон встречей пикник удался. Роман и Матвей наелись до отвала. То есть отвалились, в буквальном смысле, насытившись, от скатерти-клеёнки и подумали, что неплохо было бы и вздремнуть. Просто закрыть глаза и насладиться покоем и тишиной. Если бы, конечно, имелась некая волшебная кнопка, с помощью которой можно было бы выключить Арину и Ларису, ни на секунду не умолкающих.

Но кнопки не было.

А потом, вдобавок ко всему, Лариса заявила:

- Аринка, они же спать собрались. Зря мы жратвы натащили. Они и так привыкли на природе поживать, а тут ещё и пузики набили не по-детски.

- Солдат спит – служба идёт! – «отрапортовала» Арина. – Кстати, тема. – Арина прищурилась и обеими ноздрями втянула живительный воздух поэзии. – Спит солдат после обеда, солдатской кашей наслаждаясь. Спит солдат с довольным видом, отрывки сытой не стыдясь.

- Плагиат. Довольный вид – сытая отрывка. Такое есть выражение.

- И что? Какой плагиат? Творческое переосмысление!

- Ладно, другая тема! – прервала сестру Лариса и кивнула на Матвея и Романа. – Сами придут.

- Куда «придут»? – приоткрыл один глаз Роман.

- Вы с нами? Отплытие задерживаете, - пояснила Лариса.

- Нет, ты слышал? – Роман рванулся и переместился-таки в сидячее положение.

Матвей повозился, повозился и поднялся на ноги.

- Нам бы до посёлка сегодня... А в темноте не имеет смысла.

Стали собираться, грузиться, размещаться... Бесцеремонные пассажирки пытались выжить Матвея с носовой части плота на корму. Точнее, Лариса с Ариной взяли «планшет» Матвея вдвоём, перенесли его на корму, а сами разместились на носу. Но Матвей дал знак Роману, и мальчишки, орудуя шестами, развернули плот на сто восемьдесят градусов. Арина и Лариса даже не сразу поняли, что лица их теперь обращены не туда, куда несёт плот течение, а в обратном направлении.

- Разворачивайте! – закричала Арина. – Лариска, ты уснула?

- А ну-ка, палку – сюда! – Лариса попыталась вырвать шест у Романа, но тот поднял его над головой.

- А ну-ка, отними. Так конфеты назывались, - улыбнулся Роман. Заметив же, что Арина, тоже опасно приблизившаяся, собирается подпрыгнуть, чтобы ухватиться за шест, сказал: - Ногу, Аринка, подвернёшь. Не советую на правах старшего брата.

Лариса и Арина дружно обратили взоры на Матвея. Матвей, по примеру Романа, также взметнул кверху руки, удерживавшие шест. Однако ростом он пониже Романа, а руки у Арины длинные. И, секунду подумав, Матвей швырнул шест в воду.

- Выронил? Что ж так не аккуратно? – рассмеялся Роман. – Ладно, брат, нам и одного достаточно.

- А ты «Греческий» для них строгала, рулетики из баклажанов крутила! – упрекнула Ларису Арина.

- Месть, блюдо, холодным. Поняла, о чём я? – сказала сестре Лариса. Арина кивнула.

- Готовим, остывает, подносим. Нам вспять безумцев не поворотить, они уже готовы заплатить... Жаль, не моё. – Арина уселась и сделала попытку отдалиться созерцанию открывающихся видов. – Когда вода всемирного потопа вернулась вновь в границы берегов... Да разве это река?

- Я тоже большего ожидала, - сообщила Лариса.

- Следующая остановка «Девчачья». К выходу готовимся заранее! – прижав ноздри пальцами, гнусаво объявил Роман. Он уже возлежал на ветках, придерживая рукой – так, на всякий случай – уложенный рядом шест.

- Холодное блюдо – это хорошо. Но вот если бы кое-кого просто столкнуть... - проворчала Лариса. – Хоть бы шалашик сделали!

- А складной стульчик трудно было захватить? – возмутилась Арина, которой никак не удавалось устроиться на плоту с должным комфортом. – Вот придёт сейчас вдохновение... Впрочем, какое, к чёрту, вдохновение в условиях... В ужасных условиях!

Лариса не преминула её поддержать.

- Тащились чуть не десять кэмэ, на берег выбегали, чтобы не пропустить.

- Сколько метров до того камня на повороте? – спросил Матвей. – У кого глазомер хороший?

- Сто двадцать, - прикинул Роман.

- Двести, - отмерила Лариса.

- Сто восемьдесят три, - соригинальничала Арина.

Матвей грустным голосом резюмировал:

- Картосхема будет недостаточно точной.

- Да не заблудятся, - сказал Роман. – Я же за проводника буду.

Прейскурант, прайс готовить надо.

- Я отвлеклась, - встрепелась Арина. – Кто заблудится?

Роман широко повёл рукой вокруг.

- Скоро вся округа будет наводнена туристами-корпоративщиками.

Тётя Маша их сюда понавезёт. Я буду высокооплачиваемым проводником.

Собираюсь даже имидж поменять.

- Договаривались не трепаться раньше времени, - напомнил Матвей.

- Да кое-что известно уже, - усмехнулась Лариса.

- Извини, друг, но время пришло, я считаю! – обратился Роман к

Матвею. – Инфраструктуру надо готовить. Их надо кормить и развлекать.

Без кафе не обойтись. – Роман развернулся к пассажиркам и изобразил

улыбку. – Проявляю заботу о вас, сестрёнки. Так что с вас – жилет из кусков шкур.

- Необходима полноценная карта местности, - продолжал упрячиться Матвей.

Роман вскочил на ноги.

- Да наверняка уже со спутников пробили эту туманность! Был бы интернет...

- Туманность? – напряглась Лариса.

- О которой туманности речь? – заинтересовалась Арина.

Роман с усмешкой осмотрел сестёр.

- Карты данной местности не существует, сударыни. А на снимках из космоса – пятно. Вам наплевать, куда вас отвезут, как я понимаю. Даже в Яндекс не заглянули.

- Какое пятно? – спросила Арина. – Тучка, что ли? Так бывает.

Роман отрицательно помотал головой.

- На всех картах. И – слишком правильной формы. Такими тучи даже дети не рисуют.

РЕКА ВСТАЛА, РЕКА ПОШЛА

В посёлок прибыли уже затемно. Матвей пообещал поднять Романа в семь.

- Да-да, - отмахивается Роман, закидывая рюкзак за спину. Ему хочется поскорее что-нибудь проглотить и завалиться спать.

- Ну... в восемь, хотя бы, - произносит Матвей, наблюдая за Романом, торопливо спрыгивающим с плота, только что ткнувшегося в прибрежный песок.

- Эй, придержи, джентльмен! – кричит Лариса, видя, что плот, отреагировав на суетливый соскок Романа, спешит удалиться от берега.

Роман, уже, кажется, припустивший в сторону «Александрии», неохотно возвращается и раздумывает, каким образом ему следует помочь подтащить плот к берегу сошедшему в воду и ухватившемуся за одну из скоб Матвеем. Однако обнаружив, что Матвей справляется и без его помощи, решает принять на себя общее руководство.

- Сходим по одному! По одной, точнее. Первая пошла! Матвей, колышек воткни, пока не забыли. Вторая пошла!

- Сначала подтянем, - говорит Матвей. – Давай!

- Ладно. Только сил уже нет.

Матвей и Роман берутся за скобы и, качнув плот, правый передний угол его вытаскивают на берег. Потом Матвей втыкает в прибрежное дно остро заточенный кол метровой длины.

- Разве так это делается? – досадует Роман. – Смотри и учись.

И Роман повторяет операцию, максимально используя не только силу рук, но и вес своего тела.

- Я так и делал, - говорит Матвей.

- Так, да не так. Я на двадцать сантиметров глубже загнал. Короче, договариваемся – в девять. Сегодня во сколько отплыли? А осталось столько же, примерно.

Отчалили на следующий день в десять. Спустя полчаса после заявленного Матвеем ультиматума. Он вошёл в дом соседей и объявил:

- До отправления осталось пять минут! Отъезжающих прошу занять свои места! Претензии не принимаются, билеты возврату не подлежат!

В прихожую выскочил Роман.

- Матвейка, десять минут! Только-только сырники пожарились. Умну три штуки и клюквенным морсиком залью. Пять минут ничего не решают, поверь!

- Приглашай Матвея к столу! – донёсся приказ баба Саши из столовой.

Три штуки! Роман занял своё место за столом, и Матвей увидел, что перед приятелем тарелка с целой дюжиной сырников и огромный блин хачапури.

- Пересчитывать сырники не буду, но ты сказал – десять минут, - усаживаясь за стол, сказал Матвей. – Мне, пожалуйста, только два.

Бабе Саше удалось положить Матвею четыре сырника. Матвей вздохнул, словно ему предстоял тяжкий труд, и мгновенно их съел, закусив свёрнутым в трубочку хачапури. От добавки отказался и, взяв кружку с морсом, выбрался из-за стола и отошёл к двери.

Роман, недовольно оглядываясь на Матвея, доел свой завтрак и ушёл одеваться. Баба Саша, проводив взглядом Романа, сказала Матвею:

- Как говорим мы, японцы, семь раз проверь, прежде чем усомниться в человеке.

- Разве вы японка?

- Корейнка на четверть, - бросила баба Саша через плечо. Она уже начала убирать со стола.

Матвей хотел спросить, на какое количество частей она японка, но передумал. Решил задать вопрос из совершенно иной области.

- Почему река имеет такую странную конфигурацию?

- Имеешь в виду, что вокруг озера?.. – уточнила баба Саша.

- Да.

Баба Саша обернулась к Матвею.

- Боюсь, когда мы это поймём, будет поздно.

Матвей взгляделся в лицо бабы Саши и понял, что собеседница более чем серьёзна. Ему даже показалось, что в глазах немолодой женщины мелькнула искорка страха.

- Что нам может угрожать? Здесь были какие-нибудь неожиданные, необъяснимые явления? Лето среди зимы или зима среди лета случались?

- Тут твой отец эксперименты готовит, как я понимаю. У него теории, гипотезы разные. Если некоторые из них подтвердятся... - баба Саша сделала паузу. – Если подтвердится, то я не знаю... Кстати, и мой муженёк тут разгоношился. Раффлезия, прикинь, вырастить решил.

- Что должно подтвердиться? – потребовал ответа Матвей, подстёгнутый словами «отец» и «эксперимент».

- Как разные люди по-разному реагируют на одно и то же, так и окружающий мир не одинаково воспринимает деятельность человека. Болевые точки лучше не трогать.

- Чьи болевые точки? – упорствовал Матвей.

- Каждый по-своему отвечает на этот вопрос. Жизнь несправедлива. Но если она несправедлива по твоей вине, то ты – злодей. Извини, мне пора. Сбирать растения необходимо сразу после высыхания росы.

Баба Саша, проследовав мимо Матвея, покинула столовую. Часть грязной посуды осталась не убранной со стола.

Матвей вышел на крыльцо и настроился ждать Романа. Прийти на полчаса раньше или опоздать на два часа – это нормально для Романа. Матвей и один бы отправился в плавание, но не хотел обидеть товарища. Или друга. Товарища своего или друга Романа. Потому что Роман – обидчивый.

Матвей неоднократно размышлял на тему обидчивости и пришёл к выводу, что обижаться – опасно. Можно быть сильным, умелым, уверенным, но вдруг... Причины этого «вдруг» могут быть самыми безобидными. И вот это «вдруг». В результате, не получив ожидаемого, человек обиделся. И он – словно больной. Только от школы освобождения не дадут. И он – как ёжик кверху пузом. Резцы, клыки – и потрошки снаружи, в пыли вываленные.

Хотя, казалось бы, обидеться и всем обиду свою продемонстрировать... Ну, продемонстрировал, допустим. Сочувствующие повздыхали, по плечу похлопали и разошлись. А кто-то, сочувствующим прикинувшийся и опасно сблизившийся с обиженным, не только по плечу похлопал, но и уколол.

В общем, обидчивость – роскошь, которую не всякий себе позволит. Матвей, например, не обидчивый. Мама на работе, отец, ну, скажем, - в командировке навсегда, а старшего брата не имеется. Вот и пообижайся.

Вместе с Романом пришла Лариса.

- Матвей, если что помочь, обращайся, - сказала она после «здрасьте» и принялась обустриваться на корме плота, а именно – сгребать под себя пихтовые ветки.

- Не обращай внимания, - сказал Роман. – Ей даже болтать не с кем.

Лариса хохотнула.

- Ха! Это не значит, что я молчать подписываюсь. Матвей, напомни про лопухи, когда подплывать будем.

- Про лопухи?

- В человеческий рост, дедуля говорил. Каждый лист – простыня неправильной красивой формы. Как увидишь лопухи... Но я раньше сойду.

Лариса уже давно, ещё позавчера, решила перехватить бизнес бабы Саши по сбору лекарственных трав. Ну, не перехватить, может. Возможно, всего лишь потеснить. Во всяком случае, конкуренцию она составит. Сарай с улетающей ввысь крышей дед Фёдор уже пообещал построить. В таком сарае одновременно можно будет сушить неисчислимое количество пучков трав. В отличие от оккупированного бабой Сашей чердака дома, где ещё и осы поселились, соорудив целых два гнезда.

А осы красивые, но кусачие. Прикоснись, и вонзят жало не раздумывая. А уж если гнездо тронешь... В прошлый свой приезд Лариса наступила на осиное гнездо, в траву запрятанное, и поплатилась сполна, хоть и безвинно. Хорошо, баба Саша знает, чем укусы смазывать. Орала, пока до дома бежала и немного ещё потом, когда в поднесённом Ариной зеркальце свою физиономию увидала.

Когда плот остановился, все трое встревожились. Сразу, правда, не заметили. Роман дремал, Лариса продумывала бизнес-план, а Матвей пытался определить высоту скалы, вздыбившей левый берег. Матвей прикидывал, высчитывал, а затем снова высчитывал и прикидывал, сколько в ней метров. А потом спохватился и вцепился взглядом в неподвижный берег. Но глазам не поверил.

И тогда он прижал к носу устремлённый остриём вверх карандаш и закрыл левый глаз. Плот стоял на месте! Плот стоял и не двигался, словно не река под ним была, а большая стоячая лужа!

- С какой скоростью мы движемся? – стремясь сохранить самообладание, произнёс Матвей.

- Давай ты сам, ладно? – скривил лицо Роман, которого вопрос Матвея явно пробудил ото сна.

Лариса бросила взгляд в сторону берега и изрекла беззаботно:

- Да мы на месте стоим.

- Я почти уверен, - кивнул Матвей.

- Как это стоим? – вскричала Лариса, вдруг обеспокоившись. – Мы не по реке сплавляемся?

Роман привстал и осмотрелся. Кажется, период безмятежного существования закончился. Грубая и непредсказуемая реальность вцепилась в судно с тремя путешественниками на борту и держит его посреди вдруг замершей реки.

Матвей порылся среди укрывающих плот веток, стремясь выбрать сосновую, и покрупней, затем пообломал найденную ветку таким образом, что в руках у него оказалась метровой длины палка.

- Да! Да! Проверить! – выкрикивал нетерпеливо Роман, который уже был на ногах и с шестом в руках. – А то давай я сам!

- Ладно, - согласился Матвей. – Только изо всей силы.

Роман положил шест и схватил протянутую Матвеем палку.

- Меня не зацепи! – прикрикнула Лариса.

- По центру целься, - посоветовал Матвей.

Брошенная Романом палка улетела метров на сорок, а то и больше. Теперь необходимо было ждать.

- Время делать ставки, дамы и господа! – объявил Роман.

Лариса поднялась и шумно вздохнула.

- Нехорошее предчувствие. Сто рублей.

- Фи! Почему не по копеечке? – возмутился Роман.

- Ладно, пятьсот.

- Тыща на то, что уплывёт! – провозгласил Роман. – Заканчиваем делать ставки. Матвей!

- Если бы подальше вперёд пробросил...

- Уж не хочешь ли ты сказать... - Роман почувствовал себя слегка оскорблённым.

- Нет, - перебил его Матвей, - мелкое тщеславие мне не свойственно.

Роман обиженно поджал губы и принялся молча смотреть на застывшую ниже по течению реки палку. Если, конечно, полагать, что течение это имеет место быть.

Матвей стал осматривать берега. Потом задумчиво произнёс:

- Берега не грязнее, чем выше по течению.

- О чём ты? – не понял Роман.

- Если бы река здесь стояла всегда или подолгу, то куда девались бы приплывшие деревья, ветки?

- Я хочу на берег! Всё! Связалась с вами! – Лариса близка к панике. – Гоните плот к берегу!

- Секунду-то можешь подождать? – сказал Роман и устремил взгляд на брошенную им пару минут назад палку. – Похоже, уплыла... тыща моя.

Действительно, «уплыла» тыща Романа. Следующей неожиданностью оказалось то, что шест не доставал до дна. Роман, погружая его в воду с излишней размашистостью в движениях, даже чуть было не ухнул в водную пучину, удержавшись на плоту в самый последний момент.

- Вот это да! – воскликнул он. – А у нас и весла-то нет. Кстати, Матвейка, отметь место. Сюда же дайверов можно будет привозить.

- На берег меня! Срочно! – требовала Лариса.

- Срочно не получится, - сказал Матвей. – Грести руками придётся.

- Тут десять метров до берега! – кричала Лариса. – Всего – десять!

Какие-то жалкие десять метров! Давайте!

Принялись грести шестом, круглым в сечении и по толщине не очень значительным, а также руками. Руками, обеими одновременно, грёб, лёжа на боку, Матвей.

- Помогай, раз торопишься, - предложил Ларисе Роман.

- Джентльмены! – буркнула Лариса и, осторожно приблизившись к краю плота, погрузила кисть руки в воду.

Причаливали долго и трудно, слегка поругиваясь и фантастически потея, благо солнце уже выкатилось на позицию, с которой жарить земную живность было особенно удобно.

- Я скоро! – сказал Матвей, как только плот левым передним углом коснулся берега, и соскочил на берег.

- Я с тобой! – крикнул Роман.

Но Матвей не откликнулся, даже не притормозил. Он уже карабкался на гору, да с такой энергией, что камни летели вниз.

- Ну! – подтолкнула Романа Лариса.

- Плот упустишь, - ответил Роман.

Он уже понял, что Матвея можно и здесь подождать. Осмотреться, подумать, может, даже эксперимент какой-нибудь произвести. Например, проверить, имеется ли течение рядом с берегом.

Матвей взберётся на гору, пробежится вперёд, минуя скалу, спустится к реке, и установит, что она течёт или же, напротив, необъяснимо стоит, подобно пруду, озеру или водохранилищу. А затем опять поднимется в гору, пробежится, спустится и расскажет, утирая пот, что... Ну, это скоро узнаем.

А Роман поведаёт коллеге о наличии или отсутствии течения в данной точке, что тоже исключительно важно. Ведь если водные массы середины реки стоят, как вкопанные, приклеенные или, по меньшей мере, намазанные, то это ещё не значит, что те же водные массы, сблизившись с берегом, не начнут движение в ту или иную сторону.

Впрочем, начнут ли в будущем, не известно, но в настоящее время местные воды, уже смирившиеся с вторжением плота, совершенно неподвижны, о чём можно судить по этим трём откуда-то прилетевшим листочкам, за которыми уже целых две минуты он, лёжа на травке, наблюдает.

Да и плот, о котором вдруг вспомнилось, потому что на глаза попался, тоже стоит и никуда не торопится. В той самой позе, в какой его оставили, сойдя на берег, последние двое членов экипажа.

Хотя Лариса, пожалуй, не член экипажа, а всего лишь пассажир. Причалили, она сошла на берег и куда-то смоталась, даже не сообщив о своих планах. Вот и признай её членом команды после такого.

А команда – это когда все вместе и всем поровну. И все понимают друг друга без слов. И даже этих киношно-спецназовских жестов не надо.

Типа, «ты обходишь слева и убираешь второго справа». Потому что если, допустим, вы в условиях космоса и в скафандрах, где к тому же полный мрак, а фонариками пользоваться опасно, всяческие жесты придётся исключить совершенно. Просто каждый член команды делает свою часть работы, корректируя свои действия в зависимости от успехов или неуспехов других членов команды и на основании собственного шестого чувства.

Матвей явился едва живой. Он рухнул в траву рядом с Романом и тяжело дышал.

Роман, он слегка задремал, приподнялся, опершись на локти, встряхнул головой, зевнул и принялся моргать глазами. Проклятая жара! Ему следовало расположиться в тенёчке и вместо мыслительных упражнений по развитию аналитических способностей просто утреннюю зарядку сделать.

- Ты быстро сбегал, - сказал, наконец, и переместился в сидячее положение.

Матвей произвёл контрольный выдох и сообщил:

- Течёт. Скорость – обычная.

- Интересно. Здесь стоит, а это, приблизительно, двадцать на пятьдесят или сто метров участок, а там... Какое расстояние?

- Сто пятьдесят – двести. Я постарался максимально к скале вернуться. А ближе – просто никак... - Матвей, кажется, чувствовал себя немного виноватым. – Там ещё эти кусты непролазные пошли.

- Здесь река стоит, а там течёт, - принялся вслух размышлять Роман, решив, что так надёжнее – мысль не ускользнёт. – То есть, вода стоит здесь...

Нужная мысль всё равно ускользала, вместо неё бились другие. Но эти уж совсем какие-то рваные – куда и каким образом их цеплять, не понятно.

- Плот! – закричал Матвей. – Плот где?

Плота у берега не было. Его не было везде, куда хватало глаз. Роман вскочил на ноги.

- Он стоял у берега! Как приклеенный! Я даже стопорить не стал!

Матвей также поднялся на ноги. Потом махнул рукой в сторону реки.

- Вон коряга проплывает.

- Постояла и пошла?! – изумился Роман.

- Минут двадцать, примерно, прошло, - прикинул Матвей. – Не догоним плот. Пока я снова заберусь в эту гору...

Матвей смотрел себе под ноги, а Роману казалось – прямо ему в душу. И что же делать? Вот так взять и броситься, не обращая внимания на жару, в погоню? В гору, затем к реке, потом вдоль неё. Может, и тропинки-то нет. А если есть, то уведёт...

- Я попробую, - против воли своей сказал Роман.

- Вот спасибо, Роман! – вскричал Матвей. – А рюкзак свой оставь, я добреду. Только уж тебе подождать придётся.

- Я подожду, - ответил Роман и полез в гору.

А дальше всё так и произошло, как представлял себе Роман. Только вот если эти будущие тяготы и невзгоды существуют всего лишь в твоём воображении, то это одно дело. И совсем другое, когда прямо в лёгкие закачивается раскалённый воздух, ноги подгибаются и не слушаются, а пот заливают глаза.

Но плот Роман настиг. Не раздеваясь, он бросился в воду, причём преждевременно – на сотню метров бы вперёд пробежать, - поэтому догонять плот пришлось, преодолевая сопротивление воды, которой – по грудь. Потом, уже из последних сил, он буксировал неповоротливое плавсредство к берегу. Однако не взбодри его прохладная водичка, этих последних сил у Романа не было бы. Взобрался бы на плот, упал ничком и забылся надолго.

Зато сохнуть на солнышке, упав прямо в мокрой одежде на травку, было здорово. Тепло и прохлада, покой и щебет птиц.

И чувство исполненного долга.

Но чувством исполненного долга насладиться помешала Лариса.

Подошла и легонько пнула.

- Я же тебе кричала! – объявила она таким тоном, словно Роман был в чём-то виноват.

Роман приоткрыл один глаз, тот, в который не упиралось солнце ни одним из своих беспощадных лучей, и проговорил:

- Девочка, проходи. Делянка с лопухами где-то дальше.

- Да я и одуванчики, и мать-и-мачеху собираю. Матвей-то где?

- Придёт – у него и спросишь.

- Почему плот, который остался там, теперь стоит здесь? – продолжала доносить старшего брата Лариса.

- На себе притащил! Устраивает? – начал нервничать Роман.

Умеют эти девчонки вот так взять и всё испортить! И чего добивается? Чтобы он ни с того ни с сего вдруг принялся ей рассказывать, как он проводил эксперименты... Ну, не только эксперименты. И как после возвращения Матвея обнаружилось отсутствие плота и наличие речного течения, которое то ли только на одном небольшом участке временно прекращалось, то ли по всей длине реки пропадало...

Дойдя до этого места в своём рассказе, Роман на секунду умолк, а потом стремительно переместился в сидячее положение и закричал:

- А позади!.. Чёрт! Не проверили же! А выше по течению река тоже стояла?

- Да конечно, - уверенно изрекла Лариса. – Какие сомнения?

- А вот у меня имеются, представь! – заявил Роман. – Ни в чём не уверен. Ещё несколько таких фокусов – даже удивляться перестану. Синий человечек подойдёт – скажу: иди отсюда, без тебя тошно.

- Ну, я бы нашла, о чём с инопланетянином поговорить. Они ведь, возможно, все болезни победили. А что с едой? Они же или кулинарию на недосягаемую высоту подняли, или, второй вариант, вообще от еды отказались и получают энергию от батареек.

- Слушай, Лариска, об энергии и батарейках потом с Матвейкой поговоришь, ладно? Тем более что он вообще в тепличных условиях почти полной безнадзорной свободы всю свою жизнь. Давай просто птичек послушаем.

- Извини, утомил. Пойду, - сказала Лариса и ушла.

Когда пришёл Матвей, Роман, уже подсохший, сидел в тенёчке и размышлял о своей жизни. И получалось не особенно весело и почти что по кругу. Таким, приблизительно, образом выходило, что если бы необходимо было сформулировать промежуточный итог, то это звучало бы безрадостно. Типа: «Нет, ребята, всё не так! Всё не так, ребята...»

ОСЕДЛАТЬ ВОСХОДЯЩИЙ ПОТОК

Потом Роман и Матвей сплавились по реке, регулярно принимавшей воды многочисленных ручейков и незаметно расширявшейся, и обсуждали события дня. Хотя, правильнее сказать, обсуждал Роман, ничем более не занятый, а Матвей лишь поддерживал разговор.

- А я ведь всё время жду, что опять встанем, - вдруг, после неожиданно долгой паузы, сообщил Роман.

- Со мной то же самое, - кивнул Матвей.

Мальчишки ещё не знали, что их ожидает гораздо худшее. Им грозит смерть. И не сказать, чтобы мгновенная. Ведь если мгновенная, то это в наибольшей степени соответствует кем-то сказанному, что когда мы есть, смерти ещё нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет.

Им бы чуть пораньше закончить свой вояж. За сотню, да даже за пятьдесят метров до места остановки плота уйти к берегу. Но кто ж знал! Допускали, не исключали, ждали, можно сказать, повтора, конечно, но чем это грозит, и помыслить не могли.

Что плот остановился, обнаружили почти одновременно.

- Вот оно! – воскликнул Роман.

- Надо глубину проверить, - сказал Матвей.

Роман поднялся, взял шест и опустил его толстым концом в воду.

Шест легко ушёл в глубины на всю свою длину, но дна не коснулся.

- Дубль два! – объявил Роман.

Матвей махнул рукой в направлении левого берега.

- Там движение. Видишь, веточка плывёт?

- И у нас движение. Мы движемся к берегу, - сказал Роман.

- Из-за одного взмаха шестом? – удивился Матвей. – Да и не к берегу

мы плывём.

Роман усмехнулся.

- А скорость почему растёт?

Матвей побледнел.

- Воронка! Мы же по кругу идём!

- Что?

Матвей ткнул рукой вправо.

- Вон она!

Теперь и Роман увидел пугающий провал водных масс.

- Нас затянет в воронку?! Вместе с плотом?!

- Надо выплывать. Гребите шестом! – распорядился Матвей, перебегая на корму плота и падая на правый бок.

- Прыгаем и плывём к берегу! – закричал Роман.

- Надо попробовать! – Матвей грёб обеими руками что есть мочи.

Спустя минуту оба осознали, что вращающийся вокруг своей оси и давший заметную осадку плот находится в центре водоворота.

- Бесполезно! – констатировал Роман и извлёк из воды шест.

Матвей также вытащил из воды мокрые по плечи руки, вскочил и принялся сворачивать и прятать в тобус бумагу и запихивать в рюкзак компас, угольник, транспорир, авторучку. Одновременно он оглядывал плот.

- Нас может перевернуть, - проговорил, не сумев скрыть тревоги. – Сместись левее, Ромка! И присядь! И рюкзак возьми!

Только успели забросить за плечи рюкзаки, как плот стало заливать водой, и устилающие его поверхность ветки начали всплывать.

- Так и уйдём на дно?! – закричал Роман, раскорячившийся в полуприсесте. – Надо прыгать! Надо выплывать!

Матвей окинул взглядом окружающий плот вал воды.

- Можем и не вырваться!

Плот вдруг дёрнулся в сторону, противоположную вращению, а затем подскочил вверх. Роман и Матвей не удержались на ногах и оказались стоящими на четвереньках.

- Надо за скобы держаться! Я нащупал! – сообщил Роман.

Матвей отыскал одну, а затем и вторую скобы и крепче за них ухватился. А плот тем временем опять погрузился в воду, а потом вновь кособоко выскочил на покатый склон водяного гребня.

- Если с третьего раза не утонем... - проговорил Матвей.

- Говорил же – прыгать! А что теперь? – Роман принялся озираться в поисках ответа на свой вопрос.

Скоро стало понятно, что текущая ситуация надолго. Но, возможно, и не так чтобы уж очень и надолго – укачает, голова закружится, уставшие пальцы разожмутся, расставаясь со скрепляющими плот скобами... Да, скрепляющими. Пока, в настоящее время. А что будет спустя какое-то время? Ведь если плот, устав от непрекращающейся трёпки, развалится, то безнаказанно кувыркаться в воронке вместе с непредсказуемо танцующими брёвнами не получится.

Матвей и Роман взглянули друг на друга и поняли, что об одном и том же размышляли они оба только что. И дружно обратили взгляды в направлении левого берега. Появись сейчас Лариса, то это был бы шанс выбраться из водоворота. Сама она, конечно, не сможет их вытащить. Но благодаря ей помощь пришла бы уже спустя...

- Час туда, столько же, примерно, обратно, и мы – на берегу! Да? – в продолжение общих мыслей сказал Роман. – Вот где она шляется, интересно?

- Лариса могла уже давно в сторону дома отправиться, - решил подвести черту мечтаниям Матвей. – Надо искать варианты.

- Когда мы в верхней точке, прыгать! – уверенно произнёс Роман и поднялся с четверенек. – Я попробую!

В этот момент плот в очередной раз встряхнуло, и Роман, упав на бок, тотчас же скатился с плоскости накренившегося плота и скрылся под водой.

- Роман!!! – завопил Матвей.

Роман, словно услышав вопль друга, вынырнул и принялся хвататься руками за брёвна. Однако надёжно зацепиться у него не получилось, и Роман снова исчез под водой. Матвей сместился на край плота, ухватился обеими руками за крайнюю правую скобу и сбросил своё тело в воду. Нырять или ждать, надеясь?

Голова Романа появилась-таки из пучины, и Матвей выбросил в сторону товарища свои ноги и закричал:

- Хватайся!

Роман вцепился в правую ногу Матвея, а потом, уже лёжа на плоту, окончательно осознал, что был на волосок от гибели. И теперь он, хлебнувший водички, совершенно не был уверен, что решится броситься с плота навстречу упругому валу, способному одним движением влить в него столько литров воды, сколько и поместиться-то внутри человеческого организма не способно.

- Должны быть варианты, - без всякой уверенности в голосе произнёс Роман, когда силы к нему частично возвратились.

- Оседлать восходящий поток, - сказал Матвей. – Но его ещё найти надо.

- Так давай искать, Матвейка! – встрепенулся Роман.

Матвей тяжело вздохнул.

- Это нырять надо. Он где-то там, на глубине. Если его найти, он вытащит.

- Куда вытащит?

- На поверхность. За пределы.

- Если бы спрыгнули, когда я говорил... - отворачиваясь, проворчал Роман. – Как раз ещё за пределами были. Но почему уверен, что вытащит?

- Интересовался. Если набрать воздуха и нырнуть. Должно вытащить. Но ещё надо найти это течение. Которое не по кругу, а на поверхность...

Роман покосился на бурлящие воды реки.

- Вот так взять и нырнуть? И где его искать, это течение?

- Где-то там, на глубине, - выдохнул Матвей.

- А если там яма, а? Здесь много воды, а там дальше – речушка.

- Там вода мчится. Нет, надеюсь, это воронка. Левый берег вылез, из-за него всё, из-за утёса. Ладно, раз уж я виноват...

- Будешь нырять?! – вскричал Роман. – А я?

- Решайся!

- В воронку – добровольно?!

- Значит, жди. Может, я успею. Рюкзак с картой оставляю, твой с топором возьму.

Матвей подобрался к Роману, снял с его плеч рюкзак, а свой водрузил ему на спину. Затем надел рюкзак Романа на себя.

- А хватит воздуха? – поёжился Роман. – Воронка огромная! И глубоко!

Матвей, не поднимаясь с четверенек, приблизился вплотную к левому краю плота и проделал несколько глубоких вдохов-выдохов.

- Скоро узнаем, - сказал на очередном выдохе.

- Прямо под него нырять будешь, Матвей?

- Как получится.

Матвей ещё раз продышался, сделал последний вдох и кувыркнулся в воду.

Романа обдало брызгами, и потянулись секунды томительного ожидания. Роман пытался вглядываться в водную толщу, но напрасно. А если Матвей утонет? Тоже прыгать? Или сидеть, трястись на танцующем плоту и взывать к небесам о чуде? А плот уже ходуном ходит – не такой уж он и прочный. Одна из двух скоб, сжимаемых его руками, похоже, вот-вот оторвётся с одного конца.

Матвея выбросило на поверхность. Рядом с плотом, он даже плечом ударился.

- Ну что?! – закричал Роман. – Течение есть?

Роман предпринял попытку, не очень удачную, чтобы помочь Матвею выбраться из воды.

- Не нашёл, - взобравшись на брёвна и отдышавшись, сообщил Матвей.

- Что делать?

- Снова нырять.

- А оно точно есть? Не выдумки?

- Не выдумки, Ромка. Вот только на какой глубине... А я и дна не достал.

- А потому что солдатиком надо, а не враскоряку! – укорил друга Роман. – За меня ухватись, потом выпрямись...

Солдатиком и на самом деле получилось удачно. Вырвался Матвей из водоворота, вынырнув едва ли не в десятке метров от плота.

- Матвей – ты гений! – завопил Роман. – Теперь меня спасай! Он разваливается!

Матвей выбрался на левый берег, сбросил рюкзак и извлёк из него топор. Потом крикнул:

- А вдруг не успею? Сам попытаться не хочешь?

- Нет, Матвейка, я на тебя надеюсь. Только шест подлиней сделай, а то втащу тебя обратно!

Спустя десять минут Роман ступил на берег и предложил незамедлительно провести разбор полётов. Для Матвея же было важнее

выяснить, в каком состоянии картосхема и возможно ли её использование в дальнейшей работе.

Но разбор Роман делать не стал, а просто объявил, что они с Матвеем команда, и команда просто замечательная, со своим стремительными темпами складывающимся неповторимым стилем.

- Ведь, правда же, то ты мозговой центр, я – локомотив, то наоборот. Да?

- Да, кое-где попортилась, но за основу принять можно. А карандаши бы использовал – вся работа насмарку.

- А ты вон туда глянь! – взмахнул рукой Роман, указывая на реку. – Брёвна уже топорщатся.

Плот разломало почти моментально. Через минуту в воронке уже не плот вытанцовывал, а бились отдельные, вдруг ставшие не очень большими, а даже маленькими, с корявыми клыками скоб на концах брёвнышки.

- Надо их выковыривать, - сказал Матвей. – На узком участке ловить и вытаскивать.

- Скобы? Да ладно, что-нибудь придумаем.

- Нет, пойду. Поможешь?

Роману заниматься скобами совершенно не хотелось. Да и усталость ощущалась. Не говоря уже о пережитом страхе, ужасе и кошмаре.

- Ладно, - вздохнул Роман. – Но только из-за того, что ты, можно сказать, жизнь мне спас. И команда, опять же.

Только успели перейти на стремнину, как брёвна стало вышибать из водоворота. Поймали всех, кроме одного, самого проворного, проскочившего мимо Романа.

- Извини, - сказал Роман, - он целыми тремя скобами ощерился. Да ещё как-то так по самому дну скользнул. Но тут озеро недалеко. Сходить и выловить.

- Нет, мы и так слишком близко. Обойдёмся без этих трёх.

Матвей достал из рюкзака топор и гвоздодёр и принялся выдирать из брёвен скобы.

- Некоторые едва держатся, - сказал Роман. – Может, и утонула парочка. Кстати, твой отец что-то готовит. На озеро набегами... Какую-то встряску, я так понял. Тебе ничего не говорил?

- Я не спрашивал, но кое-какие догадки имеются.

- Выкладывай! – предложил Роман.

- Рановато.

- Слушай, какие секреты от друга?

Матвей протянул Роману топор.

- Поучаствуй, друг. Ты подкладываешь, я дёргаю.

- И ведь их, эти железяки, ещё тащить, прикинь, - расстроился Роман.

УРАГАН РУКОТВОРНЫЙ

А следующий день ворвался в жизни Матвея и Романа безумным криком Ларисы. Они, умаявшиеся накануне, спать решили на чердаке сарая деда Фёдора, заваленного сеном. Потому что сил принять душ просто не оставалось. Мобилизовали последние силёнки, взобрались наверх по шаткой лестнице и рухнули. И даже сновидений не было. Ни у того, ни у другого, несмотря на пережитое.

И вдруг крик. Матвей и Роман вскочили, бросились к двери и видят Ларису, стоящую на крыльце и заходящуюся в безумном крике. Просто – бешеные глаза и ужас через всё лицо. То есть – крайне встревоженный вид.

- Полундра! СОС! – орёт она.

- Ну, никто её не режет, не убивает, - произносит Роман, недовольно морщась и моргая спросонья.

- Что случилось? – закричал Матвей.

- СОС, говорю! Не понимаете?

- СОС? – переспросил Роман и крикнул: – Кончай выпендриваться!

- СОС! СОС! – начинает злиться Лариса. – Да! Переводится, как спасите наши души и восклицательный знак.

Матвей и Роман, покрхтывая, словно пенсионеры со стажем, принялись спускаться с сеновала. Затем подошли к Ларисе.

- Что-то серьёзное? – спросил Матвей.

- Ужасное! Правда, ещё не случилось.

- А говоришь, полундра и СОС с восклицательным знаком! – возмутился Роман.

- Успокойся! – оборвала его Лариса. – Полундра тоже с восклицательным знаком!

- Я всё-таки не понимаю, полундра или СОС? – раздражается Роман.

- Да всё вместе, бестолочь! Макарыч делает ураган!

Роман вытаращил глаза.

- Ураган?!

- Ураган – это серьёзно, - нахмурился Матвей. – Я это и имел в виду.

- Да уж конечно! – усмехнулась Лариса. – Это не ветерок, который девочкам юбки задирает.

- Об ураганах, смерчах, торнадо, тайфунах, циклонах... - говорит Матвей.

- Хочешь сказать, - перебивает его Роман, - необходимо всех оповестить? Так?

Матвей смотрит по сторонам и пожимает плечами.

- Уже не хочу.

И действительно, из дома уже выскочила Арина, а откуда-то со стороны подтягиваются баба Саша и дед Фёдор.

- Чего все орут? – спросила Арина.

- Отстань! – отмахнулась от сестры Лариса и повернулась к бабе Саше и деду Фёдору. – Ну вот вы куда смотрели, пожилые и мудрые? Занудные, даже сказала бы!

- Я за папоротником собралась, - развела руками баба Саша. – На двадцать метров только отошла.

- А сушить его? При помощи глицерина?

- Нет, его высушивать лучше прессованием, - пояснила баба Саша. – Что происходит?

Баба Саша нетерпеливо переводит взгляд с Романа на Матвея, с Матвея на Ларису, а потом – в обратной последовательности.

- Да ты же что-то там намекала. А вот теперь Лариска говорит, что Макарыч ураган делает, - сообщил Роман. – Кстати, Лариска, зачем он ему?

- Ну вот зачем-то! Откуда я знаю! Вот нет у нас, так пускай будет, как в заграницах! – начала размахивать руками Лариса.

- С озером справиться хочет, - перебила её баба Саша. – Мне всё понятно. Да и просто случаем воспользоваться решил. Любит он это дело. Собирался даже ехать в штаты охотиться за ураганами. Теперь, видимо, решил сэкономить.

Дед Фёдор вдруг взмахнул руками и принялся фыркать.

- О чём вы говорите? Как он может ураган сотворить?

- Это же стихия! – выкрикнула Арина.

- Как? А очень просто! – ответила Лариса. – Охладил воду в озере, а теперь нагревает воздух над ним. Или наоборот.

Баба Саша кивает.

- Он на озеро кучу всего перетаскал. Тепловой насос, и не один. Обыкновенный насос и шланг длиннющий. Солнечный коллектор мастерил. По несколько раз на дню мотается. Вот и впал в детство.

- Но ураганы очень опасны для посадок! – взволновался дед Фёдор.

- А ну – к озеру! Всем коллективом! – приняла на себя командование баба Саша. – Как говорится, сделай всё, что сможешь, а в остальном положишься на судьбу.

И все направляются к озеру. И очень спешат. На мосту даже давка небольшая получилась – чуть Арину в реку не уронили.

- Лариса, а на сколько баллов ураган? – интересуется Роман.

- Не знаю.

- Если восемь или девять... - качает головой дед Фёдор.

- То что? – спрашивает Лариса.

- На море – шторм, - говорит дед Фёдор. – На суше – переломанные деревья и сорванные крыши.

- А яблони и груши твои? – напоминает баба Саша. – И ещё меня интересует направление. Мы к северу от озера.

- Есть ветры, которые всегда дуют сверху вниз, есть ветры, которые меняют своё направление в зависимости от времени года... - принялся рассуждать Матвей.

- А этот ураган куда понесётся? – возмущается баба Саша. – Боюсь, Макарыч за поступки свои уже не отвечает.

Дед Фёдор неожиданно резко останавливается и вскидывает руку вверх.

- Стойте! С Макарычем беседовать поздно.

Все остановились и подняли головы. И увидели смерч, движущийся в их сторону.

- Свой вопрос о направлении движения урагана снимаю, - горестно вздохнула баба Саша.

- Атас! – закричал Роман. – Спасайся, кто может!

Все бросились в разные стороны.

- Куда? Не разбегаться! – кричит баба Саша. – Дед, держи внуков!

Однако смерч, ловко маневрируя, уже принялся подхватывать то одного, то другого, периодически роняя их то на кусты или деревья, а то и просто на лесную лужайку. Вот он подхватил Матвея и Романа, оказавшихся рядом друг с другом, и, закружив, потащил куда-то в сторону и даже вверх.

- Ой, врежемся! – вскрикнул Роман.

- Ларису лови! – ответил Матвей, пытаясь удержать взмывшую над землёю Ларису. – Лариса! Эй!

Роман тоже заметил Ларису, но его швырнуло в сторону, и он упал, неожиданно оставленный смерчем.

- Да она в другую сторону! – прокричал он. – И глаза зажмурены! Я, пожалуй, один тоже зажмурю! Пылица жуткая!

И Роман закрыл глаза. То же самое вынужден был сделать и Матвей. И в эту минуту в голове Матвея что-то то ли треснуло, то ли лопнуло, и он на какое-то время выпал из действительности.

Когда он открыл снова глаза, то обнаружил, что находится под деревом с вывернутыми корнями, рядом с дедом Фёдором, сильно потрёпанным и немного грустным.

- Вот так и мои садовые насаждения, поди, повыдернуло, - сказал дед Фёдор и согнал со своей груди перепуганную жабу.

Матвей быстренько осмотрел себя, но никаких жаб и лягушек на себе не обнаружил. Можно, кажется, подниматься и отряхиваться. Смерч, похоже, улетел навсегда. Потом выдохнется и умрёт, оставив по себе нехорошую память. Ладно хоть, не унёс никого. Это было бы уже форменным свинством.

А баба Саша уже осмотрела внуков и подводит итоги.

- Потребуются бинты, мазь Вишневского, йод, зелёнка, пчелиный яд, медвежья желчь, экстракт чаги и гинкго билоба, гидролизат коллагена и... А дальше разберёмся. Аромат экстрима и авантюризма! И Конфуцию не всегда везло.

- Меня можешь не осматривать, - сказал дед Фёдор и вздохнул тяжело.

- Пустырник, валерьянка, - кивнула баба Саша. – Вместе будем хлебать. Кстати, Лариса, ты вчера принесла и бросила сборы. Сколько раз говорить? Мусор отсортировала и – на просушку. Вчера не сделала, сегодня где-то шляешься с утра!

- Шляюсь! Да я, может, вам всем жизнь спасла! – возмутилась Лариса, а затем указала на Матвея. – Матвея-то тоже лечить надо, между прочим.

Баба Саша оглянулась и обнаружила Матвея.

- Матвей, иди сюда. Тоже посмотрю. Пировать приходят чужие, горевать – свои. Японская мудрость. Переломы, ушибы, вывихи есть? Тошнота, головокружение, рвота?

- Только ссадины. Колено, локоть.

- Позднее что обнаружишь – обращайся. Дорого не возьму. Шутка. Кстати, Макарыч тебя кормит, хотя бы?

- Матвей – не наш Ромка. Он пищу сам добывает, - сообщила Лариса.

- Добывает? Откуда? – удивился дед Фёдор.

- Из холодильника, - рассмеялась Арина.

- Да ладно тебе! – Лариса пихнула Арину. – Он даже суп сам варит.

- Заготовок им отнеси, - обернулась баба Саша к деду Фёдору. – Сам никогда не догадаешься!

- Так мы идём или будем царапины пересчитывать? – спросила Арина. – Я, правда, не могу. Я ногу подвернула.

- Домой! Лечиться! – приказала баба Саша. – Кто идти самостоятельно не может? Арине помогите!

Потом, полечившись и искупавшись в речке, Матвей и Роман улеглись на берегу и стали ждать обеда и Макарыча.

Спустя полчаса Матвей проговорил:

- Все сроки вышли.

- Да, поесть бы. Эх! – Роман потрогал запавший, как ему казалось, живот.

- Сроки, которые я отпустил отцу, чтобы вернуться.

- Не хотел говорить, Матвей, - со значением покивав, проговорил Роман, - но я твоего отца уже давно похоронил.

- Давно – это...

- Минут сорок уж как, - произведя мысленные расчёты, изрёк Роман. – Матвей, сам посуди, даже нам всем досталось, кроме деда. Синяки, ссадины, ушибы... Я два раза окунулся – везде чешется. Хотя, между прочим, - Роман постучал средним пальцем себе по голове, - и дед пострадал. Взял пополам сломанный саженец и перебинтовал, палочку подсунув. А Макарыч в самом аду находился.

- Диаметр внизу был не особенно большой.

- И что?

- Не думаю, что смерч вокруг озера обежал. Пойдёшь со мной?

Роман решительно кивнул.

- У меня нет выбора, друг.

- Значит, через пять минут встречаемся.

Матвей уже был на ногах, когда Роман схватил его за руку.

- Подожди. Кто возьмёт топор?

- Зачем?

- Носилки сделать. Или волокушу.

- Ну, возьму, - нехотя произнёс Матвей. – Хотя это – словно накаркать.

- Не накаркать, а подготовиться. Я с медикаментами разберусь.

К решению вопроса о медикаментах Роман решил подключить Ларису. Лучше бы, к бабе Саше обратиться, но начнётся это вечное что да почему. А времени, чтобы придумать приемлемую версию почему-то не хватило.

Поэтому Роман забежал в столовую, где Лариса готовила солянку к обеду и отвар для ушибленной ноги Арины, и выпалил:

- Лариска, экзамен на профпригодность. Отпущенное время – две минуты. Подготовь медицинский комплект. Должность санинструктора гарантирую.

- Об экзаменах заранее предупреждают, братишка. Занята. – И Лариса движением надменно вскинутой головы указала на плиту, а затем на Арину, сидевшую тут же с трагическим выражением лица.

- Что с ней?

- Не исключён перелом. Рентгена нет, диагноз ставлю по косвенным.

- Плохо, если перелом, - согласился Роман. – Но мы идём спасать человека, который, возможно, с сумасшедшей высоты упал на скалы.

- Кто упал на скалы? – морщась от боли, поинтересовалась Арина.

- Макарыч.

- Где его нашли? Кто? Когда? – посыпались вопросы.

- Ещё не нашли. Щас отправляемся. Окажем помощь, ну, шины, жгуты, чтобы кровь остановить, и будем транспортировать.

Лариса усмехнулась.

- Гляжу, поставили диагноз, даже не взглянув на больного. Я так не умею. Сколько жгутов завернуть? Пластырь, бинты брать будете?

- Кончай издеваться! – вскричал Роман. – Там Матвей себе места не находит!

- Ладно, возьму что-нибудь. Ждите у моста. Может, вам Макарыча живого и невредимого представлю.

- Располагаешь какой-то информацией? – уцепился Роман.

- Информацией я располагаю всегда, - высокомерно ответила Лариса. – Может, маленький бизнес организую.

- Говори!

- Всею своё время, - отрезала Лариса.

Встретившись с Матвеем, Роман поведал:

- Не хочу тебя напрасно обнадёживать, но Лариска что-то знает.

- Обнадёживать? И что она знает?

- Говорит, Макарыч – живой и невредимый. Сейчас подойдёт.

- Отец подойдёт? Где он? – Матвей принялся оглядываться.

- Лариска подойдёт. Решила с нами идти.

Лариса пришла, повела и вывела прямо на Макарыча. Макарыч пытался убежать, но его догнали. Сначала Роман с Матвеем, но вскоре и

Лариса подросла. Ни Матвей, ни Роман, ни, тем более, Макарыч ещё и отдышаться не успели.

- Ну вот, - выдохнула Лариса, - что я и говорила.

- Ничего ты не говорила! – запротестовал Роман. – На озеро, мы думали, ведёшь.

- Что ему делать на озере, если ещё восстановительный период не закончился, вы подумали?

Матвею и Роману всё стало понятно. Как сами не догадались? И они оба принялись рассматривать Макарыча, который вид имел крайне смущённый и глядел всё время себе под ноги. А ногами неловко приминал траву у тропинки.

- Папа... - начал Матвей и остановился, потому как, произнося это слово, испытал некоторое чувство неловкости.

- Вы как себя чувствуете, Макарыч? – пришёл на помощь Матвею Роман.

- В каком... смысле? – сделал попытку уклониться от ответа Макарыч, продолжая смотреть себе под ноги.

- Ну-у-у... - протянул Роман.

Вмешалась Лариса, как всегда безапелляционная.

- Во всех.

- Да подожди ты! – одёрнул её Роман. – Вы от урагана не пострадали? Я тут набрал средств медицинских.

Лариса поправила:

- Я набрала.

- Или мы взяли, - не уступил Роман.

- От урагана, говорит! – фыркнула Лариса, отворачиваясь от Романа. – Еле догнали.

- Папа, ты домой не собираешься? – спросил Матвей.

- Да, я домой и собирался.

Теперь голос Макарыча звучал достаточно уверенно. Он даже плечами дёрнул, отвечая на вопрос Матвея, - мол, об чём речь, туда, домой, конечно, и направлялся.

- Вас там очень ждут, - сообщила Лариса и негромко хмыкнула.

- Да, я неверно оценил... А что, большой ущерб?

- По-моему, прошёл по касательной, - сказал Матвей.

- Да, по посадкам деда, которые вокруг дома. – Лариса навлекла на лицо соответствующую смыслу своего объявления улыбку.

Макарыча казнить не стали. Ни четвертованием, ни через повешение или расстрел. Только дед Фёдор отвернулся и сделал вид, что не заметил, когда тот проходил к своему дому. Просто, завидев переходивших по мосту через реку детей и Макарыча, схватил лопату и сделал вид, что окапывает куст крыжовника. Чуть все корни ему не обрубил.

В общем, фактически – никакого общественного порицания. Напротив, Макарыча ждал приятный, как принято говорить, сюрприз в виде двух пакетов с консервированными овощами, поставленными на крыльце его дома. Почему на крыльце? Но это уже вопрос к деду Фёдору, который, конечно же, мог занести пакеты в никогда не запирающийся дом, однако почему-то предпочёл оставить продукты питания снаружи.

Сюрприз ожидал и Матвея. Противоположного свойства. Кардинально противоположного. И когда Матвей осознал, что он сейчас видит то, что имеет место быть в реальности, его едва паралич не разбил. Спасло лишь то, что, как правило, инфаркты и инсульты обходят молодёжь своим вниманием. Замелькали, естественно, услужливые мыслишки о затейливом танце совпадений в материальном мире, о случайных явлениях в мире хаоса и прочем успокоительно-экзистенциальном и, возможно, не существующем.

«Хорошо, что отец не заметил», - мелькнула мысль, самая здравая из всех предыдущих.

- Ты не идёшь? – окликнул Матвея, замершего в позе истукана с острова Пасхи, Макарыч. Он уже стоял на крыльце. – Нам подарок тут.

- Мне к Ромке нужно! – крикнул Матвей и побежал к дому соседей по имени «Александрия».

Роман мыл руки, собираясь пообедать, и Матвей кое-как дождался, когда тот покинет ванную. А потом объявил:

- Дом сползает с фундамента!

- Какой дом? Как это?

Романа испугал вид крайне взволнованного друга.

- Наш дом! Скобы-то не забили обратно!

Роману хотелось поесть, он весь, от горящих голодным огнём глаз до кончиков пальцев только что вымытых рук, был настроен на предстоящий приём пищи.

- Да, не забили, - только и сказал он, пытаясь обойти Матвея.

Матвей, словно бы, перегородил собою весь коридор.

- Дом может завалиться в любую минуту!

- Что с ним?

- Говорю же, сместился влево! Сдвинуло его ураганом! Скобы-то!
Пойдём, покажу!

В коридор из столовой вышли Арина и Лариса.

- Почему может завалиться? Какие скобы? – спросила Арина.

- Которые на плот использовали? Как вас угораздило? – потребовала ответа Лариса.

- Это ты придумал скобы повывёргивать, а потом не поставил обратно!
– сказал Роман и протиснулся между Матвеем и стеной.

- Ты первым полез на сарай! – упрекнул Матвей.

- Но ты же пошёл со скобами к дому! Я и подумал...

Что он подумал, Роман не договорил, потому что его уже заглотнул проём двери столовой.

Арина и Лариса ощупали Матвея строгими взглядами. Потом Арина радостно улыбнулась, взмахнула рукой и произнесла:

- О, всё лето на сеновале! Иногда мы будем меняться. Только, чур, в вещах не рыться. Всё секретное я спрячу.

- Когда дом упадёт? – спросила Лариса.

- Надо обследовать. Хотел Ромку позвать, - удручённо произнёс Матвей.

- Алё! Когда обедать будем? – послышался глас голодного из столовой.
Лариса повернулась к Арине.

- Покажи этому. Помнишь сама-то, где там что? – Лариса кивнула в направлении столовой.

- Хм! – обиделась Арина.

- Идём! – приказала Матвею Лариса.

На крыльце Матвей остановил Ларису и проговорил:

- Понимаешь... В общем, отец, кажется, не заметил.

- Мы, как будто, прогуливаемся, - кивнула Лариса.

Матвей ещё продолжал осмотр, когда Лариса изрекла:

- Всё ясно. Следующего урагана не выдержит.

- А... до следующего, думаешь, простоит?

Лариса подошла вплотную и протянула руку таким образом, словно намерена была ухватить Матвея за пуговицу. Но футболка на Матвее пуговиц не имела.

- Мой совет. Бесплатный, - сказала Лариса и потыкала пальцем Матвею в грудь. – Доложи отцу. Сам не справишься. С ураганом тягаться...

- Подпорки, думаю... Укрепить...

- Он же увидит. А так...

- Да, у него лучше получится, - согласился Матвей.
- А если начнёт нотации читать, скажи, что тебе срочно к нам надо.
- Да нет, он...
- Да, я забыла. Вот и пойми тут, кто больше любит.
- Что? – переспросил Матвей.

- Одни могут детям мозги с утра до вечера лечить, другие... - Лариса многозначительно помолчала. – Кстати, на солянку приходи. Скажешь отцу, и сразу – к нам. Только без фокусов! – прикрикнула на прощание и ушла.

Есть солянку Матвей не пошёл. Но о ситуации со скобами и смещением дома Макарычу «доложил». Макарыч, выслушав, задумался, а потом отправился осматривать дом. Вернувшись, почти дословно повторил высказывание Ларисы.

- Второй такой встряски не выдержит, - сказал почти радостно и добавил: - Но я приму меры.

Поели наспех приготовленного (оба оказались голодны) салата из солёных огурцов, помидоров и перцев. С расспросами Матвей решил не лезть, но Макарыч, насытившись, сказал одну фразу, над которой следовало поразмышлять.

- Похоже, они, полигоны эти, существуют. На которых природа вырабатывает методы борьбы с агрессией человечества.

ТАНЕЦ ДОЖДЯ

Дождичек, вспрыснувший окрестности посёлка в день набега смерча, был последним. С того дня прошла неделя – это, если внимательно посчитать, целых семь дней, - но сверху не упало ни единой капли. Ни одного грамма аш-два-о из туч, которых или не было вообще, или они проскочили невидимками. Но во второе вряд ли кто-то поверит, потому что никому не известно ни одного случая, чтобы вдруг пролился дождь с неба, на котором ни облачка. Значит, и туч-невидимок не существует.

Ладно бы, просто дождя не было, это полбеды. Не для всех, конечно, - для кого-то беда и даже горе. Полбеды для Матвея, Романа, Арины и Ларисы, беда для бабы Саши и Макарыча и горе – для деда Фёдора.

Но, вдобавок к отсутствию осадков, стояла небывалая, невероятная, невообразимая жара, а это уже беда для всех. Первые несколько дней Матвей и Роман ещё пытались сопротивляться, и не просто сопротивляться, а и продолжать картографические работы. А однажды вышли из домов,

встретились у моста и одновременно и с одинаковой тоской посмотрели друг другу в глаза.

- Я думаю, - сказал Роман, - это последний такой день.

- Такая жара бесконечно долго держаться не может, - произнёс Матвей то, что ему угодливо подсказал закипающий под немилосердными лучами солнца мозг.

И они разошлись по домам, условившись встретиться на следующий день.

А жара стояла и стояла. И не просто стояла, а действовала. Действовала на всех. И на всех по-разному.

Арина резко увеличила поэтическую плодовитость. Обмотав голову смоченным водой из холодильника полотенцем, она сидела в столовой и строчила в тетрадки гениальные стихи, один за другим, по тетрадке в день. Гениальные – в момент написания. Утром, пока мозг не расплавился, перечитывала и с отвращением швыряла тетрадку в мусорное ведро. Приходила Лариса, выуживала её из мусора, пробовала читать, а потом бросала обратно в ведро.

Лариса, практичная, прочно стоящая на земле обеими ногами, независимо от покрытия, слегка свихнулась и теперь целыми днями пыталась отыскать чудодейственное средство от жары, перерывая архив бабы Саши. Если учесть, что читать Лариса не особенно любила, то можно с уверенностью утверждать: двадцать годовых норм она выполнила, и всего за несколько дней. И если бы ей пришло в голову этим гордиться, то она бы гордилась.

Баба Саша проклинала тот день... Ну, те два дня: первый – тот, когда насоветовала мужу, вдруг пристрастившемуся к алкоголю, заняться садоводством, и второй – тот, когда вообще связалась с ним, оказавшимся впоследствии не только латентным алкоголиком, но и запойным агрономом.

Так, проклиная, и помогала проклятому поливать проклятые насаждения, таскаясь по всему проклятому участку с раскалённым (проклятым) шлангом в руках.

Когда душевные силы совсем иссякали, но физических ещё немного оставалось, она восклицала:

- Будь проклят тот день, когда я села в твой «запорожец» канареечного цвета!

- Цвета манго, - возражал дед Фёдор заученно.

Но сегодня, не садясь, а падая на лавочку под засыхающей яблоней, она, вместо привычных проклятий в адрес «канареечного» авто из прошлого, обвинила во всём нынешнего Макарыча.

- Это Макарыч со своими экспериментами нарушил экологию! Да! – выдала она на предпоследнем издыхании. И добавила на последнем: – Под заумные разговорчики про боль, страдания, истерзанную шкуру матушки... А, даже говорить не хочу!

Дед Фёдор, подобного никак не ожидавший, прекратил разрыхлять землю вокруг смородинового куста и замер, пытаясь осмыслить услышанное.

- Чего встал? Решил отдохнуть – отползи в тень! – распорядилась баба Саша, всё ещё живая.

Окрик подействовал – мозг ненадолго включился, и мелькнула мысль. И чтобы она – на такой-то жаре! – не успела испариться, дед Фёдор немедленно приступил к осуществлению задуманного. То есть смахнул рукой огромные гроздья пота с лица, повернулся и пошёл, стремительно сливаясь с многослойным маревом знойного дня. Он просто исчез из поля зрения растерявшейся бабы Саши, перед глазами которой остались лишь радужные круги.

Макарыча в доме дед Фёдор не нашёл. Но надо искать – далеко он уйти не мог. И дед Фёдор двинулся вокруг дома. За домом, под навесом, обнаружился небольшой бассейн, наполненный водой, в котором, казалось, никого не было. Проходя между стеной дома и бассейном, дед Фёдор пошатнулся, потерял равновесие и плюхнулся в воду. Из бассейна вырвался столб брызг и выскочил Макарыч, на котором были очки и трубка для подводного плавания.

Придя в себя, он снял очки и вынул изо рта трубку.

- Извините, Фёдор Степанович, не следовало бы в одежде-то.

- Меня вдруг повело, повело в сторону... - принялся оправдываться дед Фёдор. – Я просто на ногах не устоял. Я поливаю и поливаю, поливаю и поливаю. С утра и до ночи. Из сил выбился. А сколько культур погибло! Про поля, которые ты обещал химсоставом с самолёта обработать, я вообще думать боюсь.

- Очень сочувствую, Фёдор Степанович. Я сам уже третий день ни читать, ни думать не могу. Прошу вас! В одежде можно под душ. Справа. – Макарыч принялся теснить деда Фёдора, понуждая того покинуть бассейн.

Деду Фёдору выбираться из бассейна не хочется.

- Что можешь предложить, Макарыч, помимо сочувствия?

- Никто не знает, как регулировать движение циклонов и облаков.

- А регулировать всё же возможно? – Дед Фёдор спешит уцепиться за слово. И за бортик – тоже.

Макарыч, продолжая подталкивать деда Фёдора в надежде, что тот всё же покинет водоём, вяло бормочет:

- Наверняка. Но никто не знает, как. Современная наука бессильна.

- То есть надо всего лишь узнать, каким образом это сделать? У кого узнать? Кое-кто, например, ураганы организует, знаете ли! – продолжая упираться, наседает дед Фёдор. – Те, которые ломают всё живое, а поднять самолёт не способны!

- Нет, это не мой масштаб, поверьте, - извиняющимся голосом произносит Макарыч и прекращает выталкивать деда Фёдора из бассейна. Затем на несколько секунд погружается в прохладную воду с головой. Вынырнув, добавляет: – Боюсь, ничем, к сожалению... Нарыть канав землеройкой и заливать нещадно, разве что.

- Река наполовину обмелела, и вода, как парное молоко. Здравствуйте, дед Фёдор.

Это произносит Матвей. Никто не видел, как он подошёл.

- Здравствуй, Матвей! Вот именно! – вскрикивает дед Фёдор. – Если уж река, родниками вскормленная, сдалась!

Дед Фёдор решает использовать паузу в разговоре с Макарычем и на пару секунд погружается в прохладную воду с головой.

- Это не считается научно установленным фактом, - говорит Макарыч.

- Что не является фактом? – спрашивает дед Фёдор, только что вынырнувший.

Макарыч вяло взмахивает рукой.

- Да Матвей, пока вас не было, предложил использовать танец дождя.

- Где взять этот танец?

- Надо танцевать и стучать в барабаны, - пояснил Матвей.

- А если на аккордеоне? Я на аккордеоне умею, - похвастался дед Фёдор.

Матвей пожал плечами.

- Аккордеоном танец, конечно, не испортишь, но всё же...

- У меня ещё бубен есть! – вспомнил дед Фёдор.

- Это уже лучше.

- И дождь окропит посевы, Матвей? Макарыч, а ты чего молчишь?

Макарыч скептически улыбается.

- Скорее уж, что-то вроде аэробики под барабаны выйдет.

- Буду танцевать и бить в бубен! – Дед Фёдор ещё раз погружается в воду с головой и неожиданно резво выбирается из бассейна.

- Если один, ничего не выйдет, - говорит Матвей.

- А ты со мной не потанцуешь, Матвей?

- Надо всех собирать, дед Фёдор, - объявляет Матвей.

Дед Фёдор кивает и бежит прочь, но затем останавливается и возвращается назад.

- А если все, Макарыч, а? Без исключения. И ты. Ты же мой должник!

- Не думаю, что получится. Научных подтверждений мне не встречалось.

Дед Фёдор оборачивается к Матвею.

- Но некоторые танцуют танец дождя?

- Да.

- А дождь?

Матвей в очередной раз пожал плечами.

- Были, говорят, случаи.

Полученного заряда надежды деду Фёдору хватило, чтобы едва ли не бегом добраться до своего дома и, обливаясь потом, взбежать на второй этаж, в комнату, где прямо на полу лежала разомлевшая от жары баба Саша.

- Где они? – прокричал дед Фёдор. – Где дети?

Баба Саша что-то ответила, но дед Фёдор ни слова из того, что она сказала, не разобрал.

- Шура, надо спасать урожай. Идём!

- Н мг сл нт, - слабым голосом ответила супруга.

Дед Фёдор, почесав в затылке, перевёл:

- Не можешь – сил нет? Но у нас, садоводов-огородников, есть такое слово – надо.

Баба Саша, отворачиваясь, пробурчала:

- Жрк тстн фдр!

Дед Фёдор вынужден был снова почесать в затылке.

- Жарко, отстань, Фёдор? Это ты верно насчёт жары бормотнула. У нас где бубен?

- Н нтрслх.

Дед Фёдор почти мгновенно, уже не беспокоя затылочную часть головы, перевёл:

- Ясно, на антресолях.

Он быстренько отыскал на антресолях бубен и принялся бить в него обеими руками. Баба Саша хотела выразить протест против его

неправильных действий, однако сил у неё не нашлось. Зато выползли откуда-то Арина и Лариса.

- Дед, почему ты не погиб в первую мировую? – проворчала Лариса, присаживаясь на кровать. – Ну что происходит?

- Не сумел вовремя родиться. Но сегодня мы будем танцевать танец дождя!

- Что-то такое я читала, – сказала Арина и прилегла на пол, рядом с бабой Сашей.

- А теперь сделаем! – провозгласил дед Фёдор и отстучал барабанную дробь. – Где Роман?

- Он самый хитрый. Он в погребе себе местечко оборудовал, - поведала Арина.

Лариса усмехнулась.

- Он, дед, из ваших банок таких пирамид нагородил, что если они рухнут...

- Пирамид? Зачем?

- Спальное место себе сделал. Хотя я первая придумала! – заявила Лариса. Никто не слышал, но, вероятно, произнося эти слова, она скрипнула зубами.

Последующее потребовало от деда Фёдора определённых усилий. А если учесть, в каких погодных условиях всё осуществлялось, то станет понятно, каковы были эти усилия. В общем, семь потов сбежало. Но это по самым скромным подсчётам.

Сначала дед Фёдор приводил в жизнеспособное состояние бабу Сашу, потом объяснял, разъяснял, призывал, убеждал, агитировал. Долго. Пока не нашёл союзника в лице Арины.

- А может, сделаем? – неожиданно вдохновилась она. – У меня уже строчки складываются. Били тамтамы в упругий зной... Да, как-то так. Вылезли тучи, и небо прогнулось под эти удары упругих шкур...

Лариса толкнула Арину ногой.

- Подожди ты! Ладно! Хоть попытаемся, - приняла она решение. – Помирать нам ещё рановато. Где-то я это слышала. Тоже ты, что ли, придумала?

Баба Саша горестно покивала.

- Пришла беда – полагайся на себя. Если бы мы... Если бы японцы с их характером...

- Да-да, девочки, надо подумать об инструментах, - заторопился дед Фёдор. – Бубен только один. И вытащите Романа! На крыльцо. Нет, к бассейну Макарыча! Бассейн и душ! Купальники, надеваем все купальники!

- Нет-нет, нас должно быть оттуда видно! – выкрикнула Арина, указывая вверх. – И слышно, и видно.

- Лучше, когда и видно, - подтвердила Лариса.

Спустя несколько минут дед Фёдор уже извлекал из погребка вяло сопротивляющегося Романа.

Роман бурчит:

- Это насилие. Насилие, опасное для жизни и здоровья.

Дед Фёдор в ответ лишь напевает:

- Сегодня не личное главное, а сводки рабочего дня.

Выбравшись из погреба и добравшись до прихожей, наткнулись на только что явившегося Матвея.

- Так, говоришь, были случаи? – обратился к Матвеем дед Фёдор, усаживая Романа на диван.

- Случаи были. Но, возможно, просто совпадение.

- Что ж, будем танцевать и надеяться на совпадение, - бодрим голосом произнёс дед Фёдор.

- Но если облака уже плывут к нам, то дождь так и так произойдёт, - сказал Матвей.

Дед Фёдор просиял.

- Они плывут в нашу сторону?

- Откуда же он может знать, если даже радио нет? – сказал Роман.

- А если мы будем танцевать под бубен, они поменяют направление?

- Те, кто верят в танец дождя, считают, что да, - подтвердил Матвей.

- Я буду верить в силу танца! – воскликнул дед Фёдор и принялся стучать в бубен и пританцовывать.

Матвей поразмыслил и сказал:

- Наверное, все должны верить.

- Что же остальным-то пообещать? Я ведь могу на трактор и в Воробьёвку... Ночь туда, день обратно. И гостинцев...

Сверху спускается баба Саша.

- Вера за конфетки, Фёдор, не покупается. Тем более – в чудеса. Тем более – в такую жару, когда и аппетита-то нет. А я и вообще сладкого не ем.

- Шура! – взмолился дед Фёдор. – Ты можешь! Ты умеешь! Если наука не доказала, это не значит, что танец – чудо, и без всякой примеси.

- Ладно. Готовь инструмент. Имеются пустые бочки...

- Они не пустые.

- Чего?

- Я освобожу! – мгновенно сориентировался дед Фёдор. – Просто я подумал...

- Не надо, я сама. Но кастрюли тоже возьмём, - сказала баба Саша и окинула взором Матвея и Романа. – А вы оба – наверх! Готовиться! Да, и скажите дизайнершам – бразильский карнавал, типа. Да, что-то подобное. Много-много цветных тряпочек, раскраска и разноцветные перья.

Надежда творит чудеса. Хотя и не все верили в успех, но боевой дух участников предстоящего «карнавала» заметно вырос. Он, без всяких сомнений, перевалил за осевую линию в плюс.

- Мы не умрём мучительной жизнью – мы лучше верной смертью оживём! – продекламировала Арина, раскрашивая Ларису.

Лариса нахмурилась.

- А давай, Аринка, ты пока не будешь сомнительными стишками нас обламывать, а?

- Это она из Высоцкого... - сказал Матвей. Они с Романом ждали своей очереди на боевую раскраску.

- Да, не надо аплодисментов, - вздохнула Арина.

- Стоп! – вскричал Роман. – Не сможем без полива! У вас какие краски?

- Пальчиковые, - ответила Арина.

- Да, придётся бегать под душ, - поддержал Романа Матвей. – Или кого-то со шлангом поставить, чтобы в постоянном режиме. Масляные бы – самое то.

- Строительные? – испугалась Арина.

Роман вскочил.

- Идём, Матвей. У деда полно остатков.

- Выбирайте, хотя бы, не самые-самые. Водоземлюсионку какую-нибудь, - посоветовала Лариса.

- Под покраску на улицу выходите! – уже с лестницы прокричал Роман.

Когда Макарыч увидел команду «танцоров дождя», он захотел утопиться, но вовремя обнаружил в разноцветно раскрашенной и пёстро разряженной толпе бабу Сашу, от обработки строительными красками уклонившейся. Аллергия, сказала, у неё, и украсила себя цветными лентами.

Макарыч тоже попытался отвертеться от полноценного вливания в коллектив, но дед Фёдор, который так и не простил ему загубленных жизнью плодовых деревьев и их деток – саженцев, лично выплескал на душегуба

остатки краски из нескольких баночек. А затем взял да и искупался ещё раз в бассейне Макарыча, оставив после себя разноцветные разводы на поверхности воды.

Макарыч, ещё не вжившийся в образ многоцветного человека, готов был вспылить и напомнить о наличии душа, а также обыкновенного шланга, ползущего от колонки, однако удержался и лишь невесело пошутил:

- Ну вот, опять воду нагрел до температуры тела сумасшедшего садовода.

- Внимание! Начинаем! – провозгласил дед Фёдор. – Шура, командуй!

- Ты же у нас музыкант.

- Я думаю, не стоило бы... - сказал Макарыч. – Ящик Пандоры...

- Ой да Пандора уже эта!.. - отмахнулся дед Фёдор. – И вообще, кто такая Пандора по сравнению с засухой планетарного масштаба?

Били в бубен, бочки, кастрюли и танцевали долго и воодушевлённо. А дед Фёдор даже загадал, что если он в течение получаса не будет смотреть на небо, то потом, глянув, наконец, вверх, увидит... Он увидит, как облака, маленькие и побольше, со всех сторон несутся в одну точку, где собираются в стремительно темнеющую тучу, эпицентр которой как раз над его садом.

Дед Фёдор даже голову опустил на аккордеон и прикрыл глаза, чтобы не начать радоваться раньше времени. Как горе в виде жары свалилось неожиданно, так и счастье в виде огромной дождевой тучи пускай обрушится, словно лавина, чёрная, с раскатами грома и огненными зигзагами молний.

Однако, к сожалению, перестав пританцовывать, приоткрыл глаза дед Фёдор раньше согласованного с фортуной срока. И яркий солнечный свет мстительно резанул по глазам его, вышибая слезу. Дед Фёдор вскинул голову к небу, но ничего не увидел, кроме множества радуг.

- Что там? – спросил он, хватая за руку танцующего около перевёрнутой бочки Романа.

- Где?

- Где собираются облака.

- Где они собираются? – Роман поднял голову и, поворачивая её в одну и другую сторону, осмотрел небо. – Они пока не собираются.

- Надо очень долго танцевать, - сказал Матвей.

Сам Матвей был уверен, что вызвать дождь возможно. Вот только технология ему не известна в достаточной мере. Так, где-то что-то слышал, что-то где-то читал. Нет бы, специально поинтересоваться. Однако Матвей не поинтересовался. Как будто трудно было сообразить, что длительная жара

в городе, где кондиционеры и вентиляторы, и здесь, где дни, один за другим, сгорают без остатка, - далеко не одно и то же.

Вот так вот, готовился целый год, готовился, а не готов оказался. Но разве трудно было предположить, что возможна засуха? А грянут дожди, длительные, обложные, – что делать? Что он будет делать, если засуха сменится – всё ведь рано или поздно заканчивается – не обычной летней погодкой, а беспросветным ненастьем на всё лето?

А ведь, возможно, существуют технологии укрощения дождя. Может быть, какой-нибудь житель экваториальной Африки знает, как остановить хоть ливень, хоть проливной дождь, а он, Матвей, не знает. Хотя, вполне можно допустить, какой-нибудь миссионер или учёный специально освоил язык этого африканца, чтобы обучиться у него взаимовыгодно и безопасно взаимодействовать с природой, и все свои изыскания отразил в научных трудах.

Однако Матвей не прочёл ни одной статьи этого учёного, даже в изложении. Как будто трудно было сообразить, что это в городских условиях дождливая погода не препятствует нормальной жизни, хотя и снижает уровень комфорта и ухудшает настроение. А здесь, лицом к лицу с природой, ошетилившейся дождём и ему подобной непогодой, человек практически беспомощен. Он долго не выдерживает. Он просто замуровывает себя в жилище, как в склепе.

- Макарыч! – раздался крик деда Фёдора. – Так же нельзя!

- Что стряслось? – спросила баба Саша.

- Танец – значит, танец, - обиженно проговорил дед Фёдор. – В танце главное – ноги. Они должны двигаться! А он просто помогает Матвею стучать в бочку!

- Но стучит же! – заступилась баба Саша.

- Танцевать! Танцевать! Всем танцевать! – взывает дед Фёдор. – Умрёт раффлезия, другие цветы, затем придёт черёд... Да мы с вами, может, будем следующими, а не деревья!

Но всё когда-нибудь заканчивается. Кончились и силы у танцоров. У некоторых (Роман и Арина) их не осталось даже на то, чтобы переминуться с ноги на ногу. А тут ещё и ногу у деда Фёдора свело.

- Носок кверху тяни! – кричит баба Саша. – Тяни носок на себя!

- Ы-ы-ы! – катается по полу дед Фёдор.

Лариса опускается на колени и хватается обеими руками за ступню деда Фёдора.

- Я помогу!

- Лариса, он сам должен!

- Я тяну-у-у! – стонет дед Фёдор.

Когда дед Фёдор окончательно пришёл в себя, на танцполе, кроме него самого, бабы Саши и Матвея, никого не было – все тихонечко расползлись по норкам различной степени прохладности.

- Не получилось, - виновато сказал Матвей.

Дед Фёдор осмотрел небо.

- Столько времени потеряли, сил... - вздохнул он. – Мне бы встать.

Баба Саша и Матвей помогли деду Фёдору подняться.

- Не было случая, чтобы голый что-то потерял, - сказала баба Саша. –

Если умрём, то с чувством исполненного долга.

Ночью гремело и сверкало, а мрак между вспышками молний был столь тяжёл, что прижимал к земле. Межгалактический мрак, как классифицировал его Матвей, стоящий на крыльце в ожидании обещанного грозой ливня.

- Матвей, зайди. Не надо, - попросил, выглянув, Макарыч.

- Не пойму, откуда ливень идёт, со всех сторон сверкает, - сказал Матвей.

Бешеные вспышки дьявольского света, следовавшие одна за другой, высвечивали крыльцо «Александрии» и деда Фёдора с оскалом улыбки и вытянутыми вперёд руками.

Но дождь прошёл, не намочив рук деда Фёдора. На ладони его упали лишь несколько капель, издевательски вспыхивавшие при каждом разряде молнии.

СМЕРТНЫЕ ОБЪЯТИЯ ОЗЕРА

Утром все представители младшего поколения собрались на крыльце «Александрии», так как почему-то хотелось держаться вместе.

- К северу земля пролита насквозь, - сообщил Роман. – Дед Фёдор вовремя назад сдал, а то посадил бы трактор по самые фонари.

- К югу и западу – то же самое, - сказал Матвей.

- Почему так решил?

- Река выходит из берегов.

Все устремили взгляды на пожелтевшую реку.

- Если ещё и восток залит... - проговорила Арина и замолчала.

- Ну! – поторопила Лариса.

- Что – ну? – рассердилась Арина. – Я не готова делать выводы! А для прозрений я слишком измотана вчерашними танцульками!

Роман стукнул кулаком по перилам.

- А я готов! И скажу. Зря танцы затеяли. Матвей, не надо было этого! Я говорил! А если не говорил, то хотел сказать.

- Ромка уже и виновного нашёл, - с сарказмом произнесла Лариса, а затем прорычала: – Да мы спасли, может, всю окружающую природу! Полыхало ночью на всю округу! И даже дальше!

Роман решил не сдаваться.

- Это всё само по себе! А то, что посёлок сухим из ночного ада выбрался, наша вина! Дед Фёдор заперся в комнате и даже бабу Сашу не пускает!

- Мы сами всё польём, - сказал Матвей. – Жара спала. Будем надеяться на лучшее.

Роман вздохнул и простонал:

- Ла-а-адно, уговорил.

Работа близилась к концу, когда пришёл дед Фёдор, помятый, невесёлый, без привычного огонька в глазах. Он осмотрелся и сказал:

- Спасибо, ребята. Дальше я сам.

Роман и Матвей вернулись на крыльцо.

- С отцом разговаривал? – спросил Роман.

- Нет, он рано утром ушёл куда-то.

- Показания приборов он ушёл снимать, - услышали ребята голос бабы Саши и обернулись. Баба Саша стояла, опершись локтями на подоконник отворённого окна, и смотрела сквозь Романа и Матвея. – Думаю, он во всём виноват.

- Папа, виноват? – удивился Матвей. – В чём он виноват?

- Я всегда говорю, что жизнь несправедлива. Но если по твоей вине, то злодей – именно ты. Не надо разбирать на кусочки то, что не ты создал.

- Что он разобрал на кусочки? – подключился к разговору Роман.

Баба Саша вздохнула.

- А может, и разорвал. В клочья. Я образно выражаюсь.

- Я понял. А конкретно, что он сделал не так? – прицепился Роман, хотя и понимал, что баба Саша настроена на «образность», а не на конструктив.

- Всё началось в позапрошлом году! – возвысив голос, объявила баба Саша и закрыла окно.

Роман обернулся к Матвею и сказал:

- Лишь бы войну не начала. Воевать с девчонками – гиблое дело.
Кстати, ты понял, да? Везде уши. Повсюду!

- Вниз по реке прогуляться не хочешь? – спросил Матвей.

- Если именно прогуляться, - подчеркнул последнее слово Роман. –
Боль в икрах безумная.

- Можешь даже рюкзак не брать.

Но рюкзак Роман с собой взял, побросав в него предварительно кое-что из еды и засунув две пластиковые полторашки с водой. Если столько дней хлебал жидкости вёдрами, то как же отправиться куда-то, не подготовившись к возможной смене погоды? Жара отодвинулась, но далеко ли?

Шли по едва приметной, ещё сырой после ночного ливня тропинке, то убегающей в лес или за кустики, то вдруг оказывающейся у самой воды. А пару раз и вообще нырнувшей в воды реки, вышедшей из берегов в результате ночной вакханалии.

Матвей не хотел себе признаться, что изначальная его решимость довести задуманное до конца поколеблена. Но признавайся он, не признавайся, - хоть себе самому приватно, хоть публично и без разбору, - встающие на пути его препятствия настроение портили.

Взять, например, такой аспект, как время, упущенное и упускаемое едва ли не ежедневно. Намечаешь то-то и то-то, однако вдруг оказывается, что затраты времени, планируемые и реальные, отличаются друг от друга многократно, как ящерица от аллигатора. А уж дней античеловечных бесчинств погодки и касаться не стоит.

Надеялся он и на плодотворное сотрудничество с отцом, но тот увяз в своих проблемах, и ему тоже не хватает времени. По существу же самого предприятия и не поговорили ни разу. Сначала Матвей не считал себя готовым к разговору, а потом пошли накладки и неурядицы, сделавшие этот разговор в некотором роде даже и бессмысленным. И остаётся надеяться, что мама не приедет по истечении трёх недель, как обещала. Или забудет, или что-нибудь помешает.

- Да, остаётся надеяться, - заключил Матвей.

- Что ты сказал? – обернулся, останавливаясь, Роман.

- Я сам с собой.

- А меня в детстве сёстры высмеяли. Я теперь даже в ванной вслух не разговариваю. Да у меня этих комплексов!.. – Роман скривился и обречённо махнул рукой. – Передохнём?

Матвей и Роман расположились на травке и стали смотреть на бегущую мимо реку, болтая ни о чём. Прилетел кулик и расположился неподалёку, на выступающем из воды камне.

- Значит, в реке имеется рыба, - сказал Матвей.

- Полно! – вскричал Роман. – Ты купался – ноги мальки не щекотали?

- Не обращал внимания.

- Рыбалка для некоторых, Матвей, очень привлекательна, между прочим. Учсть надо. И подготовиться. Но ни на деда, ни на Макарыча в этом деле рассчитывать не стоит. Не рыбаки. А я бы занялся, потенциал чувствую.

Вскоре продолжили путь. И чем дальше шли, тем короче и неторопливей становились шаги путешественников. Не потому только, что утомила дорога, - воспоминания о пережитом в связи с недавним попаданием в воронку будоражили воображение, охотно откликавшееся картинками яркими и живыми. И, приближаясь к утёсу, преодолевая последние десятки метров, передвигались уже не то на деревянных, не то на ватных ногах.

- А из этой ты бы вынырнул? – спросил Роман, постояв некоторое время на венчающем утёс валуне, напротив существенно увеличившегося в диаметре водоворота. Когда справился, наконец, с волнением.

- Можно попробовать, - ответил Матвей.

- Ну!

- Волосы мочить не хочется.

- Шутишь – уже хорошо. Но к озеру всё равно пройти придётся. Если не сегодня... - Роман пожал плечами, намекая на неизбежность подобного шага.

Матвей решился.

- Хорошо, рискнём. Но – сразу обратно. Несколько снимков, разворачиваемся и тем же путём...

- Канешна. Патамушта фсигда жы я тибя слушаю, - развёл руками Роман.

Матвей заполошно глянул на приятеля.

- Что?!

- Шучу, - рассмеялся Роман.

Матвей и Роман прошли ещё около пяти километров и достигли озера. И остались безмерно довольны рекой, оказавшейся на всём этом пятикилометровом отрезке рекой горной. Она резво скакала по камням, а в двух местах и вообще обрушивалась вниз с высоты полутора – двух метров.

- Организуем спуск на байдарках. Атракцион назовём «Ниагара»! – возвестил Роман.

- Оригинальнейшее название, - отметил Матвей, производя панорамное фотографирование озера.

Роман обиделся.

- Но это, что первым пришло в голову! Придумай другое! Кстати, ни реке, ни озеру всё ещё названий не дали. Прямо, как аборигены, река – река, озеро – озеро.

- Пора в обратный путь, - сказал Матвей.

Роман схватил его за руку.

- Куда ты гонишь? Видишь же – всё нормально. И вообще, давай, Матвей, напрямую. Ноги же не выдержат!

- Да я знаю, на самолёт взглянуть хочешь.

- А я не скрываю, - ответил Роман. – Он там, метров триста пройти.

Роман принялся снимать сапоги, а затем и брюки. Матвей взглянул на стремительные водяные валы, извивающиеся под ногами.

- С ног же собьёт, - высказал опасение.

- У страха глаза велики.

Выглядеть трусом не хотелось, и Матвей тоже начал раздеваться. Сняв с себя сапоги и брюки, он сложил их вместе, туго перетянул брючным ремнём, а затем конец ремня привязал к пряжке. Он набросит петлю на плечо, и руки его будут свободны. Свободные руки не помешают. И балансировать можно, и... Да, посох тут очень кстати. Матвей принялся осматриваться в поисках подходящей палки и увидел, что Роман уже, с рюкзаком за спиной, входит в воду.

- Ты бы не спешил! – сказал Матвей.

- Я тебя на том берегу подожду! – ответил Роман.

Хорошая, прочная палка отыскалась не сразу, и когда Матвей вновь оказался у брода, Романа он не обнаружил. Романа не было ни в реке, ни на том берегу. Утонул?! Матвей принялся обшаривать взглядом без особого труда просматриваемое дно. Ничего похожего на человеческое тело – только камни и одна коряга. Снесло? Матвей повернул голову влево и увидел голову Романа над поверхностью озера, метрах в десяти от того места, где воды реки окончательно становились озёрными водами.

- Давай на берег! – крикнул Матвей и вошёл в воду.

Уж его-то не снесёт, уж он-то промашки не даст, решил Матвей, и пошёл вперёд, тщательно готовя каждый свой шаг. Сначала убедиться в устойчивости позы, передвинуть палку и упереть её в дно, переставить одну

ногу, придвинуть к ней вторую... И не стоит смотреть на несущиеся мимо ног воды.

Ступив на противоположный берег реки, Матвей с изумлением обнаружил, что Роман находится в озере, на том же самом месте.

- Не накупался ещё? – крикнул Матвей, сбрасывая на траву узел с сапогами и брюками.

- Накупался я, - сказал Роман, и Матвей вздрогнул, потому как сказанное произнесено было загробным голосом. – Ты только в воду не заходи, Матвей.

Матвей подбежал к озеру.

- Что случилось?

Бледное лицо и полный ужаса взгляд Романа.

- Не входи в воду, Матвейка.

- Я и не собирался. Плыви сюда!

- Ты только в воду не входи, - повторяет Роман всё тем же загробным, по представлению Матвея, голосом.

- Да что ты заладил? Выбирайся!

- У меня ноги не двигаются, - говорит Роман.

- Ногу свело?

- Ноги. Обе ноги. Но не свело. Не могу шевельнуть. Только руки. В одной плоскости. Как по стеклу.

- Но тебе нужно плыть сюда! – растерянно произносит Матвей.

- Ты только в воду не входи, - в очередной раз повторяет Роман. – Когда руки устанут, я утону.

Матвей в замешательстве. Может, Роман шутит?

- Если это шутка, то самая глупая из всех, что когда-либо... - говорит Матвей, но, встретившись взглядом с Романом, замолкает. И тотчас вскрикивает: - Топор не взяли, идиоты!

Матвей и бросается бежать по берегу, высматривая что-либо подходящее в качестве средства вызволения Романа из озёрного плена. Но ничего такого, что было бы и длинным, и не очень тяжёлым не попадает. Берёзка бы очень подошла, молоденькая и кем-нибудь предварительно выдернутая из земли. Ведь был же ураган. И где же его последствия необходимого калибра?

Неожиданно Матвей вспомнил, как отец однажды, ещё до жары, уходил куда-то с мотком верёвки через плечо. И, кажется, он направился в тот раз к мосту через реку. Вполне вероятно. Ведь для осуществления взлёта

необходимо самолёт развернуть в обратную сторону, для чего и верёвка очень могла пригодиться.

Сбегать к самолёту! Если ноги послушаются, сбегать к самолёту! Матвей побежал. Ноги слушались, но воздуху не хватало. Даже не понятно, имеется ли он вообще. Бесплотный какой-то и совершенно не обеспечивающий кислородом перекачиваемую бешено бьющимся сердцем кровь. Матвей резко взмахнул рукой, но сопротивления воздуха не почувствовал. Его нет. Ладно, тут осталось-то...

Самолёт, как и предполагал Матвей, был развёрнут в сторону береговой полянки, которую возможно было использовать в качестве площадки подскока. И верёвка – на нижней левой плоскости. Даже искать не надо. Просто схватить верёвку и бежать обратно.

Но самое главное – нет того чувства, которое он испытал, впервые оказавшись на этом месте. Тогда, в день приезда. Чувства, которое не касалось его существа до того дня в течение целого ряда лет. Чувства, которого он не знал с тех самых пор, как его личная работа по созиданию новой психоэмоциональной системы стала давать стабильные результаты.

Теперь бы только успеть! Если бы ещё воздух имел плотность!

Роман держался на воде из последних сил, периодически заглатывая воду, а это катастрофически ослабляло.

- Держись! – крикнул Матвей, на бегу снимая с плеча верёвку.

Достигнув воды, Матвей зажал конец верёвки в левом кулаке, а правой рукой швырнул моток изо всей силы в направлении головы Романа. Получилось слабо и неточно. Матвей поспешно намотал верёвку на согнутую в локте левую руку и шагнул в воду.

- Не вх-х-х, - выдохнула задранная кверху голова Романа, и из неё выплеснулась вода.

- Я из речной воды! – крикнул Матвей и переместился влево.

Вторая попытка была очень удачной – хвост верёвки хлестнул воду в нескольких десятках сантиметров от Романа.

- Хватай её! – вскричал Матвей, и голова Романа дёрнулась вперёд. – Руками! Руками хватай!

Голова Романа мотнулась из стороны в сторону, разливая воду. Руками он не может, догадался Роман и, наматывая верёвку на локоть, осторожно двинулся вперёд, преодолевая метр за метром, пока вода не достигла талии. Дальше идти нельзя. Необходимо бросить верёвку максимально точно, таким образом, чтобы она упала непосредственно перед лицом Романа.

- Приготовься хватать зубами! – сказал Матвей. – Три, два, один!

И это почти получилось. Голова Романа подалась вперёд и кляцнула, так показалось Матвею, зубами совсем близко от спасительной верёвки, потом – ещё раз, и опять неудачно. Матвей уже собрался потянуть орудие спасения тонущего человека на себя, как Роман издал какой-то звук, судя по мелодике, протестующий. Матвей замер. В эту секунду голова Романа исчезла под водой, просто дёрнулась вперёд и ушла, лицом вниз, в глубины озера. Матвей, оглушённый, был не в силах пошевелиться. Время тоже остановилось. И лишь там, где только что была голова Романа, взрывались воздушные пузыри.

Если бы Роман не вынырнул, Матвей бы поседел. Он превратился бы в седого двенадцатилетнего мальчика с навечно застывшей в глазах печалью.

Но Роман вырвался из, казалось бы, стопроцентного небытия. Не весь, правда, - над поверхностью воды появилась его голова с зажатой в зубах верёвкой. Матвей восторженно и схватился за выпавшую из его рук и начавшую тонуть верёвку.

Когда осторожными движениями рук подтягиваемый к берегу утопающий был уже в двух метрах от Матвея, верёвка выскочила изо рта Романа.

- Всё! – выдохнул Роман и принялся судорожно заглатывать ртом воздух.

Матвей бросился вперёд, схватил Романа за волосы и потащил к берегу.

-А-а-а! – завопил Роман. – Я сам! Я же стою на дне!

Домой возвращались, пробираясь сначала вдоль реки, правым берегом, а потом шли по тропинке, соединяющей посёлок и озеро. Сегодня Роман не пытался рваться напрямую и сокращать путь, как в тот раз, когда они заблудились по пути на озеро. Да и куда ему рваться, если и ноги-то передвигал кое-как. Просто брёл, боясь споткнуться, ибо понимал, что подняться будет нелегко.

Дойдя до моста, присели на берегу.

- Опять ты спас меня, Матвей, - сказал Роман и полез в рюкзак. – Бутерброд тебе дать?

- За то, что спас?

- Нет, я брал с собой. Вспомнил. Перекусим?

- Если без озёрной воды, - принял предложение Матвей.

Мокрые куски колбасы очистили от раскисшего хлеба и проглотили. Варёные яйца очистили от скорлупы и тоже проглотили. Получается, иногда

можно и не жевать, если куски колбасы не слишком толстые, а яйца не от самых крупных несусшек.

- Нельзя сюда туристов возить! – вдруг заявил Матвей с отчаянием в голосе.

- Туристы разные бывают. Экстремалы, например, - возразил Роман, не очень, впрочем, решительно.

- Им понравится, думаешь, искупаться в озере, как ты?

Романа передёрнуло.

- Нет-нет! Вряд ли!

- Утонет какой-нибудь, и маму привлекут, - сказал Матвей. – Не могу я рисковать.

- Согласен, - покивал Роман. – Да, если бы верёвка не упала на мои руки под водой... Сил-то уже не было. А тут взялись откуда-то. Матвей, я вдруг понял, что хочу ещё жить! Нельзя мириться со смертью ни на секунду!

Роман заметно воодушевился, ощутив вдруг себя победителем, и глаза его загорелись. Матвей посмотрел на него и сказал:

- Ты здорово держался.

- Озеро – это страшно. Но нельзя всё в кучу... Вот, например, временно вернуться в детство – замечательно, по-моему. Вернуться, почувствовать себя совершенно нормальными, вспомнить, что хотели кем-то стать, а не работать потом всю жизнь менеджерами. Мне кажется, Матвей, любому старичку понравится. Жаль, оно в этом плане перестало действовать.

- Может быть. Но не уверен. Идём! – Матвей поднялся на ноги.

- Подожди! – Роману не хотелось двигаться и тратить силы, которых у него пока было недостаточно. – Иметь штат инструкторов, проводников, спасателей. Я, ты, ещё кого-нибудь постарше – на крайний случай, в качестве грубой силы...

- Обдумаем.

Матвей направился к мосту. Роман, побряхывая, поднялся и поспешил вслед за Матвеем.

- Матвейка, готовим маршрут, прорабатываем, делаем предложение! Слышишь? Только так! С партнёрами по бизнесу только так! И чтобы сами – как спецназовцы! Да, тренироваться надо.

ПОСЛЕДСТВИЯ НЕОСТОРОЖНЫХ ДВИЖЕНИЙ ЯЗЫКА

О том, что купаться в озере нельзя, Роман и Матвей, посоветовавшись, решили довести до сведения общественности. Не вдаваясь в подробности,

без деталей. Да вообще не рассказывать про случай с головой Романа над поверхностью гиблой субстанции, каковой оказались воды озера. Просто вошли, мол, в воду, и почувствовали неладное. И теперь считают своим долгом предостеречь.

Так и сделал Роман. За ужином, не вдаваясь, без деталей... Но баба Саша ненавязчиво потребовала некоторых подробностей, исключительно незначительных, и спустя несколько минут все присутствовавшие за столом имели достаточно полное представление о случившемся на озере.

Потом баба Саша посмотрела на деда Фёдора и приказала:

- Запрягай!

Дед Фёдор, только что плотно поужинавший, недовольно засопел:

- Знаешь, Шура, я бы на твоём месте...

- На моё место метишь? – перебила баба Саша. – Гони в Воробьёвку сейчас же! Сразу договаривайся на конкретную ближайшую дату. И пускай их забирают!

- Баба Саша! – взмолился Роман. – Это нечестно!

- Кого это «их»? – мрачно поинтересовалась Лариса.

- Назвать фамилии? – с вызовом произнесла баба Саша.

- Мы-то с Ариной причём? – Лариса пихнула Арину в бок. –

Ариночка, ты бы открыла уже рот! Ты бы высказалась уже однозначно, сестра старшая!

- Вы произвол творите, судьи. Без совести, без чести, без стыда! – возвестила Арина.

- Это у меня нет совести? – заводится баба Саша. – Я, которая круглосуточно за вас переживает, без стыда? Говорят японцы: благодарность помни так же долго, как обиду! Но это японцы! – Баба Саша оборачивается к деду Фёдору. – Кстати, у Макарыча машина в Воробьёвке. Довезёшь, а дальше пускай он сам... И не ждать. Его заставить!

- Макарыч?! – побледнел дед Фёдор. – А поля так и останутся необработанными? Все сроки же вышли! Погибнет же урожай!

- Урожай тебе дороже внуков? – вытаращила глаза баба Саша.

- Запру их в амбаре. Один день всего. Завтра он не отвертится!

Дед Фёдор вскочил и покинул столовую.

- Убежал – даже «спасибо» не сказал. Вот вы все в кого!

А вскоре Матвей стал свидетелем трудного разговора отца с возмущённым до крайней степени дедом Фёдором. Макарыч обещал постараться и сделать всё возможное. Он говорил, что всю ночь будет думать и найдёт выход из положения.

Уходя, дед Фёдор заметил сидевшего у окна Матвея и резко остановился.

- Матвей, а тебе спасибо! – произнёс он с чувством. – Ты спас шалопаю. Молодец! Не каждый способен. Спасибо!

Пришёл Роман, с кислой физиономией и необычайно неразговорчивый. Сказал только:

- Растрепал я всё. Домой нас отправляют.

Сидели, думали, печалились.

- Если папа до сих пор не забрал самолёт, - проговорил Матвей, - значит, есть серьёзные причины.

- Какие? Ну, кроме известных.

- Что-то с атмосферой. Может, воздушные потоки как-то не так перемещаются, – сообщил Матвей и замолчал.

- Как не так? Ты разговаривал с ним? – начал заводиться Роман.

- Говорит, что разберётся, и уходит от разговора. И деду Фёдору то же самое ответил. Будет думать, сказал.

- А мы? – спросил Роман.

- Что – мы?

- Мы-то с тобой что будем делать? Может, тоже думать, размышлять?

А на гуще не погадаем? Ларка покажет, как это делается. Мозги вывихнуть не боишься?

- Да что ты завёлся? – начал раздражаться Матвей.

- Ничего! – выкрикнул Роман и вскочил на ноги. – Я уеду, когда сам решу! Или на катафалке!

Роман бросился к выходу.

- Подожди! – крикнул Матвей.

Роман убежал. Матвей сходил к соседям, но Романа не нашёл. Куда он убежал? Матвей постоял на соседском крыльце, потом присел на лавочку, надеясь всё же встретиться в ближайшее время с Романом. Потому что как ни крути, а всё-таки они вдвоём с Романом если и не против всех, то, во всяком случае, уж так получается, отдельно от остальных. У них есть чёткая и понятная цель, сформулированы задачи и даже имеются определённые успехи. И не случись всех этих неприятностей невнятного свойства и мутного происхождения, было бы уже чем и похвастаться.

Вышли Арина и Лариса и уселись рядом с Матвеем.

- Матвей, чемоданы собрал? – спросила Арина.

- Отправят нас, не его. У Матвея нет начальников. Да, Матвей? – Лариса обернулась к Матвею. – Макарыч на тебя ещё не покрикивает?

- Нет, - ответил Матвей и подумал, что в этом, в «покрикиваниях», нет ничего такого уж особенно и плохого.

Лариса рассмеялась.

- Он не совсем ещё знает, что ты уже здесь. Поэтому.

- Не замечая детей, взрослые, смею предположить, обедняют свою жизнь! – не без пафоса проговорила Арина. И заключила: - Но тут уже ничего не поделаешь.

- Ну, нас заметили, - с сарказмом произнесла Лариса. – Это ты, Матвей, братца на озеро потащил?

- Нет, я не на озеро... Впрочем... - Матвей попытался сформулировать ответ на заданный вопрос, но потом решил, что вообще не стоит ему сейчас пускаться в рассуждения о степени чьей-либо виновности.

Арина посмотрела на Матвея и, убедившись, что он замолчал всерьёз и надолго, изрекла:

- Ты, Матвей, будешь таким же подлецом, как и твой отец.

- Почему это он будет подлецом? – возмутилась Лариса.

- Мой папа не подлец! – сказал Матвей и поднялся с лавочки.

- Деду обработку полей Макарыч гарантировал? Да. Ты на самолёте меня прокатить обещал? Обещал. Таким же вырастешь!

- Нужно время, - проговорил Матвей виновато.

Арина развела руками.

- А нет времени. Меня домой вышлют, а у деда урожай накроется.

- Но... есть надежда.

- А маме твоей он вечную любовь не гарантировал? – спросила Арина.

И проворчала: - Надежда, видите ли...

Матвей постоял несколько секунд, не придумал, что сказать, и ушёл.

Когда не знаешь, что сказать, - это одно. Иногда вообще лучше язык проглотить, чем сказать что-то такое, о чём потом сильно пожалеешь. Но вот когда не знаешь, что делать, как поступить, а ситуация требует сделать выбор и совершить поступок, - это уже совершенный аут.

А Роман сидел на крыше, на приступке трубы, к трубе этой спиной прислонившись, и размышлял о жизни (в глобальном масштабе) и о своём месте в ней. И в контексте данного вопроса ему интересно было понять, почему и на каком основании он, Роман, всегда виноват. Или в полной мере, или немножко, но – всегда. Это как снаряд – в одну и ту же воронку многократно, раз за разом, вопреки всем законам природы.

Арина виновата редко, Лариса – периодически, к тому же попробуй ещё и докажи. Матвей виноват частенько, но лишь в сравнении с Ариной и

Ларисой. Причём не в глазах взрослых, как правило. Дед Фёдор... Ну, тут всё понятно: жена, дети, внуки – судьба.

И все обвиняют его, Романа, в эгоизме. Каким это образом он выходит большим эгоистом, чем, скажем, Лариска? Ладно, не Лариска, а Арина, будем говорить, которая всё время на парнасах и пегасах и в окружении муз, а не со всеми наравне посреди бытовых забот и жизненных невзгод?

Эгоизм, эгоизм... Роман зацепился за это слово. А если не эгоист, а наоборот? То есть – всё для других, но не круглосуточно? Зато – как из пушки, громко и результативно.

Роман понял, что он на правильном пути, и настроение заметно поднялось. Уж громко и результативно – это как раз про него.

Роман потихоньку спустился с крыши, обошёл дом и осторожно выглянул. Арина и Лариса находились на крыльце, сидели на лавочке и о чём-то переговаривались.

- Матвей приходил? – спросил Роман, поднимаясь на крыльцо.

- Тебя искал, - ответила Лариса.

Арина лучезарно улыбнулась.

- Но мы его прогнали.

- Незаслуженно оскорбив, - добавила Лариса.

Роман изумлённо вытаращил глаза.

- Оскорбив? Да ни в жизнь не поверю, сестрёнки мои гуттаперчевые!

- Она думает, - Лариса ткнула пальцем в сторону Арины, - что если прокатится на самолёте, так сразу и заэкзюперирует, как сумасшедшая. Про планету и принцев.

Роман думал недолго.

- Кто-нибудь может рации у Макарыча попросить?

- Что ты задумал? – нахмурилась Лариса. – Вообще-то, мы ещё не потеряли надежду.

- Выгонят меня одного, на Большую Землю сошлют, остальных – по желанию, - стремясь выглядеть убедительным, заявил Роман.

ВИД НА ПЛАНЕТУ ИЗ ОБЛАКОВ

Матвей не спал, ворочаясь с боку на бок, всю ночь, но под утро провалился в сон глубоко и основательно. Он не слышал и не видел, как в комнату вошла, словно привидение, Лариса, осмотрелась, положила около кровати, на пол, рацию и бесшумно удалилась.

А спустя непродолжительное время рация затрещала, а затем заговорила голосом Романа:

- Земля! Земля, я Странник! Земля, ответьте Страннику! Как меня слышно? Приём!

Матвей открыл глаза и попытался определить, проснулся ли он уже, или же ещё не совсем. И установил, что уже утро или день, а голос Романа – реальность, искажённая радиоволнами и устройством, называемым рацией.

- Земля! На связи Странник! Ответьте Страннику! Приём!

Матвей взял в руки рацию.

- Роман, ты где?

- Земля, я Странник! Мои координаты... Координаты: озеро, борт летательного аппарата...

- Что?! – закричал Матвей. – Что ты задумал?

- Земля! Подготовка к перелёту по маршруту «Озеро Романа Странника – поселение Отшельников» завершена. Слушай, Матвейка, а где высотометр находится? Что-то не вижу его.

- Справа вверху он находится! – крикнул Матвей. – Не дури, Ромка! Ты понял?

Матвей принялся одеваться.

- Слушай, а ничего, если не совсем против ветра? – послышалось из рации.

- Жди! Я уже иду! – закричал Матвей.

- Не надо. Винт уже на компрессии, - ответил Роман.

- Ты с кем?

- Увидишь. Оставайся на месте. Подскажешь, если что.

Матвей опустил ноги – ноги совсем не держали – на кровать.

- Колодки стоят? – спросил упавшим голосом.

- Обижаешь, Земля.

- А стопоры убрал?

- Какие стопоры?

- Какие! Красные! – вскричал Матвей.

Роман, он сидел в кабине лётчика, с наушниками на голове, сдвинутыми в сторону, подался влево и крикнул:

- Аринка, стопоры убери!

- Что убрать? – спросила Арина, стоящая перед винтом.

- Ладно, я сам, - сказал Роман, снимая наушники. – Садись в кабину.

Хотя нет, рано ещё.

Арина, дёрнувшаяся при слове «садись», замерла в тревожном ожидании. Больше всего она боялась, что Роман вдруг передумает пускать её во вторую кабину. Он полетит, а она будет бежать домой по лесу, размазывая по лицу и слёзы, и сопли, которые всегда появляются, если ревёшь по-настоящему и в захлёт.

И когда Роман снова полез в кабину, Арина спросила:

- Можно уже?

- Подожди. Вдруг не запустится с первого раза.

Матвей тем временем пытался спрогнозировать, какие ошибки может совершить Роман при осуществлении взлёта. Да какие угодно! Наверняка может, например, не тот угол опережения зажигания поставить на каком-либо из этапов. Да он вообще способен позабыть закрыть заливной краник или не проследить за давлением масла и его температурой, не проверить работу мотора на малом газу и на средних оборотах и его приёмистость. А уж проверить зажигание путём поочерёдного выключения магнето ему и в голову не придёт.

Ну ладно, он постарается осуществить максимальное количество напоминаний Роману. А что делать, когда он будет взлетать? Если, к примеру, не тот угол атаки... Да, от этих «если» можно упасть в обморок.

Когда же Матвей в полной мере осознал, что самолёт уже в воздухе, что он летит, и если и не без тряски, то, судя по всему, достаточно беспроблемно, ему стало полегче. Даже, в общем-то, радостно.

Правда, когда уже привычный радиоголос Романа сменился голосом Арины, стало немножко не по себе.

- Матвей! Матвей, спасибо! – кричала Арина.

Матвей, который уже несколько минут мерил шагами крыльцо, замер.

- За что?

- Что не схлызнул! А я для тебя аэросъёмку сделаю!

Подошла Лариса.

- Не хотела из дома выходить, пока не приземлятся, - произнесла севшим голосом. – Или пока не услышу...

- Прекрати! – не дал договорить Матвей. – Они сядут. Но... Но почему их нет? Тут лететь-то!..

Матвей дёрнулся, перебрасывая рацию из одной руки в другую, и выронил её. Рация ударилась о перила и улетела за пределы крыльца.

- Они не сделают кружок, полагаешь? – развела руками Лариса, а затем приказала: – Скажи им, что бензин кончается.

Матвей сбежал с крыльца, отыскал рацию и поспешил связаться с бортом, следующим по маршруту «Озеро Романа Странника – поселение Отшельников». Однако связи не было. Рация сломалась при падении? А на вид – вполне исправна, никаких повреждений.

- Мы пропали! – всполошился Матвей.

- Мы-то нет, а вот... - мрачно проговорила Лариса и умолкла, не пожелав заканчивать фразу. – Но будем надеяться.

- Зачем они пошли на это?! – вскричал Матвей, волнуясь всё больше. – И ты тоже знала! Ты знала, Лариса!

- Да, я знала! – крикнула Лариса. И продолжила: - Я только не знала, что ты сломаешь рацию и оставишь их без связи с наземными службами!

- Наземные службы! – выпучил глаза Матвей.

- Да, ты – диспетчер на земле! На тебя вся надежда! Они ушли, а я принесла тебе рацию! А надо было Макарыча искать!

На крыльцо «Александрии» вышла баба Саша.

- Что у вас за крики? Что стряслось?

- Если сказать, что мы не в курсе, а орём просто так, то нас не убьют, - мрачно проговорила Лариса.

- Что у вас там? – снова крикнула баба Саша.

- Всё нормально! – сказала Лариса. – Роман с Ариной летают на самолёте, а мы тут... - Лариса помолчала, а потом, уже не в полный голос, добавила: - А мы рации ломаем!

Баба Саша толком ничего не расслышала, но примчалась незамедлительно.

- Какой ещё самолёт? Что вы тут про самолёт?..

Спустя несколько секунд количество мгновенно размножившихся децибелов возросло значительно. Крики и причитания бабы Саши наполнили всё обозримое пространство под завязку.

Но Роман «Землю» не слышал, как не слышала его и «Земля». И напрасно он кричал, прижимая к губам рацию:

- Земля! Земля, я Странник! Земля, ответьте Страннику! Прошу подтвердить готовность полосы. Как меня слышите? Приём.

Матвей не отвечал. Нечитаемые шорохи, спорадический треск – и ни одного внятного звука. Роман раз за разом повторял своё обращение к «Земле», однако результат вновь и вновь оказывался прежним.

Роман взял рупор и крикнул:

- Аринка, Матвей не отвечает!

- Может, у них что-то случилось? – отозвалась Арина.

- Предлагаешь идти на посадку?
- Да. А то мало ли...
- А в какую сторону нам? – спросил Роман.
- В обратную! – ответила Арина.
- Но мы летели почти по кругу, а потом ушли направо.
- Нет, налево ушли. Чтобы не лететь над посёлком. Забыл, что ли?

Проклятье! Так и заблудиться можно. А потом бензин закончится. Он, без сомнения, самолёт где угодно посадит, на любую полянку с ограниченным количеством пеньков и кочек. Ноу проблем. Но сколько кэмэ потом топать придётся? Много. Особенно если не знаешь, в какую сторону идти. Вот придурок-то! Ну, не совсем, конечно. Лётчиком, худо-бедно, стал! Впрочем, с самим собой и без свидетелей допустимо быть честным и откровенным. Да, сразу после подскока надо было лететь строго на запад и только на запад. Сейчас бы развернулся на сто восемьдесят – и всего-то делов.

- Ты озеро или реку не видишь? – обратился Роман к Арине.
- Да уже шею свернула!
- Ладно, поднимусь повыше! – принял решение Роман.

Но подняться достаточно высоко не получилось – помешала низкая облачность.

- Просто лети в обратную сторону, а в облака не надо! – высказалась Арина.

- Да, как говорится, облака везде одинаковые, в них и заблудиться не трудно, - согласился Роман и пошёл на снижение.

Если после взлёта они ушли налево, как утверждает Арина, - значит, сейчас необходимо двигаться преимущественно на север. Привлекательней звучало бы «исключительно на север», однако Роман помнил, что во время полёта он отклонялся то в одну сторону, то в другую, ибо так интересней, да и проверить рули управления и прочие элероны тоже надо было.

Но теперь никаких проверок рулей направления – только прямо и прямо.

Матвей, Лариса, баба Саша и присоединившийся к ним дед Фёдор стояли на пригорке и напряжёнными взглядами сканировали воздушное пространство. А ещё, с не меньшим усердием, пытались вслушиваться в окружающие звуки, чтобы вовремя вычленить из них рокот мотора.

Напряжение было столь велико, что появившийся из-за горизонта самолёт увидели и услышали гораздо позднее, чем когда уже такая возможность появилась.

- Я же говорила, - произнесла Лариса с вызывающей будничностью в голосе.

- Говорила она! – вскричала баба Саша.

Дед Фёдор засопел, смахнул неожиданно объявившуюся слезу невиданных размеров и принялся снимать с себя ремень.

- Подожди! – ударила его по руке баба Саша. – Ещё не сели. Спугнёшь удачу.

А Матвей уже нёсся к дороге на Воробьёвку, рассудив, что именно на неё и будет Роман сажать самолёт. Лариса и баба Саша поспешили следом. И дед Фёдор побежал. Побежал и остановился, так как быстро передвигаться, придерживая руками сползающие брюки, очень неудобно. Придётся ненадолго надеть ремень и использовать его пока не в качестве средства воспитания подрастающего поколения, а в сугубо утилитарном смысле.

Однако в воспитательных целях использован ремень не был. Виновников недавнего всеобщего беспокойства просто вытащили из кабин и принялись обнимать и тискать. И даже пробовали качать, что ввиду малочисленности встречающих не особенно получилось.

Прибежал откуда-то и обескураженный Макарыч. И тоже пытался разделить всеобщую радость. Но это в первую минуту. Потом же заспешил к самолёту, чтобы понять, убрано ли было при посадке опережение зажигания и закрыт ли высотный кран. И перекрыт ли был бензиновый краник перед остановкой мотора, а масляный кран – после.

А дед Фёдор уже стоял над душой у него, что в объективной реальности выражалось в том, что дед Фёдор ежесекундно находился за спиной крутившегося у самолёта Макарыча, на расстоянии каких-то сантиметров.

Арина, между тем, делилась ощущениями от полёта, умышленно приглушая рвущиеся наружу эмоции.

- Состояние полёта – это, естественно, состояние полёта, но и оно утомляет, - Арина бросила взгляд на Матвея, и лицо её приняло скучающее выражение. – Ни одной стоящей строчки! Просто немыслимо! Ожидала, должна признаться, большего. А когда обратную дорогу искали, то и вообще пришлось больше просто головой вертеть, а не планетой любоваться.

ГРУППА «ДИКАРЕЙ» ГОТОВА НАГРЯНУТЬ

Изготовление географической карты местности шло достаточно быстрыми темпами. И это, можно сказать, – без фото- и видеосъёмки.

Потому как и фото, и видео получались исключительно фрагментарными. На некоторых фото мог быть какой-нибудь кусочек леса, дороги или поля, причём – где-нибудь у обреза фотографии или просто ближе к одному из углов. А остальное поле – не просматриваемая серая мрачность или мрачная серость.

Чем это объяснить? Матвей, трижды поднимавшийся в воздух с Макарычем, перепробовал все имевшиеся в наличии фотоаппараты и видеокамеры, но результат выходил стабильно негативным. То есть этакий негатив с минимальными вкраплениями изображения получался.

Так что карту Матвей, следует признать, изготовил дедовским способом, а именно – нарисовал. Замеры некоторых расстояний, конечно, достаточно приблизительны, но приблизительны не катастрофично.

А на то, чтобы побродить с теодолитом, и время требовалось, и помощник всякий раз необходим был. И ключевая тут проблема – именно практическая невозможность уговорить Романа «потаскать линейку». Некогда ему, видите ли, постоянно. Он, понимаете ли, едва ли не круглосуточно самосовершенствованием занимается, чтобы стать проводником разряда «супер», способным провести группу туристов сколь угодно трудным и опасным маршрутом и вывести без человеческих потерь и в оптимальные сроки.

А потом Роман просто напал на Матвея, требуя уже не ускорить процесс подготовки к туристическому сезону, а просто взять и открыть его немедленно. Вот и сегодня он ворвался в комнату Матвея.

- Начинаем! Ну, давай начинать, пока лето не кончилось! – беснуется он и хватается Матвея за руки.

- Но не только же от нас это зависит! – вырывается Матвей. – И мама же не приехала!

- Ну так пошли звонить тётке Маше! Идём! Не приехала – и что? А группы, может, у неё уже готовы.

- Если она вообще об этом помнит, - морщится досадливо Матвей.

- А потому что не напоминаешь! – укоряет Роман. – Ещё же когда три недели истекло, предлагал смотаться в деревню. Родители о детях вспоминают только тогда, когда им выгодно. Идём звонить и требовать! Лучше бы, конечно, по воздуху.

- По воздуху... Забудь. На тракторе? Так после дождей же.

- Идём. Пешочком! Четыре часа – и на месте.

- Ладно, завтра, - вынужден был уступить Матвей.

- Сегодня. Мы успеваем.

- А ночевать? – спросил Матвей. – К кому-то проситься?

- Да ты что? – вскричал Роман. – Это же такая возможность! Ночной многокилометровый переход!

И они отправились звонить и требовать. Но «требовать» не пришлось. Мама Матвея и приветственные слова сына толком не дослушала.

- Матвей, это ты? Я правильно поняла? Ты же у отца там? Верно? И что ты мне обещал? Ты же людей обещал принять. Почему не звонишь?

- Ну вот... звоню, - слегка растерялся Матвей. – Мы тут специально с Романом...

- Вот-вот, я помню этого мальчика. Такой же, как ты, только шустрый. Послезавтра выезжаем. Нет, на следующий день. Да, седьмого после обеда будем. Их двое. Надо, чтобы нас в Вороновке встретили.

- В Воробьёвке.

- Я знаю. У меня записано.

Роман, стоявший рядом и слышавший весь разговор, был в восторге. Каких-то трое суток всего, три дня несчастных, не считая ночей, и пережить-то, и группа (а двое – тоже группа) будет здесь! Детство реально закончилось!

- Группа! Группа туристов! «Дикарей»! Персонально для нас! – ликовав Роман, и его настроение передавалось и Матвею.

Обратно не шли, а бежали, можно сказать. Летели, как говорится, на крыльях счастья. Точнее, Роман летел, а Матвей старался не отстать, на ходу пытаясь проанализировать степень готовности принимающей стороны не упасть лицом в грязь.

И упал. Они оба с Романом не заметили, что уже порядком стемнело, и даже фонарики не удосужились из рюкзаков вынуть. Когда Матвей выбрался из заросшей травой полу-лужи и привёл себя в порядок, очень относительный, дальше двинулись с гораздо большей осторожностью – не хватало ещё ноги себе переломать накануне грядущих грандиозных событий.

А потом Роман воскликнул:

- Стой! Мы же зрение не натренировали!

Роман остановился и, запрокинув голову, уставился в небо, где уже начали проявляться звёзды.

- Давай в другой раз. Нам топать и топать, - позвал его Матвей и нетерпеливо махнул рукой.

- Срочно надо. За один раз не получится. Я как-то упустил это. Встань и смотри на какую-нибудь звезду. И увидишь рядом другие. Много. Пятнадцать минут на это.

- Десять.

- Ладно, на первый раз десять, - согласился Роман. – И жевать бы, особенно кислое. Для остроты требуется. Очень полезно, скажу, видеть в темноте. Сколько жизней спасено. А когда будем идти, закрывай один глаз на время, потом другой.

Наутро о скором прибытии туристов были оповещены все без исключения обитатели приозерья, и каждый получил возможность отреагировать на данное известие ему лично свойственным образом: порадоваться, загрустить или встревожиться. И все отреагировали. Все, кроме отмолчавшегося Макарыча.

А на следующий день Макарыч вошёл в комнату Матвея, когда тот ещё спал. Он постоял с минуту, но будить сына не решился. И собрался уходить. Но Матвей вдруг проснулся или, по крайней мере, начал отходить ото сна, что проявилось в том, что он сначала дёрнулся, словно испугавшись чего-то привидевшегося ему во сне, потом принялся ворочаться с боку на бок, пытаясь устроиться в постели поудобней, а затем и вообще открыл глаза.

И обнаружил Макарыча, поспешившего подтвердить своё присутствие произнесением достаточно бодрого приветствия.

- Доброе утро, Матвей! Как чувствовал, что ты уже проснулся.

- Доброе утро, папа!

- Я хотел сказать... Я посмотрел материалы...

- И что?

Отец говорил долго и не вполне понятно – сам он, видимо, далеко не на все вопросы имел более или менее внятные ответы, - но некоторая ясность в отношении фото и видео всё же появилась.

И Матвей, в течение какого-то времени помучившись в одиночестве и наедине со своими тяжёлыми и неповоротливыми мыслями, отправился к Роману.

Приблизившись к «Александрии», Матвей понаблюдал за отжимающимся от стоящей на крыльце дома табуретки Романом и спросил:

- Разве не от пола положено?

Роман резко оттолкнулся от табуретки и выпрямился.

- А ты знаешь, который это уже подход? – произнёс он, высокомерно улыбнувшись. – Но, если хочешь, можем проверить, кто больше. Я, уставший, против тебя, свеженького.

Матвей замахал руками.

- Нет-нет, это я так. Тут, понимаешь, дело такое...

- О! – вскричал Роман. – Какую-то пакость приготовил! Уже чувствую!

- Ну зачем так сразу... - проговорил (промямлил) Матвей и стал подниматься на крыльцо.

- А нет, что ли? Ты и идёшь-то... Как ты идёшь? Как старик шлёпаешь! Ладно, выкладывай!

- Отец не советует, - выдыхает Матвей на последней ступеньке.

- Что он не советует? Мы сюда советы выслушивать приехали или стать мэнами? – продолжает заводиться Роман.

- Он посмотрел то, что я снимал.

- И что? Мы тоже смотрели.

- Чётких границ нет. Вообще границ нет. Ты понимаешь?

Роман несколько секунд рассматривал встревоженное лицо товарища, а затем усмехнулся.

- Ну, допустим. И что?

- Да то, что мы намечаем маршрут, безопасный и проверенный... - начал Матвей.

- А потом вдруг оказывается, что он не такой уж и безопасный! – насмешливо округлив глаза и раскинув руки в стороны, перебил Роман. – Ой-ой, какое несчастье! Может, домой сразу поедем? Там тротуарчики, пешеходные переходики со светофорчиками, замочки кодовые с видеокамерками...

- А мёртвые птицы и звери? И лягушки эти многочисленные с кузнечиками и муравьями – как тебе? – произнёс Матвей. – Отец, похоже, об этом не знает.

- И не узнает. Там не больше половины квадратного километра.

- Но если границ не существует... - начал Матвей.

- А подальше от того места держаться будем, - на удивление спокойным голосом перебил Роман. – И главное, чтобы никто из аксакалов не наткнулся раньше времени. А потом всё расскажем.

- А если наткнутся?

Роман развёл руками.

- Тогда всё. Всё накроется.

- Я про другое.

- Но с нами же ничего не случилось, - улыбнулся ободряюще Роман. – Ну, голова закружилась. Так ведь ты не очень крепкий физически. Дохлячок.

- Не я один здесь такой, - со значением произнёс Матвей.

Роман вздохнул и на несколько секунд задумался. Потом сказал:

- Я поговорю с ними. Придумаю что-нибудь. Шатун, например, или раненый волк... Да и некогда им сейчас шляться.

Времени, чтобы подготовиться к достойной встрече гостей и в самом деле катастрофически не хватало. Однако в шестом часу вечера Матвей обнаружил Романа лежащим на травке неподалёку от лесной опушки.

- Спишь! Ты опять спишь! – вскричал он. – Завтра же приезжают! Уже – завтра!

Роман вскочил на ноги.

- Да, я задремал! Да! А ты знаешь, чем я занимался до этого? Друг называется!

- Чем ты занимался? – слегка растерялся Матвей. – Ты на спине... Ты рукой от солнца...

- Я слух тренировал! Вот смотри! Смотри! – И Роман указал на укрытую наполовину травой дощечку у своих ног. – Специально у деда взял!

- Не понимаю, - проговорил Матвей. Он уже чувствовал себя виноватым. – Что ты специально взял?

- Часы «Ракета»! – Роман нагнулся, схватил лежавшие на дощечке наручные часы с чёрным ремешком и сунул их под нос Матвею. – Давно надо было и зрение, и слух начать развивать!

- Ну да, наверно. Но время на всё надо.

- Всё надо успевать! А то орёшь. Тоже мне! Неподготовленных людей в тайгу вести собрался! А у самого ни слуха, ни зрения спецназовского!

Роман вошёл в роль разобидевшегося, и исключительно справедливо, человека. Надо было с этим кончать. И Матвей сказал:

- Ладно, просвети.

- Резервы восприятия при помощи слуха! – обрадовался Роман. – Я уже второй день тренируюсь. Утром чем занимаешься, когда проснёшься?

- Умываюсь. Зубы чищу.

- А надо слушать! Проснулся и слушай. Глаза не открываешь, нос зажимаешь. Да, так лучше. И слушаешь. На третий день уже столько всего слышишь! А если год тренироваться? Кожей будешь звуки чувствовать. Ложись!

- Зачем?

- Ложись на спину! – Роман заставил Матвея улечься на траву, затем придвинул к его голове дощечку, а на неё положил часы. – Слушай! Слышишь, как тикают?

- Я слышу, как ты шебуршишь, - проворчал Матвей.

- Подожди! – спохватился Роман. – Я тоже лягу.

Потом Матвей и Роман лежали и слушали тиканье часов.

- Долго так?.. – спросил Матвей, у которого дел было невпроворот.

- Теперь отодвигайся и снова слушай. Доисторический способ слух тренировать. Ещё научу массаж ушей делать и определять на расстоянии, о чём люди говорят. Про аудиовизуальную наблюдательность слышал?

- Ну да, что-то... конечно...

- Ну-у-у, что-то! – оттопырил губу Роман. – А я уже тренируюсь. Я тебе объясню. Просто надо...

- А часы уже слушать не надо? – не без раздражения высказался Матвей.

- Нет-нет, надо. А это я тебе потом, ну, на практике...

Матвей и Роман не видели, что Арина и Лариса стоят неподалёку и наблюдают за ними.

- Нас заставили рюкзаки собирать, а сами... - проворчала Лариса.

- Дык, они же, панимаиш!.. – усмехнулась Арина и заключила: – Надо что-то делать с мужским шовинизмом, сестра.

- Предлагай. Ты же старшая, - пожала плечами Лариса.

- Они лежали дружно в ряд, дружно в ряд. Боевой, полусонный отряд. Боевой, полусонный отряд маломерных друзей-октябрят. Про октябрят, младших товарищей пионеров, слышала?

- Пионеры, первооткрыватели, первопроходцы... Естес-стно.

- Первопроходцы, первопроходимцы... Ха! Интересно. Такие похожие слова, а по смыслу... - Арина покачала головой. – Ладно, где-нибудь использую.

Лариса нахмурилась.

- Опять ты отвлекаешься. Подпинывать их надо, вот что я скажу. Эй, проходимцы! – Лариса направилась к брату и его приятелю. – А ну подпрыгнули и изобразили бурную деятельность!

Роман вскочил на ноги.

- Да вы не понимаете! – закричал он. – Мы слух тренируем! В тайге, где опасность за каждым кустом, деревом и пеньком, - это первое дело!

Пошумели, но недолго, разошлись каждый по своим делам.

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦА И МОНСТР С ЗАКРУЧЕННЫМИ УШАМИ

Первым Макарыч доставил человека без лица. Впрочем, лицо у него было. Но оно постоянно менялось. И не выражение лица менялось, а именно одно лицо сменялось другим, с теми же, но как бы и иными чертами лица. Вот перед вами весельчак-жизнелюб с беззаботно вздёрнутым носом (таким

он выбрался из кабины самолёта), а вот уже – школьный охранник, к чему-то принимающийся и что-то высматривающий.

Он словно снимал одну маску и надевал взамен неё другую. Да так ловко, что сам момент смены маски уловить было невозможно. Вы открыли рот, чтобы ответить на светски легковесный вопрос случайно оказавшегося на вашем пути незнакомца, но вдруг увидели перед собой озабоченное лицо и сочувственный взгляд словно бы безмерно близкого вам человека.

Впервые столкнувшись с данной метаморфозой, Матвей даже дар речи утратил. Он ничего не сказал, а только лишь оглянулся на стоявшего рядом с ним Романа.

- Да у нас все дни по минутам расписаны, - ответил за Матвея Роман. – Так что скучать некогда. И вам скучать не дадим. Первое мероприятие – через час, сразу после обеда. Ужина, точнее.

- Какое мероприятие? – спросил Человек Без Лица, который был теперь уже волком из сказки о Красной Шапочке, слышавшим звуки приближения охотников.

- Научимся организовывать пикники. Гвоздь программы – костёр с одной спички.

- У меня газовая зажигалка. В ней этого газа столько!.. Хо-хо-хо! – произнёс Многоликий тоном одного мультяшного героя, хвалившегося работающим на гуталиновой фабрике дядей, и представился, сменив «мультяшную» маску на «хорроровскую»: - Стас. Просто Стас. За слово «дядя» вношу в чёрный список пожизненно. А пикник пока отложим.

Теперь уже и Роман смотрел на нового знакомого с некоторой озадаченностью во взоре и даже как бы с опаской. И выглядел человеком, у которого внезапно появилось подозрение, что он вдруг стал героем розыгрыша.

А второй турист и вообще оказался иностранцем, учёным из штатов в камуфляже Вудланд и со страшным именем Рич. С хорошим русским, правда, но исключительно ненормальным. Ну, улыбка – это понятно. Но, во-первых, рост – огромный, голова – лошадиная, нос – свёрнутый набок, а уши – замысловато скрученные. Специально российских детей приехал пугать? Новая холодная война? А если руки (ручищи) начнёт распускать, то и не холодная? Такими ручищами можно любого человека, а несовершеннолетнего-то уж точно, разорвать на кусочки и разбросать по всей округе на радость бездомным хищникам.

Арина и Лариса, они стояли поодаль, и вообще неадекватно отреагировали. С точки зрения гостеприимства – неадекватно. А так, в

общем-то, если в целом... Ну, убежали они, чтобы затем появиться на балконе «Александрии», откуда хоть и достаточно хорошо видно, но всё-таки немножко, как в кино.

- Хамелеон-то лапочка по сравнению с этим, - изрекла Лариса и мрачно посмотрела на Арину. – Никогда ничего не боялась, а теперь... На сколько ночей они, не знаешь?

- Три дня, я слышала. Если сегодняшний день считается, то две.

- Что делать будем?

- Если к вечеру не привыкнем... - сказала Арина и замолчала.

- Вот ты, сестра, уже в таком возрасте... - с раздражением заговорила Лариса. – Неужто и я такой же буду?

- Какой «такой же»? Что ты от меня хочешь? – разнервничалась Арина. – А я скажу: ну и что? А пускай! И, улыбаясь, мне ломали крылья, мой хрип порой похожим был на вой, и я немел от боли и бессилья и лишь шептал: «Спасибо, что живой».

- Что-то ты уж чересчур, - поёжилась Лариса и тотчас же закричала: - Смотри! Смотри! Сюда идут!

Лариса и Арина, не сговариваясь, присели и, сунув лица в просветы между балясинами, принялись наблюдать за приближением группы гостей и встречающих.

- Подпустим поближе, - севшим голосом произнесла Арина.

- Запускаю обратный отсчёт, - прохрипела Лариса. – Пять, четыре, три, два, один...

- Ну! – пискнула Арина.

- Да! – выкрикнула Лариса.

И девочки, оглашая округу визгом, бросились бежать с балкона. В дверях столкнулись, завизжали ещё громче, уже как бы друг на друга, и решили-таки вопрос с очерёдность, причём достаточно быстро – Арина пропустила Ларису, визжавшую особенно громко, вперёд.

К ужину Арина и Лариса не вышли, так как гостей сразу же увела к себе кормить баба Саша. Просто сидели наверху, у лестницы, и пытались подслушать, о чём там, в столовой, разговор. Однако слышно было, в основном, деда Фёдора, вдруг придумавшего вспомнить все анекдоты, какие когда-либо слышал, да и пересказать их обречённым слушателям.

А Матвей и Роман были на крыльце, когда Матвей вдруг изумлённо вскричал:

- Что это он делает?

- Что? О чём ты? – не понял Роман.

- Смотри! – взмахнул рукой Матвей.

Роман посмотрел в указанном приятелем направлении.

- На приколы ставит? Ну да.

- Но почему?! – продолжал недоумевать Матвей.

- Может, ей там что-то надо. Или спросить.

Матвей и Роман спрыгнули с крыльца и бросились к самолёту. Когда подбежали, Макарыч был уже на земле.

- А мама? Ты не полетишь за мамой? – спросил Матвей.

- Мама решила остаться в деревне, - виновато проговорил Макарыч и добавил: - Я кран закрую.

- Она... завтра?.. – с запинкой промямлил Матвей.

Макарыч помолчал, затем прямо посмотрел Матвею в глаза и сказал:

- Она полагает, что вы справитесь. Инструкцию передала.

- Какую инструкцию?

- О том, как обращаться с иностранцами. А она завтра вернётся домой.

Макарыч вынул из кармана комбинезона файл с несколькими листочками бумаги и протянул его Матвею. Матвей, механически приняв из рук отца файл, вынул из него один из листков. «Гастрономические предпочтения американцев», - было напечатано крупным шрифтом в самом верху.

Матвей обернулся к Роману.

- Это надо бабе Саше передать, - произнёс он и, не сумев скрыть разочарования, добавил: – Не думал, что не прилетит.

Роман взглянул на лист инструкции, застрявший в руках Матвея, и заявил:

- Это ей не надо. Что приготовила, то и заставит их съесть. Ты понял?

- Что? – спросил Матвей.

- Вот и нам надо так же. Они обязаны безоговорочно следовать инструкциям. Ты почитай эти, а я свою речь порепетирую, - распорядился Роман и убежал домой.

Матвею читать инструкции не хотелось, настроения не было, и он просто ушёл к себе, чтобы посидеть и подумать.

Приехавших поселили в доме Макарыча, в так называемой длинной комнате, соседствующей с комнатой Матвея. Приготовлена была ещё одна, на первом этаже, но Стас и Рич сказали, что им достаточно и одной этой, на втором этаже, тем более что она достаточно просторна и имеет две кровати.

Роману баба Саша запретила беспокоить гостей, которые весь день были в дороге и наверняка безмерно устали, однако Роман, в конце концов, всё же явился в дом Макарыча.

- Там так тихо, как будто никого, - сообщил он, войдя в комнату Матвея.

- Изучают карту, - ответил Матвей. Он лежал на заваленной книгами и распечатками кровати и смотрел в потолок.

- Ты отдал им нашу карту?! – поразился Роман.

- Не кричи. Попросили.

- Откуда они узнали?

Матвей пожал плечами и переместился в сидячее положение.

- Мама могла сказать. Или папа. Они завтра идут в лес.

- Одни?

- Да.

- Накрылся наш бизнес, - с горечью констатировал Роман, опускаясь на стул напротив Матвея. – В лес – без нас! Хотя с нашей-то картой, понятно, любой не заблудится. Не врублюсь, как ты мог!

Матвей сделал удивлённое лицо.

- А вот как бы я им отказал? Ты это представляешь? Я – нет.

- Запросто! Вполне представляю! Тем более что один из них – иностранец. Сказал бы что-нибудь про секретный военный объект, да и всё. Если бы я предвидел... И как не догадался?

Роман поднялся и принялся расхаживать по комнате. Под контролем, всё надо держать под контролем. Завладели картой, завтра двинут в тайгу, обследуют окрестности... Да, слово «обследуют» подходит больше, чем «ознакомятся». Каковы их цели? Может, они рассчитывают найти золото, алмазы или янтарь?

- Слушай, - прервал Роман свои размышления, - про горный хрусталь им не говорил?

- Что я им должен был сказать?

- Не говорил, что горный хрусталь мы находили?

- Нет, - ответил Матвей. – Ты это к чему?

Роман снисходительно улыбнулся и со значением сказал:

- Эти люди – не туристы.

- И кто они?

- Мне кажется, я уже знаю, но необходимо прокачать их по полной.

- Это как?

- А вот тут надо думать. Хотя для начала... А ну идём! – Роман направился на выход, но у двери остановился и обернулся к продолжающему сидеть на кровати Матвею. – Чего сидишь?

- Куда собрался?

- Иду к ним. Типа, по-соседски. Дорога в тысячи миль начинается с первого шага. Зайдём потрепаться.

Но их не впустили. Романа и Матвея и на порог не пустили.

- Вам чего, мальчики? – нетерпеливо и с раздражением спросил приоткрывший дверь Стас, лицо которого скрывала тень.

- Зашли по-соседски, - улыбнулся Роман. – Как устроились?

- Спасибо. Доброго вечера и доброй ночи! – прозвучало в ответ, теперь уже спокойно и неторопливо. – Только, если можно, клюквенный морс для Рича... Сюда, под дверь. Очень он ему пришёлся по вкусу. Благодарю.

Произнеся последнее слово, Стас слегка поклонился, и на секунду лицо его, похожее в этот момент на лицо Броневого, играющего Мюллера в «Семнадцать мгновений...», вышло из тени. Затем дверь плавно затворилась.

Роман и Матвей возвратились в комнату Матвея, и Роман, едва переступив порог, спросил:

- Тебе ещё нужны доказательства?

- Доказательства чего? – не понял или сделал вид, что не понял, Матвей.

- Ладно, я докажу! – вспыхнул Роман и выскочил из комнаты.

- Про морс не забудь! – прокричал ему вслед Матвей.

Ночью бушевал ливень с грозой. Или ливни с грозами. Это уж у кого какие представления о данном природном явлении, его продолжительности и мощи. А когда всё утихло, Матвей вышел на крыльцо.

Вышел и замер в изумлении. Только что грохотало, а теперь на небе ни облачка, только звёзды, как никогда многочисленные и крупные, и луна – огромная. Матвей даже сморгнул несколько раз. Нет, такой луна (лучше, пожалуй, с большой буквы – Луна) никогда не была. Сменила орбиту? Но разве такое возможно без катастрофических последствий?

Луна – огромна, а в мутных водах переполненной и несущейся мимо реки отражения её не видно. И мост – потрёпанный, с дырами и покосившимися сваями.

Матвей почувствовал чьё-то присутствие и поспешно обернулся. Рич стоял в двух шагах от него, смотрел куда-то мимо и грустно улыбался. Матвей задержался взглядом на его лице и сделал вывод, что приветливая

улыбка обезображивает этого человека гораздо больше, чем любая иная. А если вообще обойтись без улыбок, улыбочек и улыбищ?

- We can our plans, but the Lord determines our steps, - проговорил Рич, и на секунду его лицо стало безулыбистым, если так можно выразиться.

Да, так лучше. Сказать ему об этом? Впрочем, не стоит, бесполезно.

- Man proposes, but God disposes, - сказал Матвей. Просто чтобы поддержать разговор. Но потом вспомнил, что Рич и Стас собираются с утра куда-то отправиться, да ещё без сопровождения, и добавил: - Сегодня лучше воздержаться от путешествий.

- Best defense is offense, - улыбнулся Рич и ушёл.

СПАСАЯ ШКУРЫ ПРЕДКОВ И СВОИ

Дед Фёдор окапывал кусты чёрной смородины, когда подошёл Макарыч и, помявшись, проговорил:

- Необходимо срочно покинуть посёлок. – И покивал головой, огорчённый сделанным только что им самим лично заявлением.

- Как... покинуть? То есть? – не понял дед Фёдор. – А как же это всё? Столько трудов... - Он повёл рукой вокруг себя и с недоумением уставился на собеседника.

- Не навсегда. Не навсегда же! – ободрил Макарыч. – Главное – побыстрей, до обеда. А вечером можно вернуться. Но ещё до обеда надо... Сейчас, в общем... - Макарыч неуверенно переступал с ноги на ногу и старался подыскать нужные слова, чтобы продолжить разговор. – Поторопиться бы.

- Нет, так не пойдёт, - решительно помотал головой дед Фёдор. – Выкладывай! Что ты там ещё натворил? Иначе я сейчас же позову Александру. Да! И пускай она сама с тобой разговаривает! Она давно собиралась. – И дед Фёдор, привстав на цыпочки, принялся высматривать, нет ли поблизости его супруги.

- Ну зачем вы так? – испугался Макарыч. – Я же ни при чём! Просто анализ полученных данных показывает... Это же, как костёр. Костёр, языки пламени...

- Что?! – опешил дед Фёдор. – Мы уйдём, а ты здесь всё сожжёшь?!

Дед Фёдор хотел ещё что-то сказать, но у него не получилось. Он просто захлебнулся волной подкатившего к горлу возмущения предстоящей несправедливостью, объявленной столь бесцеремонно. Впрочем, до церемоний ли!

- Но я не собираюсь ничего сжигать! – воскликнул Макарыч. – Это образ такой!

- Александра! – закричал дед Фёдор. – Шура, родная, ты где? Шура, сюда! Скорее, Шура!

Макарыч хотел убежать, но замешкался, пытаясь разобраться, насколько это допустимо в данных конкретных условиях. А потом уже было поздно – баба Саша находилась на расстоянии одного броска.

- Что случилось? – произнесла она ровным металлическим голосом.

- Дайте я объясню! Сам! – схватил деда Фёдора за руку Макарыч. – Я иначе скажу! Все эти странные явления, которые мы все наблюдали... Ну вы знаете, о чём я. Они же не имеют строгой локализации. То, что вчера было возможно, скажем, только на берегу озера, сегодня может случиться в другом месте. Понимаете?

- Непорядок, - изрекла баба Саша. – Почему?

- Это как... - начал Макарыч, но, взглянув на деда Фёдора, напряжённо молчавшего, решил подобрать другие слова вместо тех, что уже готовы были с языка его сорваться. – В общем, действует множество факторов. И о большинстве их можно говорить лишь в предположительном ключе. Но определённые закономерности мною обнаружены. Понимаете?

Баба Саша посмотрела на деда Фёдора, затем снова взор свой обратила на Макарыча.

- Сделаю вид, что понимаю, чтобы узнать, к чему всё это.

- Он говорит, мы должны уйти из посёлка. На время, - вставил дед Фёдор. – Я, может, чего-то не понял...

- Ну и помолчи, - перебила баба Саша, и Макарыч вздохнул с облегчением.

А спустя час все обитатели посёлка отправились в сторону Воробьёвки. В поход. Все, кроме гостей, которые до часу дня так и не объявились. Где они, что с ними, вернутся ли? Больше, чем кого-либо, заботило это Матвея. Погибнут – и кто будет виноват? Не они же с Романом, недомерки несовершеннолетние. Отца во всём обвинят. И его бывшая жена Мария, мать Матвея, в первую очередь.

Матвей догнал Макарыча, нагруженного основательнее всех.

- Папа, а с ними ничего не случится?

- Случится, - ровным голосом произнёс Макарыч.

Матвей, опешив, замер на месте. Его не столько подтверждение отцом его собственных опасений обескуражило, сколько спокойный и уверенный тон Макарыча.

- И что делать?

Макарыч остановился и обернулся.

- Кому? Нам? Если их обнаружим, если они будут ещё живы...

- Это понятно. А они не сказали, куда направились?

- Боюсь, они многого не договаривают, - вздохнул Макарыч. –

Путаются в показаниях, как пишут в криминальной хронике. И область их научного интереса мне не до конца понятна.

- Так они – научные работники?

- Матвей, вы бы... Ну, ты и Роман. Да, держитесь от них подальше. Что касается Романа, то конечно... Но ты постарайся, ладно? А они... Ну, ты понимаешь. Они же мужчины. Мужчина должен быть готов умереть. Всегда и в любую минуту.

- Даже если нет настроения? – улыбнулся Матвей.

Макарыч обозначил ответную улыбку и ушёл. И он был уже далеко впереди, а Матвей, бредя следом, всё пытался объяснить себе причину необычного многословия отца. Впрочем, главное – это то, что он крайне встревожен. О причинах его беспокойства можно долго рассуждать, однако следует ли? Может, действительно сменить приоритеты, переориентироваться на что-либо иное? Попробовать, например, подключиться к исследованиям отца. Поначалу, конечно, будет гнать...

Но, опять же, Романа просто так с избранного пути не сдвинешь, очень его заинтересовали туристы-нетуристы. Он до такой степени расстроился, что проснулся сегодня слишком поздно, уже после того, как Стас и Рич отбыли в неизвестном направлении, что весь день непривычно молчалив и задумчив. И, похоже, мозг Романа сегодня легко справился с недельной, а то и месячной нормой трудовой активности. Да, так уж повелось, что чаще всего человеческий мозг особенно активен, когда индивид избавлен от необходимости (или возможности) без умолку трепаться.

Потом были привалы-пикники, и первый, и второй, оба очень неспешные и обстоятельные, с тщательным, вплоть до салфеточек и одноразовых ложечек-вилочек, накрытием поляны.

А затем одни принялись то да потому на часы поглядывать, а другие просить их объявить результат вслух и даже проявлять иные признаки нетерпения. Так, когда Роман излишне долго, как показалось Ларисе, задержал взгляд на циферблате дедовской «Ракеты», она схватила его руку и дёрнула на себя с такой силой, что Роман завалился на бок.

- Сдурела! – выкрикнул он.

- Да, мы все сойдём с ума, - объявил дед Фёдор. – А я считаю, что пора возвращаться, так как у меня капуста накрыта.

- Давайте мы первыми, - предложил Роман и посмотрел на Матвея. – Через час не вернёмся... Но мы вернёмся.

Баба Саша недовольно скривилась, но не нашлась, что возразить. Эстафету принял дед Фёдор.

- Вперёд! – сказал он и движением подбородка указал направление, что, впрочем, было уже лишним. – Придётся, десятиминутная пауза, потом сюда. Дорога туда и обратно должна занять шесть десятков минут в сумме. В пути следования соблюдать бдительность и осторожность. В случае...

- Пора. Сейчас ровно без десяти, - перебил деда Роман.

- Ступайте уже, - разрешила баба Саша. – Черепаха движется вперёд, если высовывает голову наружу.

Роман и Матвей так спешили, что уже спустя двадцать минут вышли на финишную прямую.

- Что за звуки? – спросил Роман и остановился.

- Бензопила, похоже, - сказал Матвей, также на ходу замерев.

- Что это они там распилить собрались? – усмехнулся Роман.

А распилить «они» собрались, без сомнения, друг друга. Точнее, Рич пытался порезать на кровавые кусочки Стаса. А иначе зачем бы он стал бегать за повизгивающим товарищем, сжимая в руках ревущую на все лады бензопилу?

Роман, бежавший впереди и первым увидевший эту киношную картину, встал как вкопанный, и Матвей ткнулся ему в спину.

- Что? – спросил он и поднял взгляд. И тоже обомлел.

Матвей обомлел по той причине, что в этот миг Стас перемахнул через перила, покидая крыльцо «Александрии», а Рич с размаху опустил режущую цепь бензопилы на перекладину перил, в то самое место, которого только что коснулась рука спасающегося бегством Стаса. И полетели щепки и опилки.

- Мы... кажется... Нет, наоборот, не вовремя, - принялся вслух рассуждать Роман, наблюдая за Стасом, который теперь, падая и спотыкаясь, взбегал на пригорок, надеясь, вероятно, ещё и спуститься с него, а потом добежать до леса и укрыться среди деревьев.

- Догонит, - сказал Матвей, увидев, что Рич уже пробежал мимо дома Макарыча и продолжает преследовать Стаса.

- Да. Правильно бежит, - согласился Роман.

Действительно, Рич бежал ровно, размеренно, быстро. И нудно воющая бензопила, удерживаемая его правой рукой, не особенно ему мешала.

Роман и Матвей посмотрели друг на друга и, не сговариваясь, закричали:

- А-а-а! А-а-а-а-а!

И рванули вперёд. Но пробежав совсем немного, остановились. Они остановились потому, что Рич прекратил погоню за Стасом и теперь стоял, повернувшись к ним лицом. В каких-то шестидесяти – восьмидесяти метрах. Ну, в ста метрах.

- Бежим! – прошептал Роман.

- Не могу пока. Мои ноги... - выдохнул Матвей.

- Тоже... ватные, - сказал Роман. – Но если... И вот тогда...

Роман замолчал, а время остановилось.

Время не совсем, конечно, остановилось, не замерло окончательно, потому что такого не бывает, а лишь очень существенно замедлило свой ход. Возможно, всего лишь для того, чтобы как-то подчеркнуть уникальность момента, чтобы жёстко выделить и жестоко обозначить трагичность его.

Такие шуточки в данном мироздании обычное дело. Схватить суетливого человечка железной лапой за шкуру и подержать над бездной, пышущей испепеляющим жаром или обдающей смертельным холодом, - такое в порядке вещей.

- Высунули голову, называется, - пробормотал Матвей обречённо и в этот миг увидел, что Рич заглушил бензопилу. – Смотри! Он...

- Он, скажи ещё, встал на путь исправления.

Рич поставил бензопилу на землю и, пятясь, начал удаляться от неё в направлении дома Макарыча.

- Идём, - сказал Роман.

- Куда?

- Ты прав. Сдадим назад, в сторону Воробьёвки, и будем ждать наших.

Роман и Матвей были уже на безопасном, как им представлялось, расстоянии, когда из-за пригорка показался Стас. Он постоял некоторое время, затем опустился на землю и схватился обеими руками за голову. Однако почти тотчас же голову резко вскинул и заозирался по сторонам.

- Перепугался, - усмехнулся Роман. – А такой же, поди, гад.

- А я думаю... - Матвей замолчал и покосился на Романа. – А вдруг ты сейчас схватишь пилу...

- Я? Пилу? – не понял Роман.

- Или я, - ответил Матвей и сделал «зверское» лицо.

- Так ты думаешь... Хм! А может, и так. Но я бы тебя не тронул.

Стас обнаружил Романа и Матвея и вскочил на ноги.

- Он смотрит на нас! – вскрикнул Матвей.

И в этот момент Стас бросился бежать в их сторону. Или он бежит к бензопиле?

- «Пила-2»... - бормочет Роман.

И Роман с Матвеем одновременно бросаются наутёк. И бегут оба одинаково быстро. Если Матвей и отстаёт, то не более чем на полкорпуса. А что такое полкорпуса? Роман же не лошадь двухметровая, а человек двуногий.

И всё-таки преимущество оказалось за Романом – он первым сумел обернуться и обнаружить, что бензопилы в руках Стаса нет.

- Стой! – крикнул он, хватая Матвея за руку.

К не сумевшим ещё восстановить дыхание Роману и Матвею подбежал вконец вымотанный Стас. Он стоял и глотал воздух с такой жадностью, словно боялся, что кислород в местной атмосфере через секунду закончится навсегда. У него и выражение лица было плачущим.

- Всё пропало! – выдохнул он, чуть отдышавшись.

А спустя некоторое время, не снимая маски плачущего человека, поведал, что Рич неожиданно озверел, когда они были в верховьях реки, и он, Стас, пережил четыре страшных часа ужаса и трепета. И кошмара. Ему несколько раз удавалось спрятаться в лесу, однако Рич всякий раз находил его, и преследование возобновлялось.

- У вас с собой она была? – спросил Роман.

- Пила? – переспросил Стас. – Нет, эта серия уже тут... Чуть не сказал – снималась. Нет, это не кино, которое можно не досматривать. А он... Он просто с ума сошёл.

Роман усмехнулся и сказал:

- Пропустил приём у психолога-психиатра? Они же там все...

- Как у вас это... Ну, как оно случилось? – обратился Матвей к Стасу.

- Хотел драться на ножах. Победитель имеет право снять кожу. Игру такую затеял. А я отказывался и убегал. Я же спринтер в прошлом. А вы...

- И мы – иногда, - ответил Роман с усмешкой.

- Нет, я хотел попросить... - Стас попробовал состроить улыбочку. - Чтобы вы пошли сейчас...

- Даже не надейтесь, - не стал слушать Роман. – Забирайте его и...

Рич возник неожиданно, словно из-под земли. Или из воздуха материализовался. Но только не с неба свалился – звук бы был соответствующий, типа, бу-бух! Хотя и для того, чтобы из недр выбраться, тоже очень даже пошуршать пришлось бы.

Бежать! Но ведь только-только дыхание восстановили, не до конца даже.

- Только попробуй тронь! Ты уже на мушке! – закричал Роман и невольно, словно бы желая подтвердить свои слова, повернул голову, чтобы бросить взгляд на лес, куда уходила ведущая в Воробьёвку дорога. И обомлел, обнаружив приближающихся Арину и Ларису. – Уходите! – завопил он и замахал на сестёр руками. – Бегите отсюда! Убегайте быстрее!

- Мы задержим его! – присоединился к нему Матвей, а затем прыгнул вперёд и обхватил руками левую ногу Рича.

Рич вскрикнул и отскочил в сторону вместе с повисшим на его ноге Матвеем. Роман бросился на помощь товарищу и вцепился в правую ногу злодея. А потом вспомнил про бензопилу и попытался как можно сильнее втянуть голову в плечи.

Хотя, кажется, пилы в руках Рича не было. Да, или не было, или он не заметил. Если не заметил, то втягивай или не втягивай – результат будет одинаково негативным. Потому что не особенно и важно, в каких пропорциях тебя порежут на кровавые кусочки, которые ни в одной из больниц собирать не возьмутся по причине пустой траты времени и бесполезного расхода шовного материала.

- Не надо! Я не причинят вред! – извиняющимся тоном прокричал Рич. – Малчики, я прошу прощения!

«Малчики» и осмыслить услышанное не успели, как последовал приказ, отданный голосом Ларисы:

- Отпустить человека!

Роман и Матвей разжали передние конечности, чтобы освободить от захватов задние конечности противника, и поднялись на ноги. Лариса и Арина стояли неподалёку и смотрели на них такими взглядами, вынести которые не всякому под силу.

- Потребовать бы с них письменные объяснения, - проговорила Арина, с подозрением косясь то на одного, то на другого. – Хозяева – дикие, невоспитанные и...

- Придурки! – подсказала Лариса.

- Забираем их и сматываемся! – принял решение Роман и бросился к Арине и Ларисе.

Он схватил сестёр за руки и, миновав Рича по дуге приличного диаметра, потащил их в сторону Воробьёвки.

- Алё! На буксире! – запротестовала спотыкающаяся о неровности Лариса. – Да в чём дело? Мы, вообще-то, домой шли! – И Лариса обернулась

в сторону «Александрии», туда, где сейчас сверкал пятками панически драпающий Стас.

А Арина принялась декламировать:

- Нас враг схватил и тащит где попало. Ребёнок плачет и кричит: алё, оставьте нас, мы мыкались немало, спасая шкуры предков и свои.

Из-за поворота появились Макарыч, дед Фёдор и баба Саша.

- Стой! – крикнул Роману Матвей, всё это время стремившийся не выпускать из поля зрения Рича. – Он уходит!

Спустя десяток секунд, переминаясь с ноги на ногу в ожидании группы взрослых, Роман спросил у Матвея:

- Что делать будем?

- Думаю, рассказать придётся.

ГОСТИ ПРОДОЛЖАЮТ НЕПРИЯТНО УДИВЛЯТЬ

Роман вошёл, сел на стул и опустил голову. До того, как он уставился взглядом в пол, Матвей заметил, что товарищ его как никогда мрачен. Да уже одно то, что не влетел и даже не вбежал...

- Что? – встревожился Матвей. – Что-то натворил?

- Ну уж... сразу... – проворчал Роман. Потом поднял голову и посмотрел Матвею прямо в глаза. – Скажи, вот, одну вещь. Учёные бывают спортсменами?

- Почему нет? Конечно. Несомненно.

- А если больше, чем спортсменами? – с непонятной усмешкой поперёк всего лица спросил Роман.

- Да, потом тренерами...

- Тренерами, - передразнил Роман. – Про челночный бег слышал? А про рванный бег с уклонами? Ладно, пошли.

- Куда?

- Тут недалеко.

Роман, сойдя с крыльца, стремительным шагом направился в сторону дороги, огибая при этом «Александрию» с левой стороны. Он шёл так быстро, словно в ближайшие секунды собирался перейти на бег. И действительно, достигнув дороги, он перешёл на бег. Матвею ничего не оставалось иного, как только последовать его примеру. Хотя и не хотелось. Не любил он бегать.

Почему люди бегают? Зачем они бегают? Ну ладно, иногда убежать приходится, как вчера, например. Но в большинстве-то случаев. Чтобы не

опоздать, выйди вовремя. Да и чтобы убежать не приходилось, надо быть всего лишь предусмотрительным, осторожным, продуманным. Человек и так-то совершил эволюционную ошибку, окончательно став двуногим, чтобы ежесекундно плющить свой позвоночник и растирать в лепёшку каждый его хрящик, наштапованный рецепторами и нервными окончаниями.

Какая-то длинная мысль получилась, отметил про себя Матвей и замедлил бег. Что за ерунда? Быстро бегать, длинно думать, заумно болтать – это же явления одного порядка. А действительность ставит перед человечеством вполне конкретную задачу. Да, задача – выжить. И просто обидно, если погибнет цивилизация. Обидно. Помнили бы об этом люди... Да если бы всего лишь вспоминали иногда, что они гости. Сколько лет Земле, и какова продолжительность человеческой жизни? Даже если брать по максимуму. Этот максимум – мгновение. Любой долгожитель подтвердит.

Очень скоро – они всего лишь метров четыреста и пробежали – Роман остановился и повернулся к Матвею.

- Не любишь ты бегать, я знаю. Но теперь и не надо. Сейчас надо тихо. Здесь заходим, а потом – вправо. Там поляна.

- Поляна – и что? – спросил Матвей.

- И он. Рич.

- Что он там делает?

- Я же тебе говорил! – возмутился Роман, невольно возвысив голос. И тревожно осмотрелся по сторонам. – Тихо-тихо! Осторожно. Понял? Не топтать и ветками не хрустеть.

- Почему такая секретность?

- До тебя как до утки на седьмые сутки. У него спросишь. Но я не советую. Пошли.

Они добрались до поляны и, укрываясь за кустами и деревьями, принялись наблюдать за Ричем, который сначала спрыгивал с пенька с последующим кувырком, а потом принялся стартовать из положения сидя (с пенька), из положения лёжа лицом вниз и даже из положения лёжа лицом вверх.

Матвей с недоумением посмотрел на Романа.

- Я тебе потом расскажу, что он ещё вытворял. Я ещё тогда заподозрил, когда увидел, как он с бензопилой бегаёт.

- То есть, ты хочешь сказать... - начал Матвей, с трудом ворочая языком.

- Тебе это надо? Чтобы я что-то говорил – надо? Знаю, считаешь меня болтуном и вообще таким...

- Да прекрати! – решил казаться великодушным Матвей.

Роман высокомерно улыбнулся и объявил:

- Время «Че», приятель.

- Ты, кажется, рад, - проговорил Матвей и опустился на землю, прямо в позу роденовского мыслителя.

Спустя час фразу о времени «Че» Роман повторил уже в другой компании. Явился к сёстрам в их комнату и, решив начать издали, заговорил о том, что наступает эпоха экстрима, что недаром получают всё большее распространение такие увлечения как скейтбординг, фрискейт, флайборд, паркур и прочие подобные. Многие из молодых, они же авангард человеческий, почувствовали и ощутили ветра и бури в окружающем пространстве. И поняли, что надо быть сильными и готовыми как к бедствиям и катастрофам природного свойства, так и к рукотворным, то есть организуемым современными злодеями, которые никуда не делись, а только лишь расплодились, размножились и замаскировались.

- Аринка, двинь ему – у тебя удар послабже, - первой не выдержала Лариса. – Или мне самой?

Арина жестом остановила сестру.

- Погоди. Тема, кстати, интересная. Ветра и бури рвали в клочья... Да-да, так. Ветра и бури рвали нас на части, а мы хотели маленького счастья, хотели лишь покоя и любви.

- Убью обоих! – прорычала Лариса.

- Дуры вы обе! Время «Че»! – закричал Роман. – Про то, что вчера было, молчу уже! Но вот сейчас пойдите к Матвею и спросите, чем занимаются эти так называемые профессора и академики. Вот пойдите и спросите! А я больше слова не скажу. Просьба была! Но я с вами больше разговаривать не хочу!

Арина и Лариса, слегка обескураженные столь эмоциональным выпадом их брата, несколько секунд рассматривали внезапно замолчавшего и обиженно нахохлившегося Романа, затем обменялись взглядами.

И Арина примирительно проговорила:

- Просьбу изложи. Не обещаю, но подумаем. Почему нет?

- Последить надо за ними, - оживился Роман. – Недооценил я их сначала, а следует, так я теперь понимаю, быть очень осторожными. Должно быть несколько групп наблюдения.

- Мы стараемся подальше от них держаться, - сообщила Арина.

- А не надо близко подходить. Просто – чтобы в поле зрения были. На хвосте повисеть незаметно. Ясно? – Роман повеселел, решив, что просьба его

наверняка будет удовлетворена. – Информацию будем собирать по крохам, по крупичкам. Типичная разведывательная работа. Контрразведывательная, точнее.

- Они – шпионы? – с некоторым сомнением в голосе произнесла Лариса. – Разве они, шпионы, такие?

Роман кивнул.

- Да, шпионы не такие. Диверсанты. Диверсию готовят.

- Взорвут что-то? – сделала испуганное лицо Лариса. – Неужели?

- Диверсия – не только взрывы, - блеснула знаниями Арина.

Лариса скептически улыбнулась.

- Они, конечно, - жуткие. Но – конкретики бы.

- Узнать бы, о чём они сейчас с Макарычем разговаривают! – воскликнул Роман. – Шептались, шептались, а потом – к нему в кабинет. Очень долго шептались. Кстати, вечером сдаём зачёт по ОБЖ.

А разговор Макарыча с приезжими и в самом деле оказался занятным. Прежде всего, выяснилось, что в фонде «Айпекс», в котором они трудятся, осведомлены о предмете его научных изысканий. И очень неплохо осведомлены.

- Не туристы, значит, - пробурчал Макарыч, изо всех сил сдерживая себя, чтобы не наговорить лишнего. – И вас привозит моя бывшая жена.

Стас вздёрнул вверх брови, округлил глаза и помотал головой.

- А это совершенно случайно вышло. Собрались к вам, а тут и выяснилось, что Мария может помочь. Понимаете? – Стас выдержал паузу, а затем сбросил маску недоумения с лица, покровительственно улыбнулся собеседнику и проговорил тоном начальника, собравшегося поощрить подчинённого: - Знаете, а ведь эти ваши прогнозы восприняты со всей возможной серьёзностью.

Макарыч попробовал ответно улыбнуться.

- Отрадно. Я ещё в прошлом году...

- А в этом? – не дослушал Стас. – Что-то принципиально новое имеется?

- Да. Но не думаю, что в частной беседе...

Стас откинулся на спинку стула.

- Считайте, я к вам официальным образом. А о наших партнёрах... - Стас посмотрел на Рича, и Рич широко улыбнулся в ответ, сначала ему, а затем и Макарычу. – Мир глобален, проблемы глобальны. Вы в своих работах заключали, что возможно разрастание негативных явлений.

- Я не называл их негативными, - с некоторым как бы даже и удивлением на лице возразил Макарыч.

- Вы их оцениват не так? – спросил Рич и посмотрел на Стаса.

- Оценки давать рано. Необходимы всесторонние исследования.

Стас надел маску добродушного деда-сказочника и даже рукой провёл по подбородку, словно бороду оглаживал.

- А может, необходимы действия?

Макарыч насторожился.

- Что вы имеете в виду?

- Если в самом зародыше... - Стас снова прикоснулся к невидимой бороде.

Макарыч вскочил на ноги.

- Об этом не может быть и речи! Даже обсуждать не собираюсь!

- Да не горячитесь вы так! – слегка опешил Стас, мгновенно избавившись от маски сказочника.

- А от употребления слова «зародыш» я и вообще воздержался бы! – Макарыч и не думал успокаиваться, расхаживая по комнате настолько быстро, насколько позволяли её скромные размеры.

- Мне кажется, вы напугат силно сам себя и всех тоже, - произнёс Рич и попытался продемонстрировать Макарычу ободряющую улыбку.

Макарыч остановился напротив Рича и выкрикнул:

- Да! Да, безумные действия людей способны привести к катастрофе! К катастрофе именно глобальной, как кое-кто тут выразился!

- Сидеть и ждать, чем это закончится? – тоном экзаменатора поинтересовался Стас.

- Необходимо понять, чего хочет...

- Хочет? – лязгнул зубами Стас.

- Я неточно выразился. Необходимо понять, что мы можем сделать, чтобы остановить это.

- Кто – мы? Учёный мир? – усмехнулся Стас. – Вы продолжаете мыслить слишком узко.

- Вообще-то, я имел в виду человечество. Но многое зависит и от учёного сообщества.

ЭКЗАМЕН, ЛИСТВЕННИЦЫ И ПЛАНЫ ГОСТЕЙ

Когда Роман, Арина и Лариса вошли к Матвею, хозяин комнаты сидел за столом... Точнее, он сидел на кровати, а перед ним находилась тумбочка с разложенными на ней листочками бумаги.

- Так всё официально? – Роман в нерешительности остановился у двери.

- От качества знаний может зависеть жизнь, - строго произнёс Матвей.

- Я лично, если кто-то из них пострадает... - заговорил Роман.

- Или кто-то из нас, - перебила Лариса.

- Я всё прочла, но при первой же возможности грохнусь в обморок, - объявила Арина. – А вы все... Да, хотелось бы рассчитывать.

Матвей распорядился:

- Берём билеты и готовимся.

- Я – без подготовки, - сказала Арина. Она подошла к тумбочке и взяла один из листков бумаги. – Билет номер тринадцать. Э-э-э! Нет-нет! Ещё один!

Арина предприняла попытку листок с цифрой тринадцать в правом верхнем углу положить обратно на тумбочку, чтобы взять другой билет, однако Роман подскочил к сестре и оттеснил её в сторону.

- Ещё один! Что значит, ещё один? Все бы так сдавали! – кипел он и оглядывался на Матвея.

Матвей раздумывал, как ему, экзаменатору, следует поступить в сложившейся ситуации. 13 – это, конечно, серьёзно. «Чёртова дюжина» она и есть «чёртова дюжина», многие стараются подальше от неё держаться. И отказаться от билета с таким номером – законное, по сути, право любого суеверного человека. Однако поощрять мракобесие... Да и вообще, ответственнейшее мероприятие можно превратить в полнейшее безобразие, если начать потакать всяческим...

Матвей встретился глазами с укоряющим взглядом Арины, и мысли его произвольно поменяли направление. Действительно, нельзя было без тринадцатого билета обойтись, что ли? Пускай бы было восемнадцать билетов вместо семнадцати. Точнее, тоже семнадцать, но последним был бы восемнадцатый, а не семнадцатый.

- И я поменяю, если мне не понравится, - сообщила Лариса.

- Да, человеку прострелят руку, а мы его будем лечить от насморка, - пожал плечами Роман. – Потому что учили, потому что сдавали!

- Если и делать какие-либо исключения, то лишь ввиду самых серьёзных причин, - сказал Матвей.

- Ах исключения? – вскричал Роман. – Вылезай, я буду сам экзамен принимать. Ну!

Роман подбежал к кровати, уселся на неё и принялся теснить Матвея, вынуждая того убраться из-за «стола».

- Да, все имеют право, я считаю, - изрекла Лариса. – Принимаем экзамен у Арины, потом у Романа, а потом у Матвея. А как? Обязательно.

- И у тебя, - счёл необходимым уточнить Роман. – После Аринки или после Матвея. А я, чур, самый последний.

И Роман про себя усмехнулся. Да, это он хорошо придумал, просто замечательно. Может же так получиться, что... Ну, так сразу и не придумаешь. Да и не он обязан придумывать, а... А никто не уполномочен придумывать, просто – хоп, как снег на голову, и свалилось бы что-нибудь этакое форсмажорненькое, но дикое в меру, без перехлёста.

- Всё равно на тринадцатый отвечать не буду! – заявила Арина.

- Может, лёгкий вопрос. Посмотрела бы, - предложил Матвей, только что окончательно лишившийся места экзаменатора.

Роман вытаращил глаза.

- Лёгкий – отвечать, а трудный откладываем в сторонку? Где твоя хвалёная принципиальность? Не ожидал.

- Внимание, люди! Предложение! Деловое! – возвестила Лариса. – Каждый рассказывает, что запомнил.

И экзамен превратился в некое подобие собрания-митинга, изрядно затянувшегося.

А утром Роман проснулся значительно позднее, чем планировал. Явившись в дом Макарыча, он набросился с упрёками на Матвея, бодрствующего, как выяснилось, уже не менее часа.

- Успокойся, я тоже не видел, как они ушли, - сказал Матвей. Он сидел около тумбочки и был занят изготовлением копии карты, предназначавшейся лично для него самого, с дополнительными пометками. – Предлагаю внести коррективы в план мероприятий.

- Знаю я твои планы! – дёрнулся Роман. – Со скуки сдохнуть!

И Роман покинул комнату Матвея, а затем и дом Макарыча. Поднялся на пригорок и присел на травку. А вскоре увидел деда Фёдора, откуда-то возвращавшегося.

Дед Фёдор был безмерно счастлив, хотя и подустал порядком. Едва ли не десяток километров отмахал как ни как. С первыми лучами солнца поднялся и двинулся в путь. Верил потому что. Решил для себя: никаких

троп, тропок и тропинок, просто вперёд и вперёд, строго в одном направлении. А раз утро, то – на восток, навстречу солнышку.

И вот – целых три лиственницы-трёхлетки! Хотелось сейчас же взять инструмент и отправиться готовить взлётно-посадочную полосу. Однако сначала следовало поговорить с Макарычем. Конечно, он не откажет, это было бы отнюдь не по-соседски. Но всё же надо сегодня же обсудить предстоящую операцию по транспортировке деревьев в посёлок. Лишь бы дома оказался.

- Дед! – позвал его Роман.

- А, Роман, привет! – свернул с маршрута дед Фёдор. – Тоже не спишься? Хотя времени-то уж... Ты-то как?

- Да ладно, - сказал Роман. – Вижу, что торопишься.

- Лиственницы нашёл! Три! К Макарычу забежать! По воздуху бы... - вырубивая на прежний курс, прокричал дед Фёдор.

Роман вскочил на ноги.

- Я с тобой!

Макарыча нашли по звуку топора. Точнее, по бухающим ударам колуна, доносившимся из-за ангара-мастерской.

- Макарыч, дело на миллион! – с порога, как говорится, обратился дед Фёдор к соседу.

- Да, слушаю, - откликнулся Макарыч, прервав замах на той стадии, когда делать это уже и не вполне безопасно. – Я, вот, с дровами тут... - сообщил он, словно оправдываясь, и опустил колун на землю.

- Лиственницы наконец-то нашёл, Макарыч. В наших краях их ведь не густо. Чуть великоваты, конечно, но почти в самый раз. Уверен – приживутся. Их бы по воздуху. Потому что и налегке-то пробраться... Завалы же, бурелом... А полянка там – в самый раз. По длине... - дед Фёдор осмотрелся. – По длине вот как до леса почти что. Ну как?

- Если есть возможность приземлиться... - пожал плечами Макарыч.

- Вот спасибо. А я с лопатой, с ломиком... Там камни кое-где. Но я подготовлю. Как по асфальтику пробежится птица железная и взмлет. А ты чего такой смурной? – вдруг прервал самого себя дед Фёдор.

- Да это я так, - попытался уйти от ответа Макарыч.

- Ну уж нет, выкладывай! – распорядился дед Фёдор. – Туристы чего-то? Может, сервисом недовольны? Попросить Шуру, чтобы чего-нибудь эдакого, ну, необычного приготовила на ужин? Аппетит-то у них, наверно, на свеженьком воздухе...

- Да, аппетиты... - пробормотал Макарыч и присел на чурку, на которой только что колот дрова.

- Претензии какие-то?

- Добром это всё не кончится, - вздохнул Макарыч. – Знать бы ещё об их планах.

Дед Фёдор встревожился.

- Что-то задумали? – спросил он и, пригнув голову, попытался заглянуть собеседнику в лицо, а потом ещё зачем-то и на Романа оглянулся. – Строить здесь что-то будут?

- Скорее, наоборот.

- Да ты толком скажи! – начал сердиться дед Фёдор.

- Сам пока ничего не знаю. Но они... не случайно. Они читали мои работы. И не только они. Боюсь, и решение уже принято.

- Кем?

- Могу только догадываться.

Дед Фёдор помрачнел.

- Значит, такие будут эксперименты... Значит, то, что ты тут вытворял, покажется нам ерундой, я понимаю? – с трудом выговорил дед Фёдор и попытался взять себя в руки. Но не получилось. – Гнать! Гнать их сейчас же! Я-то, когда тебя сюда позвал... Я на помощь рассчитывал! Думал, наука – она на пользу. Думал, город-сад! Убирайтесь все отсюда!

Дед Фёдор отшвырнул ногой одну из чурок и убежал. А Роман остался. Он ходил взад-вперёд и обдумывал одну появившуюся у него мысль. Хотя... Да что тут обдумывать? Действовать необходимо. И – не откладывая. Подготовиться, конечно, надо, обезопасить себя от неожиданностей, чтобы всё чётко, слаженно и согласованно, потому что как минимум вдвоём придётся.

Пришла баба Саша и сухо поинтересовалась у Макарыча, что ей передать деду Фёдору по поводу транспортировки листовниц.

- Всё, что в моих силах! – горячо заверил Макарыч – он явно чувствовал себя виноватым.

- Я так и передам, - ответила баба Саша и перевела взгляд на Романа. – Сильно занят? Деду не поможешь?

- Сегодня – никак, - твёрдо ответил Роман, затем повернулся и убежал. Ему необходимо было срочно поговорить с Матвеем.

- Ни на кого положиться нельзя, - проворчала баба Саша и направилась к своему дому.

ФАЛЬШИВЫЙ ГОЛОС КУКУШКИ И ЗАГАДОЧНЫЙ ТРОФЕЙ

Матвея Роман не нашёл и увидел приятеля лишь спустя час, когда тот сам появился около «Александрии». Роман, он делал зарядку на крыльце, сказал:

- Подожди пару минут. Мне тут осталось... Впрочем, ладно.

И Роман, усевшись на перила, поведал Матвею о своём плане. Возражений он не ожидал, однако Матвей сразу же упёрся – нет, и всё. Типа, неэтично. Против слезки не протестовал, а тут вдруг про нормы морали и нравственности вспомнил.

- Никто не узнает, если уж на то пошло, - пустил в ход очередной аргумент Роман.

- Это что-то меняет? Если никто не знает, то и не было? А то, что мы с тобой в курсе?

- Ещё сестриц моих плюсуй, - усмехнулся Роман. – Они на шухере будут.

- Нет, так нельзя. Они же наши гости!

Матвей повернулся и сделал шаг по направлению к ступенькам крыльца, рассудив, что неприятный разговор следует закончить таким вот радикальным способом – уйти от него, в прямом смысле этого слова.

- Гости? – Роман спрыгнул с перил и схватил Матвея за руку. – На твоём отце лица нет! Иди и посмотри, если не веришь!

- Он и всегда... - Матвей предпринял попытку высвободить захваченную руку. – Много трудностей. Была бы лаборатория – вот тогда...

- А знаешь, что он сказал? Он сказал, что они что-то задумали и что он хотел бы узнать всё.

Роман отпустил руку Матвея. Матвей с недоверием посмотрел на Романа.

- Он так сказал?

- У деда можешь спросить. При нём было. Но ты не парься – без тебя сделаем. Дом ещё не запираете?

- Они комнату закрывают.

Роман поражён.

- Закрывают комнату?! Как, то есть, закрывают?!

- Вбили пробой, прикрутили накладку...

- И повесили замок? – продолжает изумляться Роман. – И после этого ты мне тут про этику будешь втирать плавными движениями? Матвей, ты извини, но я прямым текстом: ты – идиот.

- Я бы не драматизировал, - неуверенно проговорил Матвей. – Тоже не люблю, если в мою комнату входят.

- Не любишь, но и не боишься. А вот они, похоже, боятся. То есть, наоборот, не боятся. Им плевать, что мы о них подумаем. И они... - Роман обернулся и увидел Арину и Ларису, только что появившихся на крыльце. – Куда собрались?

- Мы уже на военном положении? – улыбнулась Арина. – Значит, в самоволку.

Роману не до шуток.

- В какую сторону они ушли?

- Вниз по реке, - сообщила Лариса. – А что?

- Надо обыскать их сумки. Выдвигаетесь им навстречу и устраиваете засаду. Если появятся, одна бежит предупредить, а вторая отвлекает их.

- Кто отвлекает, а кто бежит? – спрашивает Лариса.

Арину, кажется, волнует другое.

- Рыться в чужих сумках будете? Э-э, на что это похоже? – произносит она как бы даже и с удивлением.

- Я тоже против категорически, - делает заявление Матвей.

Арина отрицательно мотает головой.

- Я не сказала, что я против.

Матвей изумлён.

- А что ты сказала?

- Я только лишь продемонстрировала своё отношение к таким вещам.

- А, только лишь продемонстрировала! – возмущается Матвей. –

Ладно, я в засаде, а вы делайте, что угодно.

- Но ты сказал, там замок, - напомнил Роман. – Ключ запасной имеется?

- У них, вероятно, да.

- Хозяевам должны были оставить. В гостиницах, например...

- У нас не гостиница! – отрезал Матвей.

Роман раздумывает, но не особенно долго.

- Предлагаю выдвинуться на место проведения операции для оценки перспектив.

Выдвинулись, оценили, обсудили, разработали план: лестница – оставленное постояльцами открытым окно – комната, потом снова – окно и лестница. Внутрь ползет Роман, Матвей – внизу, а девчонки... И тут обнаружилось, что Арина и Лариса куда-то исчезли. Их поискали, но не нашли.

- В план коррективы придётся вносить, - сказал Роман. – В общем, я здесь, а ты на... Ты – в боевом охранении, в дозоре, значит. Только они появляются – сразу сигнал. Три раза «ку-ку». Ну-ка!

- Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку! – прокуковал Матвей.

Роман поморщился, сказал с досадой:

- Ещё одно упущение. Ладно, пока идёшь, репетируй.

На берегу Матвею довелось посидеть очень недолго. Он ещё и не осмотрелся должным образом, как из-за прибрежных кустов показался человек, верхняя его часть. Матвей хотел поднести бинокль к глазам, но передумал. Сначала – сигнал. И Матвей прокричал:

- Ку-ку! Ку-ку! Ку-ку!

И тут произошло непредвиденное. Рич, а это был он, побежал. И очень быстро. Он на огромной скорости нёсся вперёд, стремительно приближаясь. Ещё раз подать сигнал? Но что это даст? Матвей обернулся и вцепился взглядом в окно, из которого должен был появиться Роман.

Да, вот и он! Выбирается из окна и ставит правую ногу на одну из перекладин лестницы. Как же медленно он это делает! Наконец и вторую ногу на лестницу переместил. А до земли... Раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь... До земли ещё целых девять перекладин!

Роману же представлялось, что он на удивление ловко спускается по шаткой лестнице. Хоп, хоп, и обе ноги его уже на прочной поверхности земной коры. Теперь необходимо быстренько убрать лестницу. Но для этого необходим помощник.

Роман оглянулся и остолбенел. В шаге от него стоял Рич и тяжело дышал. А ещё он – улыбался. Но улыбка его была такой, что если бы Роман сейчас мог рассуждать, то он бы придумал написать во все инстанции и потребовать, чтобы подобные улыбки были запрещены на международном уровне женевскими конвенциями навсегда.

- Русски вор, да? – попробовал улыбнуться ещё шире Рич. Но шире уже было просто не возможно из-за прочно вкрученных в голову ушей.

- Н-нет, - выдавил из себя Роман и скосил глаза сначала вправо, потом влево.

И понял, что вырваться не удастся. Если бы он мог летать... Однако даже в этом случае необходима предельная стартовая скорость, а иначе злодей выбросит перед собою руку свою страшную и ухватит недостаточно стремительно взлетающего неудачника за шиворот. Или сразу в горло вцепится жуткой клешней своей. Одной – в горло, а второй рукой накроет

голову, словно торцовым ключом, и повернёт её на триста шестьдесят градусов. Хотя уже и на триста достаточно будет.

- Вор! – повторил Рич. – Что вороват?

Вор? А почему бы и нет? – сообразил Роман. За воровство наказание не столь суровое, как за шпионаж. И Роман бухнулся на колени. Да так резво, что даже напугал Рича, не замедлившего отпрыгнуть в сторону.

- Дяденька, простите! Дяденька, жевачки захотелось! Очень жевачку люблю, дяденька!

- Отдай! – рявкнул Рич.

- Что?

- Отдай её! – повторил Рич ещё более свирепо.

- Я... бросил, - пролепетал Роман. И прибавил, теперь уже убеждённо и убедительно: – Я сбросил вниз! Где-то здесь!

- Где? – Рич принялся шарить взглядом по земле.

- В траву упало!

- О нет, только не это!

- Вон туда! Видите? – Роман дёрнул подбородком вправо, а затем ещё и рукой взмахнул.

Рич кинулся к давно не кошеному газону и принялся шарить руками в траве.

- Где? Где? Я не видит! I shall never get over it!

Роман бросился бежать. Так быстро он, несомненно, бежал впервые в жизни. А если учесть качество покрытия, то можно с уверенностью утверждать, что он поставил личный рекорд, побить который в ближайшие годы у него вряд ли получится. А на крыльцо он и вообще взлетел, не коснувшись ногами ступенек, вероятно, ни разу. Ну, или только пару раз.

Он запер дверь, взбежал на второй этаж, заскочил в комнату сестёр и вскоре оказался на балконе. Где Рич? Его же нигде не видно! Уже на крыльце и сейчас примется ломиться в дверь? И уже пора бы, если это так.

Необходимо найти верёвку, чтобы возможно было спастись бегством через балкон. А дверь этот зверь выломает в два счёта. Вместе с косяками вышибет.

- Эй! – услышал Роман и вздрогнул.

Внизу, на крыльце, стоял Матвей.

- Открой, - сказал он.

- А этот где?

- Убежал проверять, всю ли жвачку ты украл, - сообщил Матвей и добавил: - Кстати, жвачка, а не жевачка.

- Да знаю я! Я же специально! Ты почему сигнал не дал вовремя?
- Я – вовремя, но... сфальшивил, похоже, - смущённо произнёс Матвей.
Роман спустился на первый этаж и открыл дверь.
- Надеюсь, он не нашёл, - проговорил Роман, пропуская Матвея.
- Жвачку?
- Таракана. Бросился эту жвачку искать, как будто сроду её не едал.
- Ну а ты зачем эту жвачку... - начал Матвей.
- Ты идиот, что ли? – перебил Роман. – Типа этого чудища с улыбкой дурачок? Я таракана выбросил, когда он жвачку начал требовать!
- Таракана?
- Я так штучку с усиками назвал. Успокойся всё – пойдём и поищем.
«Таракана», сантиметровой длины плоскую коробочку с одной ножкой и четырьмя усиками, нашли спустя два часа. Матвей минуты две вертел «таракана» в руках, а затем вынужден был признать, что эта коробочка – неразборная.
- Будем вскрывать? – спросил Роман.
- Вскроем, допустим... - принялся вслух размышлять Матвей.
- Да, вскрываем. Какой инструмент нужен? – проявил нетерпение Роман.
- И их там много, говоришь?
- Полная сумка. Огромная! – взмахнул руками Роман. – Много-много коробок, а в них эти штуки. Тысячи! И вторая – наполовину.
- То есть, они не просто так? В коробочках?
- Ну да.
- Они откроют коробочку и увидят, что не хватает? Правильно? – не сумел скрыть тревоги Матвей.
Роман беспечно улыбнулся.
- Я её в самый низ затолкал.
- На коробочках что-то написано? Может, наклейки имеются?
Роман задумался. Потом помотал головой.
- Не знаю. Не припомню. На жвачке – да, было.
- Ну, жвачку ты рассмотрел, - проворчал Матвей.
- Сам бы и лез, раз такой умный! – огрызнулся Роман. – И я посмотрел бы на тебя, когда бы над тобой это чудовище нависло. Не понимаю, почему он так рано вернулся.

Однако вскоре и Стас возвратился в посёлок. Он двигался очень быстро, почти бежал, и Роман, с балкона наблюдавший за домом Макарыча,

где по-прежнему находился Рич, увидел Стаса только в самую последнюю секунду. И торопливо присел, укрывшись за перилами.

Спустя несколько минут, выслушав сбивчивый рассказ Рича, Стас изрёк:

- А уже хватит миндальничать!

- Миндалничат? – переспросил Рич.

- Жди меня здесь, - распорядился Стас и направился к выходу из комнаты.

- Хэлло! Мы партнёры, и ты имет обязанност... - заговорил Рич не без пафоса, однако дверь за Стасом закрылась, и он замолчал, не закончив фразы.

А Стас явился к Макарычу в кабинет и без обиняков заявил:

- Необходимы дополнительные сведения о границах.

- Зачем? – спросил Макарыч, не поворачивая головы.

- Озеро и эта дикая, опоясывающая его река, эти безумные излишки воды... В общем, наша методика даёт сбои.

- Зачем? – повторил свой вопрос Макарыч и принялся рассматривать что-то на потолке.

- Мы должны знать эти границы, как устойчивые, так и временные.

Макарыч повернул голову и прямо посмотрел на Стаса. И в очередной раз поинтересовался:

- Зачем границы, тем более не являющиеся постоянными?

- Чтобы могло быть принято верное решение.

Макарыч покинул кресло и вышел из-за стола.

- Какого плана предполагается решение, и кто его будет принимать?

- Принимать будут на самом верху. И на них ложится вся ответственность, - отчеканил Стас.

- Имена бы знать.

- Перестаньте, - усмехнулся Стас, а затем и вообще сделал такое лицо, словно его переполняет сочувствие к собеседнику, крайне сирому и убогому.

Макарыч заметно помрачнел.

- А прикинуться туристами тоже наверху велели?

- Почему это вас так волнует?

- Я живу здесь. На этой планете. И близкие мне люди – тоже.

- Близкие люди. Да, близкие люди, - проговорил, почти что пропел, Стас и навлёк на лицо маску многозначительности.

- Сожалею, помочь ничем не могу, - сказал Макарыч и вернулся за свой стол, недвусмысленно давая понять, что разговор окончен.

Стас прищурился и даже шею вытянул, словно пытаюсь рассмотреть не взрослого мужчину, скрываемого письменным столом лишь наполовину, а что-то очень мелкое по размерам и незначительное во всех прочих смыслах.

- Так-так. Ладненько. Протестный писк услышан и истолкован однозначно, - проговорил он и покинул кабинет Макарыча.

КРУГИ СО СТРЕЛКАМИ И БЕЗ

Солнце уже клонилось к закату, а Макарыч всё пытался, уже часа три миновало, разобраться, что же случилось с самолётом, почему не запускается двигатель. Он прошёлся по всем цепочкам, проверил все звенья, которые только могли эти цепочки разорвать, однако причины катастрофы так и не выявил. Он устал, перепачкался и порвал штанину, которую надо будет не забыть вечером заштопать.

В очередной раз подошёл дед Фёдор и снова принялся молча выражать своё недовольство происшедшим. Он уже оборудовал взлётно-посадочную полосу неподалёку от лиственниц, изрядно, да до изнеможения – чего таить? – потрудившись лопатой, кайлом и ломиком, и даже выкопал деревца и подготовил их к транспортировке. И такой облом. Бежать обратно, а это не менее пяти километров, и опять усаживать молодых красавиц на прежние места во избежание их гибели?

- Безвременной гибели, - вслух подумал дед Фёдор.

- Что? – откликнулся Макарыч.

- Никак, я понимаю? – спросил, неодобрительно сопя, дед Фёдор.

- Всё, кажется, перепробовал, - кивнул Макарыч. – Топливо тоже проверенное, отказов не было.

- Ну конечно! – вскинул руки дед Фёдор. – Ураган устроить, грозу, ну, или ещё какую аномалию, то – пожалуйста! Превратить благословенный уголок вселенной, райское местечко, приют вдохновенных энтузиастов!.. Да, тут мы учёные и академики! А вот оживить это чудище, эту грудку обыкновенного железа уже не в состоянии! А они там умирают, лишённые корней!

Макарыч с удивлением посмотрел на деда Фёдора.

- Вы... обрубали корни? – растерянно проговорил он.

- Что?! – вскричал дед Фёдор. – Да он ещё и издевается!

И дед Фёдор бросился прочь. И если бы он не бежал так быстро, то наворачнувшиеся на его глаза слёзы не успели бы высохнуть за то время, пока он добежал до своего дома.

- Эй! – окликнула его вышедшая на крыльцо баба Саша.

Дед Фёдор резко остановился и спрятал лицо, наклонив голову. Хотя, возможно, следовало бы, напротив, запрокинуть лицо как можно выше. «Кап-кап, сощёлк на платье...» - вспомнились слова далёкой песенки.

- Он... - выдавил из себя дед Фёдор.

- Ладно, не реви! – перебила его баба Саша. – Всякое бывает. Не думаю, что он специально. А если специально, то пожалеет.

На следующий день, проснувшись, Матвей некоторое время лежал и думал о «тараканах». Что это? Зачем? Да ещё так много. Нет, надо всё-таки отцу показать.

Матвей рассчитывал найти отца в кабинете, но его там не оказалось. Матвей обошёл весь дом, однако Макарыча нигде не было. На двери комнаты, занимаемой постояльцами, висел замок. Ушёл вместе с ними? Говорил, что никакого сотрудничества, а теперь вдруг взял и передумал?

Матвей зачем-то вернулся в кабинет и неожиданно осознал, что ему тревожно и неудобно, мыслей много, и все невнятные. Он сел в кресло отца к столу и попытался сосредоточиться. Стоит ли беспокоиться раньше времени, не имея к тому каких-либо оснований? Совершенно никаких.

И тут Матвей обнаружил, что нет фотографии двухгодичной давности, находившейся на столе все эти дни, пока он здесь. Матвей потянул на себя ящик стола, сделав это, пожалуй, неосознанно, и тотчас же знакомую фотографию обнаружил. Однако что с ней? Матвей вцепился в неё взглядом, а затем выхватил её из ящика. Нет, ему не показалось. Фото было крест-накрест перечёркнуто карандашом красного цвета. Почему? Зачем?

Матвей вскочил и принялся расхаживать по комнате, то да потому поглядывая на перечёркнутую трицу весёлых, улыбающихся людей.

Вскоре, когда он уже стоял на крыльце, пришёл Роман. Матвей молча протянул ему фотографию.

- Кто это сделал? – спросил Роман.

- В столе у отца находилась. А раньше – на столе. Но не перечёркнутая. Твои его не видели? Спроси.

- А круги? – спросил Роман, не спешивший выполнять приказание приятеля.

- Какие круги?

- Да вот же, не такие отчётливые. Видишь? – Роман ткнул пальцем в центр фотографии и передал её Матвею.

Матвей вцепился и руками, и взглядом в фотографию и увидел не очень отчётливо прорисованные круги, которых было три: маленький,

побольше и ещё один, самый большой. Над линией, обозначающей круг с максимальным диаметром, виднелась стрелка, указывающая вправо.

- Так это круги перечёркнуты, а не фотка? – с немалой долей недоумения в голосе произнёс Матвей.

- Думать надо, - ответил Роман. – Ты хвалился, что у тебя это лучше получается. Ладно, я пошёл.

Баба Саша сообщила, что только что встала, но дед Фёдор, его Роман нашёл около сарая, моментально вспомнил, что видел Макарыча где-то пару часов тому назад – он и гости прошли мимо.

- Вниз по реке? Ты не поинтересовался, куда они? – задал вопрос Роман.

- Да я их уже со спины увидел, - словно оправдываясь, проговорил дед Фёдор. – Я к сараю шёл. Верёвки взять надо было. Ну, ещё кое-что... Не стал задерживать. Мы же сейчас с бабушкой пешком... Тем более что на Макарыче рюкзакище тяжеленный был.

- Жаль, - сказал Роман.

Дед Фёдор насторожился.

- Что-то случилось?

- Случится. Обязательно, - объявил Роман и повернулся, чтобы уйти.

- Стой! – приказал дед Фёдор и схватил внука за руку. – Выкладывай!

- Что выкладывать? Я ничего не знаю. Я не знаю, а вам с бабой Сашей не интересно. Кто, зачем, почему, куда? Спросить трудно было? Враги хозяйничают в вашем доме...

- Кто – враги? Эти двое? Но что они сделали? – пожал плечами дед Фёдор. – Вот и Макарыч тоже...

- Макарыч? – уцепился за слово Роман. – Он что-то говорил?

- Ну, беспокоится он. Хотя уж больше-то, чем он за последнее время, вряд ли кто... Да при тебе же он говорил, что у них – планы! – вспомнил дед Фёдор. – И потом я подходил. Но ничего конкретного.

- Да, ничего не знаем, - согласился Роман.

- Так что не будем спешить наговаривать, - заключил дед Фёдор.

Роман постоял две секунды и ушёл. Дед Фёдор смотрел ему вслед и вздыхал тяжело. Три раза вздохнул. Потом побежал поторопить супругу, потому что предчувствие беды, зародившееся в нём уже не один час тому назад, теперь особенно окрепло. Надо срочно решить проблему (проблемищу!) с лиственницами, а потом... Да, потом.

Баба Саша всё ещё не готова была к выходу – она на кухне возилась. Спокойненько так, размеренно какую-то паршивую посуду перемещала в пространстве, гремя ею нещадно.

- Шура! – возопил дед Фёдор.

- Три минуты! – бросила через плечо баба Саша. – Ожидать на крыльце. А я там, хоть я и согласилась на роль ломовой лошади, с голоду умереть не собираюсь.

Дед Фёдор выбежал на крыльцо, потоптался некоторое время, потом обнаружил сидящего на ступеньках Матвея.

- Матвей, вы тут без глупостей, - посоветовал, пробегая мимо.

- Да мы... - начал Матвей, однако вынужден был замолчать, так как убежавший за дом дед Фёдор его всё равно бы не услышал.

- Ты с дедом, что ли? – спросил подошедший к крыльцу Роман.

- Второй круг – не совсем круг, - задумчиво произнёс Матвей.

Роман пожал плечами.

- И что? Да они все не прорисованы толком.

- Может, это озеро и река? – продолжал делиться догадками Матвей.

- Зачем бы он стал рисовать озеро и реку, а потом зачёркивать? – спросил Роман. – И там – ещё один.

- Со стрелкой, - уточнил Матвей. – И эта фотография была для него... Нравилась она ему.

- Что ты задумал?

- Я пойду вдоль реки, - твёрдо произнёс Матвей.

- Мы пойдём.

Произнося это «мы пойдём» Роман, конечно, имел в виду, что они вдвоём с Матвеем отправятся в экспедицию. Только он сам и, естественно, Матвей. И именно так его слова Матвей и расценил. Однако, экипировавшись и выйдя на крыльцо, он с изумлением увидел, что на ступеньках крыльца соседского дома сидят одетые по-походному Арина и Лариса.

- Нет! Нет! И ещё много-много раз нет! – возвестил он и торопливо спустился с крыльца. – Кто это придумал? Даже не думайте!

- Э-э, а зачем я экзамены сдавала? – высказалась Лариса, когда Матвей приблизился. – Может, мы теперь сами будем решать?

- Дипломированные, тскать, - улыбнулась Арина.

Вышел Роман и тотчас же объявил:

- Я ни при чём. Они подслушали.

- Но это же может быть... - начал Матвей и замолчал.

Да, бесполезно распространяться об опасности предприятия, не подействует. Скорее, раззадорит. Легкомысленные и безответственные девчонки. Шляться по лесу, болтать, смеяться и хихикать... Чего-то подобного и следует ожидать. И уж никоим образом их участие в мероприятии не поспособствует выполнению задачи.

А задача крайне сложная. Необходимо... Что же необходимо сделать? Отца найти – это понятно. Ну вот нашли их, скажем... Матвей поднял взгляд на Романа.

- Ты всё взял, что нужно?

Роман молча отогнул край ветровки, продемонстрировав упрямый в меховые ножны кинжал. Жест Романа не укрылся от внимания Арины, и она спросила:

- А гранаты нет? Я когда про спецуру читала, стишок придумала. Прочешь?

- Не надо, - сказал Роман.

- Он как руководство. Лариса подтвердит.

- Подтверждаю, - кивнула Лариса.

Арина вскочила на ноги и, активно жестикулируя, продекламировала:

В помещение нужно войти, где враг,

но сначала – граната, только так.

Гранату закатывать по полу, не кидать,

иначе победы тебе не видать.

Но не спеши – вторую гранату,

не выдёргивая чеки, – нате!

Уцелевший враг снова вжался пол –

входи и вяжи всех, хоть целый полк.

Если...

- Да нет у нас гранат! – перебил Роман.

- А вдруг появятся? – возразила Арина. – Там ещё дальше...

- Заткнись! – снова закричал Роман и обратился к Матвею: - Что с ними делать? Я бессилен! Я всю жизнь воюю, вся моя жизнь – сплошные поражения!

Матвей повернулся к Арине и Ларисе.

- Если пообещаете, что при первом требовании уйдёте домой...

- Да они пообещают! – прокричал Роман. – Всё, что угодно!

- И пообещаем! – заявила Лариса. – Матвей, мы обещаем.

- Да, действуем дружно командой умелой, надо быть нужной, надо быть смелой.

- Ладно, пускай идут, - подавленно произнёс Роман. – Они жратвы набрали.

ЗАЯВКА НА НОБЕЛЕВСКУЮ, ИЛИ ЖИЗНЬ С МЕЧТОЙ

- Шура! Шура! – заорал дед Фёдор. – Скорее! Сюда!

Перед тремя молоденькими лиственницами, прислонёнными к вековой сосне, стоял он в совершеннейшем ошеломлении и вцепившимися своими в собственные волосы руками пытался разорвать голову, свою собственную, на две части. Ну, или как получится.

- Да что там такое? – испугалась баба Саша и предприняла попытку перейти на рысь.

- Они проросли! Лиственницы!

- Тьфу! – обозлилась баба Саша. И, остановившись, сбросила рюкзак в траву. – Подлец! Я уж думала – медведь или волк. – И она устало опустилась на землю.

Спустя минуту молча подошёл дед Фёдор и так же, то есть и слова не проронив, остановился поблизости.

- Я хочу, чтобы ты сама глянула, - по истечении очередной минуты, отлетевшей в неизвестность, сказал он и растерянно посмотрел на жену.

- Может, передохнуть дашь? – спросила баба Саша, которая теперь лежала на спине, закрыв глаза и подставив ласковому солнышку и лицо, и шею.

Дед Фёдор вздохнул и, сцепив зубы, стал размышлять самостоятельно. А подумать было над чем. Уже не первый год он занимается не только огородничеством, но и садоводством, для которого такая жизненная форма деревянистых растений как дерево не столь уж и великая загадка. Однако подобного он не видел никогда.

А может, это революция в садоводстве? Да и во всём деле лесного хозяйствования. Обмотал корни свежевыкопанного насаждения холщовой тряпкой, прислонил его к чему-либо строго вертикальному и оставил на ночь. И всё. И ничего больше! Ура! И не надо копать ямок и ямищ, потом закапывать, окапывать, поливать. Да это же тянет на нобелевскую премию! И во всех мировых СМИ – крупно: «Человек с неоконченным высшим образованием – лауреат самой престижной премии в области...»

Да, тут вопрос. «Как, почему, за счёт чего? – скажут. – Объясните, мистер лауреат».

- Шура, мне кажется, ты уже отдохнула! – несколько раздражённым голосом проговорил дед Фёдор.

- Чего тебе от меня надо?

- Ничего. Просто пойди и посмотри. Тут рядом. Потому что я... Потому что теперь не знаю, что с ними делать. Может, их оставить придётся?

Баба Саша открыла глаза и увидела, что дед Фёдор изрядно растерян – руки разведены в стороны, глаза округлившиеся, а лицо вытянутое.

- Оставить деревья? А зачем тащились? Что стряслось-то?

- Говорю же – проросли. Корни вцепились в землю! Не посмотрел, но, кажется, даже от сосны отодвинулись! Верхушками своими!

Баба Саша решительно поднялась.

- Наверно, какую-то траву у себя там вырастил! Ну, селекционер, смотри у меня! – И баба Саша отправилась к сосне и саженцам.

Дед Фёдор пошёл следом, но с осторожностью. Не дойдя, где-то метрах в пяти от цели назначения, остановился.

- Ну!

- Ты прав, - после непродолжительной паузы ответила баба Саша. – Видимо, корни на сколько-то там сантиметров отросли – и вот. Так что двигаем обратно. Или ты их рвать будешь?

- Я с тобой хотел посоветоваться, - удручённо произнёс дед Фёдор.

Баба Саша подошла к мужу и снисходительно улыбнулась.

- Не отпускает их местный лес. Что тут непонятного? Тряпки сгнили, а корни полезли вниз.

- Но ведь и суток не прошло!

- Время – понятие относительное. Идём отсюда.

- Эта картина, когда перед домом, у реки, – три красавицы. Мечта детства, - вздохнул дед Фёдор.

- Ничего, поживёшь с мечтой ещё какое-то время, - безапелляционно заявила баба Саша. – Самое непростое в жизни – понять, какой мост перейти, а какой – сжечь. За мной!

- Ладно. Ещё раз гляну.

Дед Фёдор добрёл до огромной сосны, которая в последнее время расти вверх, похоже, уже не решалась, а только лишь раздавалась вширь, наматывая на себя годовые кольца, и убедился, что галлюцинациями здесь и не пахнет. Да, вцепились, проросли, от опоры отстранились и теперь тянутся

ввысь практически вертикально. А холстина, добросовестно окутывавшая корни ещё вчера, словно бы сгнила скоропостижно и снизу, и, частично, с боков.

- Так ты идёшь? – послышался голос супруги.

Дед Фёдор подошёл к бабе Саше, потоптался в нерешительности и проговорил:

- Хочется стоять на земле двумя ногами, уверенно.

- Вот я и говорю: не закрывай рот тем, кто пытается открыть тебе глаза.

- Кто пытается открыть глаза? – удивился дед Фёдор.

- Ты понял, - отрезала баба Саша и забросила за плечи свой рюкзак.

- Они глаза нам открывают? А почему Макарыч так испугался?

- Ну-у, Макарыч! Мы сейчас о Макарыче будем говорить?

Баба Саша собралась отправиться в обратный путь, однако дед Фёдор ухватил её за руку.

- У Макарыча – аргументы!

- Какие?

- Какие-то! Он занимается этой проблемой!

- Мы должны обеспечить всемерную поддержку, я считаю! – ответила баба Саша и попыталась высвободить свою руку, но – безуспешно.

- Несчастье входит в ту дверь, которую ему открыли. Это не твои слова? – стоит на своём дед Фёдор.

- Какую дверь мы открыли?

- Если ничего не знаем о последствиях, то считай, что все двери открыли!

«ТАРАКАН» НА ДЕРЕВЕ, ЧЕЛОВЕК В КУСТАХ

- Стоп! – взмахивает рукой Роман. – Всем стоять! – Роман подходит к поваленному дереву и садится на него верхом, как на коня.

- Привал? Недавно же был? – недовольно произносит Матвей.

Роман соскакивает с «коня».

- А ты понимаешь, что мы, как стадо слонов? Нас за километр обнаружат! Я уж не говорю про одежду. У меня-то цифровой камуфляж. И раскроен, и сшит так, что фигура не просматривается.

- Что предлагаешь? – спросил Матвей.

- Этих домой отправить, а тебя тренировать!

- Э-э, никуда нас не отправишь! – возражает Лариса и усаживается на то самое дерево, где только что очень недолго посидел Роман. – А потренироваться – пажаллста.

- На войне как на войне, - начинает раздумчиво Арина. – Да, на войне как на войне, на войне сложнее вдвойне. Действовать надо умно, к врагу подойти бесшумно.

- Заткнись, стихоплётка! – кричит Роман. – Или сейчас же все научатся ходить бесшумно, чтобы действовать... Тьфу! Понятно?

- Понятно, умно, - усмехается Лариса.

- Ну давай, давай! Приступай уже! – торопит Романа Матвей, присаживаясь рядом с Ларисой.

Роман отбегает чуть в сторону и становится таким образом, чтобы всем было достаточно хорошо его видно.

- Знаете, как ниндзя бесшумно передвигаются? И они... - начинает он.

- Да не получится у нас так, как у ниндзей! – нервничает Матвей. – Нам просто потренироваться и идти уже. И пускай кто-то, да хоть ты сам, раз уж ты такой, как сам считаешь...

- Что – я сам?

- Просто пойдёшь впереди. И дашь сигнал в случае чего.

- Ладно-ладно, прежде всего – обувь. Она должна быть...

- Мы сейчас переобуваться будем? – перебил Матвей. – Давай уже пойдём, в чём пришли. А если возвращаться...

- Всё-всё! Никуда возвращаться не будем. Чтобы шаги были бесшумные, главное – на полусогнутых...

- Что? – не поняла Лариса.

- Ниндзя, когда перемещается, всегда следит, чтобы ноги были полусогнуты. Опасность – он замер на одной ноге. Вот попробуйте замереть на одной ноге, если она прямая. Ну, давайте! Пробуйте!

- А мы можем на слово поверить? – с трудом скрывая раздражение, спрашивает Матвей.

- Да, можете, - поколебавшись, разрешает Роман. – Второе. Нogu ставим на пятку сначала, а потом уже перекатываемся на носок. Это уже надо отрабатывать. Всем встать!

- Только села, - проворчала Лариса.

Когда Матвей, Арина и Лариса выстроились шеренгой, Роман скомандовал:

- Начали! Да, чуть не забыл, на сучки не наступать, ветки отклонять аккуратно.

Спустя пять минут тренировка закончилась, и Арина объявила:

- А теперь слушаем стишок. На войне как на войне, на войне сложней вдвойне...

- Нет! Нет! – закричал Роман. – Выдвигаемся. Я, потом, метрах в десяти позади, девчонки, а Матвей – замыкающий.

- Тогда ты слушай, - приказала младшей сестре Арина. – Потом подскажешь, если что.

- Ещё и запоминать? – нахмурилась Лариса, отодвигаясь, чтобы направиться следом за Романом.

Но Арина уже шла рядом с нею и выдавала чеканные фразы:

На войне как на войне,
на войне сложней вдвойне.
Действовать надо умно,
к врагу подойти бесшумно.
Чтобы разведка прошла чисто,
врасплох захвати фашиста.
Выверни руку, заткни пасть,
ну, самой в плен не попасть.
В плену нередко бывает трудно.
Сначала допрашивать будут нудно,
затем пытаться невзирая на лица,
ну а потом уж – сыра земляца.
Вот и говорю я: нужна сноровка,
обеспечит которую подготовка.
И лениться не вздумай, золотая рота,
чтобы рожа в поту и в мыле...

Лариса остановилась.

- Чего? – переспросила она.

- Не лениться, говорю. Чтобы в поте лица. Концовку доработать, - махнула рукой Арина. – Давай догоним, пока не заорал.

Но он уже заорал. Точнее, это был крик Матвея.

- Стойте! – вскрикнул он. – Смотрите!

Оказалось, Матвею попался «таракан», который был воткнут в ствол дерева.

- Вот зачем эти штуки, - изрёк первым прибежавший на крик Матвея Роман.

- Зачем? – спросил Матвей.

- Ну, чтобы в деревья вонзаться. Видишь же, «таракан» лапкой вцепился в дерево.

- Зачем? – повторил вопрос Матвей. – В деревья-то – зачем?

- А вот тут надо сделать умное лицо и подумать. Кстати, их, этих штук, очень много. Я тебе говорил.

- Предлагаешь поискать другие?

- Просто говорю, что могли весь лес утыкать.

- Весь лес? Зачем? – в задумчивости произнёс Матвей.

- Я предлагал вскрыть, но ты отказался.

- Вскрывай, - разрешил Матвей. – Глянем на потрошки.

- Этот? Но его кто-то специально же сюда... - вдруг засомневался

Роман.

- Давай-давай, нам всем интересно! – распорядилась Лариса и посмотрела на сестру. – Аринка и та копытом бьёт.

- На войне как на войне, таракан на дереве, - покивала Арина.

- За ударениями следи, - покосилась на неё Лариса.

Роман извлёк из ножен кинжал.

- Ладно, уберите детей, я приступаю.

Потом все вчетвером изучали содержимое коробочки. Вернее, кое-кто всего лишь глянул, фыркнул и отошёл в сторону, а кое-кто ещё и пропел с искусственной хрипотцой:

Мне скулы от досады сводит:

Мне кажется который год,

Что там, где я, - там жизнь проходит,

А там, где нет меня, - идёт.

- Эй, потише там! – прикрикнул Роман на Арину, а затем подтолкнул плечом Матвея. – Ну!

- Маяк, возможно, какой-то, - ответил Матвей.

- А, радиомаячок! – обрадовался Роман. – Я так и знал!

- Думаю, не просто радиомаяк, а что-то более существенное.

Магнитный детектор, возможно.

- Найдём и спросим напрямую, - принял решение Роман. –

Выдвигаемся. Давно уже надо было выяснить, что они в наших краях делают. Думаю, это не последняя находочка.

«Находочка» и в самом деле не была последней. Однако вторая находка не шла ни в какое сравнение с первой. Действительно, или пластиковая коробочка с металлическим штырьком, хотя и напичканная под завязку электроникой, или же привязанный к дереву человек с заклеенным скотчем ртом, мычащий и с вытаращенными глазами? Что более способно ошеломить и ошарашить людей среднего детского возраста?

А если этот человек ещё и очень хорошо знакомый или даже является ближайшим родственником? Кому-то – хорошо знакомым, а кому-то – родным отцом.

- Матвей, сюда! – не оборачиваясь, махнул рукой Роман.

Он только что пришёл в себя после минутного замешательства и теперь более предметно пытался рассмотреть сидящего у берёзы, в окружении кустов шиповника, Макарыча, которого только с этой точки и видно было достаточно хорошо. Вплоть до огромных, необычно округлившихся глаз.

Матвей приблизился к Роману.

- Что?

- Ты только в обморок не падай. Там, слева, Макарыч. Он жив.

- Что?! – вскричал Матвей.

- Сюда подвинься.

Матвей сделал шаг и увидел Макарыча. И рванулся в его сторону. Но Роман бросился на него и повалил на землю.

- Пусти! – крикнул Матвей, отпихивая Романа.

- Стой! Вдруг растяжка? Могли заминировать!

Матвей и Роман ещё барахтались в траве, когда Лариса подошла к пытавшемуся что-то сказать Макарычу и содрала с его лица скотч.

- Девочка, извини. Я вас... всех напугал, - проговорил Макарыч, заглатывая ртом воздух.

Подбежали Матвей и Роман, подошла Арина. Никто не знал, что в такой ситуации следует говорить. Радоваться встрече? Однако картина какая-то не радостная – привязанный к дереву человек. Но, опять же, человек – живой, а не убитый, не съеденный гнусом, муравьями и прочими тварями вплоть до грызунов с хвостами. Он даже улыбается. Улыбка не то смущённая, не то виноватая, но – улыбка. Да, такой яркий знак если и не счастья и благополучия, то уж, во всяком случае, не горя, тоски и печали.

Но что необходимо делать, Роман знал. И принял инициативу на себя.

- Мины, гранаты, растяжки имеются? Вы были в сознании, Макарыч? – задал он первые вопросы. – Раны, повреждения конечностей имеют место быть?

- Нет, никаких мин и гранат, - ответил Макарыч и заторопился. – Но вам необходимо срочно уходить. Они отошли, но они вернутся.

- Мы уйдём вместе, - ответил Матвей и толкнул Романа в бок. – Режь! Роман выхватил из ножен кинжал и очень быстро справился с опутывающим Макарыча скотчем.

- Но у меня что-то с ногой. Я просил наложить шину... - опять виновато улыбнулся Макарыч.

- Мы сделаем, - заявил Матвей. – Какой длины нужна? – И протянул руку, чтобы получить от Романа нож.

- Буквой «гэ». Ступня. Я прыгнул, чтобы попытаться через речку... Но вам необходимо срочно уйти и спрятаться. В Воробьёвку и ещё дальше.

- Прятаться от этих упырей?! – поразился Роман, передавая Матвею нож.

- А иначе... их позиции усилятся. Они уже намекали, - печально улыбнулся Макарыч.

- Мы уйдём все вместе, - уже откуда-то из-за кустов отозвался Матвей.

С НАДЕЖДОЙ НА КОНВЕНЦИИ О ПРАВАХ ПЛЕННЫХ

Макарычу наложили шину и изготовили костыль, однако уйти смогли не все. Матвей двигался в арьергарде, когда на его правое плечо легла чья-то рука. Матвей дёрнулся вперёд, однако вражеская длань мгновенно сместилась влево и обхватила его шею. Рывок, и Матвей утратил опору под ногами. Ещё мгновение, и он падает лицом в траву. Поднять голову не получается, но можно дрыгать ногами и мычать, отфыркиваясь по причине колюще-щекочущего воздействия растений и запутавшихся в них прошлогодних листьев.

- Лежат! Молчат! – приглушённо рокочущим громом прозвучала команда.

Да, лучше помолчать. И не вовлекать в беду остальных. Он останется в плену, зато остальные уйдут. «Отряд не заметил потери бойца, и «Яблочко»-песню допел до конца. Лишь по небу тихо сползла погода на бархат заката слезинка дождя...»

Слёзы, похоже, действительно уже катятся, и катятся неудержимо. Предстать перед врагом в слезах и соплях? Матвей сунул правую руку в травяной покров, к которому было прижато его лицо, однако Рич тотчас же вцепился в эту руку и завернул её Матвею за спину, проделав это предельно жёстко. Матвей невольно вскрикнул.

- Молчат! – повторил Рич.

- Подними его! – распорядился подошедший Стас, и Рич рывком поставил Матвея на ноги. – Матвей, если не ошибаюсь? – Стас нагнулся и заглянул Матвею в лицо. – Матвей, ты не бойся. Если нам никто не будет мешать... А вообще, нам помощь нужна. Твой отец отказался, но это он не подумал. Он же тебя любит?

- Возможно, - сказал Матвей и левой рукой (правая по-прежнему была завёрнута за спину) смахнул с лица и травинки, и слезинки.

- Да конечно любит, - улыбнулся Стас и обратился ласково к подельнику: - Малыш Рич, отведи-ка его к той осинке. А я подожду – кто-то всё равно придёт.

Пришёл Роман. Он увидел сидевшего на пеньке и грызущего соломинку Стаса и остановился метрах в пятнадцати.

- Рома, сынок, иди сюда, - проворковал Стас и выпятил губы, словно для поцелуя.

- Где Матвей? – Роман отбросил в сторону полу ветровки и положил руку на эфес... Роман правой ладонью накрыл рукоятку ножа.

- Нож покажи! – сказал Стас. – Может, в качестве подарка заберу.

- Где Матвей? – повторил вопрос Роман. – Или это война?

Употребив слово «война», Роман сам внутренне содрогнулся. А если это такая война, на которой международные конвенции о правах пленных не действуют? Потерять друга? Но это недопустимо!

Последний раз он, Роман, оглядывался как раз где-то в этом месте – Матвей тащился в самом конце колонны. Ну, или медленно шёл, прикрывая тыл. И где он теперь? Может, в кустах лежит, обездвиженный и лишённый возможности издавать звуки? Или он со вторым, с этим чудовищем заокеанским?

- Где Рич? – спросил Роман.

- Да я вот думаю, с тобой что делать. Нам Макарыч нужен. Ты бы сбежал, а? – Стас надел маску слёзного просителя и даже носом шмыгнул.

- Я-то сбежал бы, но Макарыч не прибежит. Он и идёт-то еле-еле. Верните Матвея!

- В обмен на Макарыча, - холодно процедил Стас и стал похож на пленённого фашистского генерала с надменно вытянутым лицом.

Роман повернулся и побежал. А что он мог сделать? Напасть с ножом на Стаса и потребовать... Да, было бы здорово. Он приставляет острие кинжала к его глотке и чеканными фразами излагает свои требования. И уже нечаянная струйка крови сбегает по безумно гладкому льду лезвия, а из глаз

перепуганного врага вырываются фонтаны горячих слёз, выбрасываемые рвущимися наружу всхлипами.

Однако попробуй приставь. Преимущество в весе, росте... И – подлый. Если он так спокойненько сидел и ждал – значит, что-то приготовил. У него, у бандюги, может, даже пистолет с собой. Ты взмахиваешь вооружённой кинжалом рукой, а он выхватывает пистолет и стреляет. Звонкий щелчок, и в руках у тебя – раскалённая рукоятка с отбитым наполовину клинком. Второй выстрел – и пуля пробивает твоё запястье навывлет. Изуродованный первым выстрелом кинжал вываливается из ослабевшей руки и исчезает в траве, щедро поливаемой в эту минуту твоей брызжущей из раны кровью, горячей, алой и молодой.

Роман резко замедлил бег и левой рукой вцепился в запястье правой. Что же делать? Предположим, Макарыч вернётся к этим двоим, и Матвея отпустят. Или не отпустят? Всякий знает, что чем больше рычагов управления ситуацией, тем лучше.

Однако Макарыч категорически отказался пойти сдать Стасу и Ричу.

- Но... Матвей же!.. – опешил Роман. И поднялся с пня, на который только что присел.

- Уступки террористам ни к чему хорошему не приводят, - ответил Макарыч. Затем опустился на траву и принялся укладывать повреждённую ногу таким образом, чтобы боль чувствовалась как можно меньше.

- Так они именно террористы? – сочла необходимым уточнить Арина, вынимая блокнот из накладного кармана брюк. – На это слово рифм более чем достаточно.

- Я сейчас возьму палку, - повернулась к сестре Лариса, - и буквально за каждую рифму...

- Всё, поняла! – перебила её Арина и сунула блокнот обратно в карман. – Молчу, не видишь? И что они ему сделают? Не убьют же.

- Они очень спешат, - с грустной улыбкой ответил Макарыч.

- Спешат? Почему? – спросил Роман.

- Завтра, ну, или через неделю или месяц мощности может не хватить.

- Мощности чего?

- Не знаю. Они намерены с помощью так называемых индексов выгородить участок. Он должен быть минимальным.

- И по нему шандарахнут? – выпучил глаза Роман.

- Не знаю, что это будет по форме, но, боюсь, по последствиям... - Макарыч вздохнул и покачал головой.

- А если эта зона окажется очень большой? – прищурился Роман.

- Это может их остановить. На время, во всяком случае. И не потому, что индексов недостаточно.

Роман радостно потёр руки.

- Намечайте маршрут. За пределы. И смело ведите. Только предупредите за два – три часа.

- Что мы там увидим? – спросил Макарыч, и в глазах его блеснул огонёк надежды.

- Трупы птиц и зверей, погибших от неизвестной болезни. И насекомые тоже будут.

- Ты будешь убивать зверей?! – поразилась Арина.

- Я говорил про неизвестную болезнь, - парировал Роман. – Слушать надо внимательно.

Лариса раздражённо сказала:

- Я слушала, но тоже не поняла.

- Ладно, извольте подробности моего плана, - сказал Роман и изложил подробности своего плана.

Выслушав Романа, Макарыч заявил:

- Нет, это недопустимо. Это смертельно опасно. Вы можете не вернуться.

- Один раз уже вернулись, - ответил Роман.

- Запах газа не ощущался?

- Вроде, да, - пожал плечами Роман.

- Сколько времени от первого трупа до того, что встретился последним?

- Да чуть не час. Или даже больше. Достаточно большой овраг. Мы его – Мёртвым ущельем я его назвал – весь облазали. Совершим набег всей толпой, ну, цепочкой пройдемся, чтобы по-быстрому. Лариска, Аринка, дед и бабушка ещё поучаствуют. Найти бы только их.

Арина замотала головой.

- Нет-нет, я пас. Это разрушит мою психику.

- Идти придётся по намеченному маршруту, - сказал Макарыч. – Если бы развернуть. Но... не получится. Слишком уж веские причины нужны.

Роман долго не думал.

- Там имеется утёс со скалой и большими камнями на верхушке. От него ведите строго на север. Вы же не можете быстро. И там всё время немного в горку. Допустим, ровно два километра. А мы – напрямую.

Макарыч поднялся на ноги и взял поданный ему Романом костыль.

- Идёмте домой. Соберём всех, вы отправитесь, а уж потом...

Лариса возмутилась:

- А Матвей всё это время будет в плену? Хорошо же вы придумали!

Макарыч, не ответив, направился в сторону посёлка. Роман собрался последовать за ним, однако Лариса обеими руками вцепилась в рукав его ветровки.

- Куда? Он же твой друг! – крикнула в отчаянии. – А если бы твоя сестра, я или Арина, на его месте оказались?

Роман резким движением освободился от захвата и двинулся за Макарычем.

- Да ладно, Лариска, что они ему сделают? – обняла сестру Арина. – Он им живой нужен. Он нужен живой, как приманка для зверя. Живой, живой... Рифму на это слово...

- Заткнись! – прорычала Лариса.

Арина почувствовала себя виноватой.

- Извини, сестричка. И... не раскисай. Они прибегут.

Арина оказалась права. Стас появился, когда Роман, Арина и Лариса, наскоро перекусив, вышли на крыльцо. С рюкзаками, в которых не было ничего, кроме резиновых перчаток, полиэтиленовых пакетов и вместительных клетчатых сумок. Собрать все «челночные» сумки решено было после того, как обнаружилось отсутствие деда Фёдора и бабы Саши. Где их искать? По мнению Макарыча, они могли отправиться за лиственницами. Однако если сначала идти за ними...

- Нет, этот вариант не подходит, - принял решение Роман. – Сами справимся. Но тебе, Арина, придётся пойти с нами.

- Ладно, выпью валерьянки, - загрустила Арина. – Хотя водка больше бы подошла.

А Стаса первым увидел Макарыч, вышедший на балкон «Александрии».

- Ребята, не задерживайтесь, уходите быстро! – крикнул он. – Этот тип на подходе!

Роман и Арина торопливо сбежали по ступенькам с крыльца, но Лариса не двинулась с места.

- Я хочу спросить, - сказала она и хмурым взглядом уставилась на приближающегося врага.

- Лариса, уходи, пожалуйста! – попросил Макарыч.

- Лариска! Эй! Ты чего встала? – прокричал Роман. Они с Ариной были уже напротив дома Макарыча.

Лариса была непоколебима. Она стояла и ждала. И дождалась. Стас подошёл и, стоя у крыльца, принялся осматриваться. На Ларису посмотрел, на Макарыча, на стоящих в нескольких десятках метров Романа и Арину.

- Что-то я не понимаю, - проговорил он, удивлённо округлив глаза, и повторно всех осмотрел. – Макарыч, на счету каждый день, каждый час. А Матвей кушать просит.

- Я сейчас приготовлю! – дёрнулась Лариса.

- Девочка! – прикрикнул Стас, мгновенно превратившись в «домомучительницу». – Детскими своими делами займись. У тебя куклы, поди, не накормлены. Или описались.

- Отпустите Матвея! Или я за себя не ручаюсь! – выкрикнула Лариса.

- Девочка, мы отпустим, - нежным голосом произнёс Стас. – Но... пускай пока побудет с нами. Ладно? В качестве гостя. А то пойдём с нами. А? Но от комариков сможешь отбиваться только одной рукой. Поняла? Ручка к ручке с ним будешь.

- А я согласна, - с готовностью отозвалась Лариса.

- Лариска! – снова позвал её Роман.

Лариса задумалась, потом посмотрела на Стаса и погрозила пальцем.

- Лично ответите!

Она спустилась с крыльца, обошла Стаса и побежала к поджидавшим её брату и сестре.

- Куда это они? – обратился к Макарычу Стас.

- Опята пошли. Первая волна.

ИНТЕРЕСНА ЛИ АМЕРИКА ХОЗЯИНУ ТАЙГИ?

Матвею показалось, что откуда-то донеслись человеческие голоса, и он, вскинув голову и вытянув шею, весь обратился в слух. Звуки человеческой речи слышались вновь. Вероятно, слева. Матвей повернул голову и вскрикнул от неожиданной боли, причинённой уткнувшимся в его горло остриём ножа. Оказалось, что Рич, прежде располагавшийся позади Матвея и на некотором удалении, теперь находится почти вплотную к своему пленнику.

- Молчат очен тихо! – приказал Рич. – Speech is silver but silence gold.

И шелохнуться было страшно, но всё же Матвей, осторожно разлепив вдруг пересохшие губы, произнёс:

- Я не боюсь!

- Ты жит не хотет, а кто-то хотет. Так бывает.

Дед Фёдор и баба Саша, бурно что-то обсуждавшие, прошли в нескольких десятках метров. И всё это время Матвей просидел с ножом у горла, стараясь не шевелиться. Он решил, что чем меньше людей будет втянуто в это дело, тем лучше. Подай он сейчас голос, привлеки своим криком внимание деда Фёдора и бабы Саши – что произошло бы? Буквально уже в следующее мгновение что случилось бы? Матвей вздрогнул. Крупно и резко.

К счастью, Рич уже опустил вооружённую ножом руку куда-то вниз. А наткнись сонная артерия Матвея на остро отточенное лезвие кинжала, и разгорячённая кровь фонтаном хлынула бы в беспощадно яркую зелень травы. И уже не вернёшь пролившейся, и уже не перекроешь путь остальным несколькими литрами жизненно необходимой алой жидкости, гонимой встревоженным сердцем.

А если убежать? Да, убежать, а потом уже всем вместе организовать отпор неприятелю. Ведь их же больше, намного больше. Арину и Ларису, конечно, можно не считать. И некоторых других бойцами можно назвать с большой натяжкой. Да вот и он сам тоже. Попался подобно щенку какому. Просто ухватили его за шею, словно цыплёнка, и... Дальше даже вспоминать не хочется.

Да и как убежишь от этого стерегущего, как только что выяснилось, каждое твоё движение зверя, если ещё и ноги обмотаны скотчем? Вот если бы завладеть ножом, которым Рич теперь поигрывает. С показной беспечностью. Ну а как? Обездвиженный малолетка и великовозрастный громила с кинжалом наизготовку – это как смотрелось бы со стороны?

Поэтому то в землю воткнёт, то в дерево, то меж пальцев, словно циркач, покрутит. Владеет ножом, следует отметить, очень неплохо. Тоже надо было научиться. Выкроить время и потренироваться. Даже если меч понадобится один раз в жизни, носить его нужно всегда. Сейчас бы придумал что-нибудь, чтобы отвлечь внимание надзирателя, да и завладел бы оружием. А там уж... Действительно, уж. Нет, надо как-то иначе, без поножовщины, к которой ни морально, ни психологически не готов.

Кто-то тронул его за правое плечо. Да кто... Рич и тронул, потому что они вдвоём были. Матвей повернул голову и уже, кажется, открыл рот, как вдруг наткнулся взглядом на испуганно округлившиеся глаза Рича.

- Тихо! – прошептал Рич и прижал к своим губам указательный палец. Потом этим же пальцем указал влево.

Матвей повернул голову и обомлел. А мурашки быстро-быстро пробежали по спине, снизу вверх, и многолапо вцепились в затылок. Медведь

был совсем близко. Точнее, он не очень близко находился, однако незамедлительно пожаловавший страх по своему произволу мгновенно что-то уменьшил, а что-то (кого-то) увеличил. Настолько увеличил, что Матвею показалось, что он видит эти поедаемые медведем с кустов малины ягоды.

- Он видел нас? – спросил Матвей, почти беззвучно, одними лишь губами обозначая звуки.

Рич помотал головой, а затем пожал плечами.

- Что делат, говори! Это ваш медвед. Медвед и тайга!

- Его тайга, - сказал Матвей.

- Ваш медвед, - повторил Рич. – Давай!

Матвей был весь в напряжении. Да, весь напрягся, от кончиков ушей и до самых до пяток. И мозг, кажется, был в работе. Вот только о результатах этой работы сказать было нечего.

- Тайга – его, лес – его. И он тут... - бормотал Матвей. – Он здесь хозяин. Не любит... гостей хозяин.

- Но лес – ваш! – прошипел Рич.

- Да, хозяин в нашем лесу. Читал же...

Матвей пытался вспомнить, что по поводу встречи с медведем там говорилось. Лист распечатки с инструкцией он помнил неплохо. Такой грязноватый, с загнутыми концами, абзацы один от другого на расстоянии... Проклятье! Причём тут абзацы? Да, как раз в первом абзаце про неожиданную встречу с медведем и было.

- Ну! – торопит Рич.

- Шуметь надо. Там, где можно встретиться с медведями, надо шуметь. Песенки, музыка, смех... Чтобы не наткнуться.

- Мы уже!.. Вот он!

- Нельзя бежать – догонит. И на дерево – нельзя. И плавает. Быстро плавает. Когда ребята в первый раз сюда приезжали, то речку он переплыл...

- Замолчат! – вскрикнул Рич. – Нет речка! Далеко!

Медведь повернул голову и посмотрел в их направлении. А потом развернулся всем туловищем и принялся нюхать воздух. Рич и Матвей втянули головы в плечи и замерли, словно истуканы каменные. Но тем сохранять неподвижность не особенно сложно, они неодушевлённые. То есть у них душа не уходит в пятки, а потому и не колотится бешено в груди готовое выпрыгнуть наружу сердце.

Медведь направился в их сторону. Матвей собрался вскочить на ноги и вспомнил, что ноги его соединены скотчем.

- Ноги! – выдохнул он.

Рич качнул головой.

- Он догнат.

- Связаны! – простонал Матвей и принялся руками тереть скотч, которым были обмотаны его ноги в области лодыжек.

- Если я бежат, а ты оставаешься, то медвед... - вцепившись взглядом в соединённые скотчем ноги Матвея, пробормотал, словно в лихорадке, Рич и аккуратно переместился в позу низкого старта. – Если ты оставаешься...

- Не знаю, - честно признался Матвей, подписывая, возможно, себе смертный приговор.

На лице Рича отразились и паника, и сомнение. Он с опаской повернул голову в сторону медведя и с некоторым облегчением сообщил:

- Он стоит и смотрит.

Да, медведь прекратил двигаться в их сторону.

- Возможно, готовится к броску, - высказал предположение Матвей.

- Что делает? Говори! – поторопил Матвея Рич.

В памяти Матвея начали всплывать какие-то новые отрывки из инструкции.

- Если бы мы были с подветренной стороны и он нас ещё не увидел, то можно было бы незаметно...

- Замолчат! – перебил Рич. – Он смотрит на нас и ненавидит!

- Ой! – вскрикнул Матвей. – Нельзя же в глаза смотреть! Надо в сторону! И разговаривать с ним, чтобы понял, что человек... Что мы люди!

Матвей отвернул голову в сторону и принялся изо всех сил стараться не смотреть на зверя.

- Говори с медвед! – приказал Рич.

- Вы говорите, а я ещё буду вспоминать, - отказался Матвей, кося взглядом на медведя. – И – вместе! Держаться вместе, написано! Чтобы много, большой такой и опасный...

- Не знаю, что скажут! – заволновался Рич.

- Про Америку, - подсказал Матвей.

- Да ему эта твоя Америка...

- Моя? – возмутился Матвей.

- Так говорится. Хорошо, моя.

- Про законы. Если бы меня на его место... Это правда, что у вас там... Правда, что у вас нельзя улыбаться, если нет зубов?

- Нет, это какой-то штат.

- А поливать лужайку во время дождя?

- При чём тут лужайка?! – прошипел Рич.

- Ну расскажите про рабство, про силиконовую долину, про каньоны и кактусы! – в отчаянии прошептал Матвей.

Медведь сорвался с места и понёсся в их сторону, стремительно и шумно. Матвей и Рич непроизвольно прижались друг к другу. Оба и одновременно. Почему Рич, сидевший на корточках, не стартовал, Матвей не знал. Да и думать на эту тему было некогда. Может, ноги у него отнялись. Но в любую минуту он вскочит и убежит. Матвей поднырнул под локоть левой руки Рича и, прижавшись лицом к его животу, обхватил американца руками.

Медведь, резко затормозив, остановился в десятке метров от жертв.

- Он стоят! – принялся отталкивать от себя Матвея Рич.

Матвей повернул голову и посмотрел на медведя, казавшегося теперь огромным и безумно страшным.

- Это предупреждение, - выдохнул Матвей и поспешил отвести свой взгляд от бездонно тёмных глаз медведя.

- Отпускает? – спросил Рич.

- Да, он нас отпускает. И мы уходим, - громко произнёс Матвей, стремясь к тому, чтобы его голос звучал как можно более уверенно и не дрожал. – Мы никого не трогаем. Мы очень миролюбивы. Мне только надо освободить ноги. Ноги у меня до сих пор обездвижены, и я не могу отсюда обратиться. Ну! – Матвей подтолкнул Рича локтём.

- Я не быт уверен, - неуверенно проговорил Рич.

- Двое вместе – мы одно большое и опасное. Это из инструкции!

- Он увидит нож и...

- Нож не пахнет порохом! – перебил Матвей. – Без резких движений!

Ещё секунду поколебавшись, Рич, наконец, перерезал стреноживший Матвея скотч. И оба, по-прежнему тесно прижимаясь друг к другу, поднялись на ноги. Медведь, словно готовясь к прыжку, чуть подался назад.

СБОР ТРУПОВ, ВЫНОС ПОЛУТРУПА

Роман, Арина и Лариса приближались к Мёртвому ущелью. Роман, шедший впереди, замедлил шаг, а потом и вообще замер на месте и прислушался.

- Что такое? – спросила Лариса.

- Я не слышу птиц, - ответил Роман.

Арина хмыкнула и сказала:

- Ты звук отключал? Стучал же дятел только что.

- Я тоже слышала, - подтвердила Лариса. – Но это где-то далеко.

- Не умничайте. Сейчас начнётся, - ответил Роман и сбросил с плеч рюкзак. – Если лиса или заяц – в один пакет, мелочёвку – в другой.

- Ещё и сортировать? – скривилась Арина.

- Что потяжелее – заберу потом. Ну и – в ваши рюкзаки что-то...

Чтобы ручонки у вас не оторвались.

Роман извлёк из своего рюкзака клетчатые сумки и надел перчатки. Лариса и Арина последовали его примеру.

- А нос не надо заткнуть? Ведь запах, наверно, - с отвращением разглядывая свои обутые в розовые перчатки руки, проговорила Арина.

Роман не ответил. А потому что, решил он, хватит трепаться. От этих гримз, похоже, толку немного. Поэтому он будет бегать, как заведённый. Он сам насобирает столько... Да, он сам набьёт сумки, насколько сможет. Главное, не медлить, не терять времени, чтобы не получилось так, что кто-то из девчонок потеряет сознание и грохнетя в обморок. Попробуй-ка потом вытащи и трупы, и полутрупы на своём одном-единственном горбу.

У спуска в овраг Роман дал команду рассредоточиться, и уже спустя секунды и слева, и справа от него начались крики и визг. Да он и сам едва не вскрикнул, когда впервые наткнулся на мутный взор свесившейся с пенька головы вороны. А потом было множество бурых наземных лягушек, сороки, один рябчик, синички, три дятла, щеглы, вороны, две совы, лисица, заяц, бурундучок, две белки, ёж и россыпи жуков, блестящих и тусклых.

Затем Роман призвал к себе сестёр и, изрядно поднагрузив их, велел отправляться наверх.

- А я метеором, - сказал он.

- Ты не задерживайся, - посоветовала Арина и повела взглядом из стороны в сторону. – У меня уже голова кружится и в горле что-то вроде спазмов.

А Роман потому и принял данное решение, что тоже почувствовал некоторые изменения пугающего характера в своём состоянии. Окружающая действительность вдруг приобрела необыкновенную яркость, а все звуки словно бы приглушились и обрели эхо. И он уже несколько раз оступился и едва не упал, потому что земля под его ногами перестала быть неподвижной. Она то приближалась так близко, что он мог разглядеть отдельные травинки, то вдруг удалялась настолько, что Роман ощущал себя как бы парящим в воздухе.

И ему, можно сказать, повезло, что «метеором», как планировал, не улетел он слишком далеко. Метров на тридцать всего лишь и удалился Роман от девочек, как его вдруг подхватила некая неведомая сила и понесла резко в

сторону, а затем бросила (ногами он за что-то зацепился) на кучу сухого валежника, который и огласил окружающее пространство очень громким треском, привлéкшим внимание Ларисы.

- Ты слышала? – обратилась она к Арине, разворачиваясь на сто восемьдесят градусов. – Там кто-то живой деревья ломает.

- Перестань, тут все мёртвые, - отмахнулась Арина.

- Треск был жуткий. А может, это Ромке медведь косточки крошит.

Медведь мог и выжить. Запросто.

- Роман! – крикнула Арина. – Эй! Ромка, ты где?

- Ромка-а-а! – проорала Лариса, стараясь придать голосу максимум пронзительности.

Роман не отозвался, хотя и слышал, что его зовут. Хотел, но не получилось у него. Нижняя часть лица шевельнулась, но рот не открылся почему-то. Выяснилось вдруг, что иногда это может оказаться невысказанно трудно. Онемело лицо, мышцы его занемели и отключились.

Встать получилось, но ненадолго. Он снова полетел в сторону и вниз. Хорошо, что опять с треском и под аккомпанемент собственного мычания. Арина и Лариса прибежали и помогли ему подняться. А потом поволокли к выходу из оврага, осознав в полной мере, что Мёртвое ущелье необходимо покинуть как можно быстрее.

Но ситуация усугубилась – Роман вдруг прекратил переставлять ноги. Сказал что-то нечленораздельное и повис на сёстрах, уронив голову себе на грудь.

- Бросаем, - объявила Лариса и остановилась.

- Что?! С ума сошла! – вскричала Арина.

- Сумки бросаем.

Но и налегке вытащить Романа из ущелья оказалось делом невероятно трудным. Последние сто или двести метров его просто волокли по земле, ухватив за руки. А потом рухнули, не сговариваясь и даже не обменявшись предварительно взглядами.

- Он живой? Посмотри! – проговорила Лариса, частично восстановив дыхание.

- Сама посмотри! Вдруг мой брат умер! – отказалась Арина.

- Вообще-то, он и мой брат. И ты – старшая! И все удары судьбы обязана принимать первой!

- Но не такие же!

- Вот именно такие – первой! – заупрямилась Лариса.

Арина переместилась в сидячее положение и зажмурилась. Собравшись с силами, повернула голову влево и приоткрыла один глаз. Но ничего не увидела, так как из глаз её, даже из того, который был плотно зажмурен, хлынули слёзы.

- Не вижу! Я его не вижу! – в отчаянии воскликнула Арина.

Лариса вскочила на ноги. Оценив обстановку, сказала:

- Дура! А я уж думала... Куда, думаю, он мог подеваться? – Лариса опустила на колени и прижалась ухом к груди Романа. Спустя полминуты проговорила неуверенно: - Кажется, один или два раза стукнуло.

- В начале или в конце?

- Чего? – не поняла Лариса.

- Тук-тук, и – тишина, или тишина, а потом – тук-тук? – пояснила свой вопрос Арина.

- Господи, за что мне это? – посетовала Лариса. – Зеркальце давай, у тебя есть, я знаю. И вспоминай, как там и что дальше, если человек умирает.

- Искусственное дыхание и массаж сердца, - ответила Арина, передавая складное зеркальце сестре.

- Незачёт! – оценила ответ Арины Лариса и, раскрыв зеркальце, поднесла его к лицу Романа. – Массаж – уже когда смерть наступила. А если человек ещё жив...

- А он жив?

- Вспоминай! Отвлекаешь тут...

Роман оказался жив. Это же подтвердило и дёрнувшееся вдруг веко. Лариса похлопала Романа по щекам, а потом принялась давить пальцами под мочками ушей.

- У нас же аптечка есть! – вспомнила Арина. – В моём рюкзаке! Мы же специально, чтобы во всеоружии...

- Просто достань её и дай мне нашатырь! – перебила её Лариса. – А что и как, в мемуарах распишешь. Все поэты перед смертью их сочиняют.

Прошло очень много времени – так показалось Арине и Ларисе, - прежде чем Роман пришёл в себя. Не просто всего лишь открыл глаза и переместился в сидячее положение, а именно начал осознавать, кто он, где и почему.

И почему нет сумок.

- Вы их бросили? – спросил, уже наверняка зная ответ.

- Приходилось выбирать, - пожалала плечами Арина.

- Ждите, я скоро, - ответил Роман и вскочил на ноги.

И пошатнулся. Голова сильно кружилась. Роман расставил руки в стороны, но ухватиться было не за что. На помощь пришла Арина, она быстро поднялась, подставила своё плечо и сделала попытку усадить Романа на землю.

- Ты не сможешь! Ты чуть не умер!

- Надо! А иначе...

- А ну сел быстро! – приказала Лариса. Она вплотную подошла к брату и объявила: - Второй раз я тебя вытаскивать не буду. Почему? А потому что сама не хочу там остаться. У меня, к твоему сведению, голова раскалывается.

- Можем не успеть, они придут, а там... - возражал Роман и пытался обойти Ларису.

Но Лариса и не думала отступить.

- А уверен, что действуем правильно? Может, они лучше знают, что делать.

Роман поражён.

- Эти уроды?!

- И что, что уроды? А я лично Макарычу не очень доверяю! – вдруг сделала заявление Лариса.

- Предатель! – выкрикнул Роман, затем оттолкнул Ларису и бросился бежать в сторону ущелья.

- Думай, что предкам будем говорить! – приказала Арине Лариса и уселась на землю. – А ещё лучше, если стишок придумаешь. И эту, как её, забыла... Ну, надпись на могилку сочини. Здесь покоится и так далее.

- Здесь сын и брат покоится в могиле... - начала Арина, присаживаясь рядом с сестрой.

- Заткнись! – оборвала её Лариса.

- Чего?

- Просто заткнись!

Уж сколько дней настроение у Ларисы было ни к чёрту, а теперь испортилось совершенно. Да, похоже, до старости она одна доживёт. Если доживёт, конечно. А уж эти братец её и сестрица долго не протянут. Один безбашенный, вторая... С этой сложнее, но хрен редьки не слаще. Водил бы её кто-нибудь за ручку всю жизнь – другое дело. Но кто ж за ней уследит? Или кипяток на себя прольёт, или в бассейне утонет, подбирая рифму.

- Кстати, слышь? – Лариса обернулась к Арине. – Сестрица, ты бы уже переходила на стихи без рифмы. Говорят, такие больше ценятся.

- Больше ценятся? – удивилась Арина.

- Не все понимают, что это не проза. Потому, говорю, платят больше.

- Откуда инфля?

- Не помню. Но это точно. Так что не сомневайся. Ясно? – Лариса поднялась и посмотрела в сторону ущелья. – Сиди тут, я быстро.

И Лариса убежала. Вскочившая на ноги Арина не знала, что ей предпринять. Бежать следом? Или всё же ожидать здесь, как и было велено Ларисой? Младшая, а командует без зазрения совести. Надо будет поставить вопрос ребром. А то что же получается, в самом-то деле? Форменный бардак и несправедливость. Будь они хотя бы одного роста и комплекции... Да, в этом случае начальственные проявления младшей сестры выглядели бы не столь вызывающе. И не так обидно было бы. Ну, типа, да, она, вот эта вот, сердитая, с хмурым лицом и складкой промеж бровей, - начальник.

КТО УМРЁТ ПЕРВЫМ?

- Сегодня не могу, - сказал Макарыч и покачал головой. – Болит нога жутко. Давайте завтра, прямо с утра. Я костыль сделаю. Идёмте!

Макарыч, оставив кресло, поднялся.

- Нет, мы пойдём сегодня. Сейчас же, - улыбнулся Стас и тоже поднялся на ноги.

- Если бы я мог... - проговорил Макарыч, разворачиваясь в сторону двери.

Стас тронул его за плечо.

- Не пойдём сегодня – Матвей потеряется. Такое сплошь и рядом.

Макарыч замер на секунду, затем посмотрел на Стаса.

- Готовы убить ребёнка?

Стас удивлённо округлил глаза.

- Вы такие глупости говорите! Но в чём-то вы правы. Да, задача должна быть выполнена. Мы не можем проиграть.

- Поймите: это не игра. Это может обернуться катастрофой вселенского масштаба. Я не удивлюсь, если зеркальное отражение...

- Да знаем мы про это отражение! – перебил Стас и рассмеялся. – Кстати, там уже всё готово.

- Так значит... - Макарыч в волнении прошёлся по балкону, туда и обратно. – Значит, я напрасно надеялся. Я просто успокаивал себя! Так вы хотите и оттуда, и отсюда?

- Да, получится такая сквозная дырка, которую никто не увидит. Там же, я просто говорить не хотел, уже некоторые слои земной коры сползают в воронку.

- А если, продырявленная, сорвётся с орбиты? Со свистом.

Стас развёл руками в стороны и беззаботным голосом произнёс:

- Преобладает мнение, что нет.

- Но почему не было никакой информации?

- Была. На местном уровне. Но быстренько засекретили. У нас, между прочим, тоже уже сделали. Так что ни грантов, ни премий вам не светит. И...

- Стас поднял кверху указательный палец. – И вы, я заметил, не очень-то и хромаете. Две минуты на сборы.

Макарыч остановился напротив Стаса и усмехнулся.

- Я буду вам помогать? Да вы с ума сошли. Недопустимо стремиться выжить любой ценой.

- Речь о вашем сыне, - напомнил Стас.

- Он умрёт первым, мы – чуть позже! – сказал Макарыч и уселся обратно в кресло.

- В наличии и дети ваших соседей. Да-да-а-а. Вы помните? – проворковал Стас и опустил в кресло напротив Макарыча.

- У вас или ваших родственников тоже, вероятно, дети имеются.

- А они-то при чём? – как можно более искренне «удивился» Стас.

- Диспутов с идиотами не веду! – отрезал Макарыч, а потом поинтересовался: – Вы, кстати, кандидат или доктор?

- В прошлом году докторскую по физике защитил. Эта у меня уже вторая.

- Вторая? Значит, нынче не дорого. Начну десятки в копилочку совать.

Стас рассмеялся, а затем предпринял определённые меры, чтобы улыбочка задержалась на его лице на неопределённо продолжительное время. А как иначе? У него же не осталось рычагов воздействия на несговорчивого оппонента. Конечно, возможно, что это всего лишь бравада, и когда его сына...

Чёрт! К чему обольщаться? Перед ним фанатик. Подобных ему разоряли, гнали, ссылали, сжигали на кострах, вешали, четвертовали и усаживали на кол. Их нынче не так много, количество их приметно уменьшилось, однако их пример, их слово в эпоху информационную...

Убить! Необходимо срочно убить этого человека! Стаса даже затрясло. Затрясло так, что он вынужден был сунуть руки подмышки. Получить необходимую информацию и убить! Вот только оба эти слова: и

«информация», и «убить» - на противоположных полюсах. Заставить, заставить, заставить! Стас вцепился взглядом в Макарыча. Боль! Только физическая боль! Рич! Надо бежать за Ричем! Или Макарыча доставить к Ричу.

- Хотите пообщаться с сыном? – спросил Стас, состроив милую улыбочку.

- Я никуда не двинусь с этого места, - ответно улыбнулся Макарыч.

- Вы понимаете, что... - прищурившись, заговорил Стас.

- Вы уже поведали! – не стал слушать Макарыч. – Убьёте Матвея и приметесь за остальных детей.

- Но надо же как-то урегулировать...

- Урегулируем, - улыбнулся Макарыч. – Кто придёт к нам с мечом...

Помните, да?

- Я, вообще-то, не откуда-то там... - проговорил Стас. – Я ни откуда не пришёл. Мои мама и папа – инженеры, которые тракторный завод в Чебоксарах подняли с нуля. Они...

- Они живы или сейчас в гробах переворачиваются? – перебил Макарыч.

- Ваша бескомпромиссность...

- Компромиссы не всегда допустимы! – не дал договорить Макарыч. – А бесполезные дискуссии предлагаю отложить до завтра. Я отправляюсь отдыхать.

Макарыч поднялся и направился к выходу с балкона. Стас вскочил на ноги.

- Я убью вас!

- Что? – Макарыч обернулся к собеседнику и увидел, что в руках у Стаса находится пистолет.

- Если сейчас не пойдёте со мной, я убью вас! Понимаете, чем это грозит?

Макарыч посмотрел на тёмное пятно, ограниченное светлым срезом круглого дула.

- Ну да, умру.

- Я не об этом, - возразил Стас. – Возможно, мы проиграем. Или – нет. Вы не поможете, но и не воспрепятствуете. А может, лишняя пара квадратных километров не сыграет никакой роли? Допускаете? Никто ж не знает.

- Не пара, - покачал головой Макарыч.

- Доказательства?

- Ладно, я представлю, - принял решение Макарыч и ухватился за дверную ручку балконной двери. – Сейчас пообедаем и... В общем, никаких гонок. У меня и в самом деле болит нога.

ДВА СНАРЯДА В ОДНУ ВОРОНКУ

Матвей и Рич, после того как отошли, удались от готового к последнему броску медведя, долго бежали, а затем, бесконечно измученные, присели на полусгнивший ствол некогда рухнувшего дерева. Однако почти тотчас же Рич поднялся и быстро осмотрелся по сторонам.

- Нет, ложный страх, - проговорил с облегчением и, недолго подумав, перешагнул через бревно. – Я буду смотреть в тот направлении. И ты не дремат. Окей?

- Снаряд два раза в одну воронку не падает, - сказал Матвей.

- Что это значит? – спросил Рич, присаживаясь.

Матвей резко развернулся в сторону Рича.

- Убирайтесь, пока хуже не стало! Вот что это значит! – выкрикнул он и указал направление, махнув рукой в сторону.

- Э-э, if you can not bite, do not show your teeth.

- Вы не поняли. Мы с Романом вообще ничего плохого не сделали, а чуть не погибли! И не один раз!

- Я очен подготовленный. – Рич приосанился и принялся поигрывать ножом.

Матвей усмехнулся.

- Хотели скормить меня медведю, но боялись, что за вами погонится. Я заметил.

- Нет, фрэндик, я думат, как спасат я и ты. Два человек. Все. Никто не должен погибат. Я – американец. Смелост, храброст. Америка защищат вес мир против все угрозы.

- Я понял. А как отключить? – усмехнулся Матвей.

- Что?

- Word better business.

- О, трепач! Так меня не называют никто и никогда! Я...

- Тихо! – кричащим шёпотом произнёс Матвей. – Кто-то идёт!

И оба прислушались. Точнее, Рич принялся вслушиваться в звуки окружающего леса, а Матвей всего лишь делал вид. Потому что он таким нехитрым приёмом решил прервать словоизвержение Рича.

Однако оказалось, что кто-то и в самом деле приближается, легко шебурша прошлогодними листьями за кустами боярышника, из-за которых выбегала едва приметная тропинка.

- Ползат? Он на живот ползат?! – встревожился Рич и сжал рукоятку кинжала так, что вся кисть его правой руки, от костяшек пальцев и аж до предплечья, побелела радикальным образом.

Спустя несколько секунд стало ясно, что перепугавшие Рича звуки по непонятной причине стихли.

- Надо посмотреть, - сказал Матвей.

- Да. Давай! – взмахнул вооружённой рукой Рич, но тотчас же спохватился. – Стоят!

Рич вынул из кармана разгрузки скотч.

- Я могу пообещать!.. – вскричал Матвей.

- Нет! – поколебавшись, ответил Рич и быстро и ловко запястья рук пленника соединил скотчем. – Вперёд!

Матвей поднялся и быстрым шагом направился к тропинке. А спустя три секунды он уже стоял и смотрел в немигающие глаза лисы, грязно-рыжей, приземистой, некрасивой. А лиса глядела на него и о чём-то размышляла. Ну конечно, она о чём-то думала, что-то просчитывала, строила какие-то планы. А должна была просто развернуться и убежать.

Матвей внимательнее посмотрел ей в глаза, и ему стало страшно. Вызов! Во взоре лисы, таком, какой характеризуют как взгляд сверху вниз, был вызов и... неприкрытая наглость. Матвей попятился, и лиса сделала несколько очень быстрых шагов вперёд. Матвей, глазам своим не поверивший, ещё чуть отступил назад, но лиса вновь незамедлительно сократила расстояние между ними.

- Эй! Идите сюда! – крикнул Матвей, растерянный, напуганный и совершенно не представляющий, что ему следует предпринять. – Она ненормальная!

Подошёл Рич, с выражением презрения на лице уставился на зверя, сказал:

- Кыш! Кыш! Вон!

Лиса не двинулась с места. Рич с удивлением посмотрел на Матвея.

- Больная, возможно, - заключил Матвей и вытянул перед собою связанные руки. – Мне даже на дерево не забраться.

Рич отрицательно помотал головой. И тогда Матвей пнул Рича в ногу. Потом во второй раз и в третий. И продолжал бы пинать, однако Рич сумел отскочить в сторону.

- А-а-а! – зарычал он, испепеляя Матвея взглядом.

Но Матвей смотрел не на него, а на лису, и в глазах его был ужас. Лиса подкрадывалась к Ричу.

- За... Защищайтесь! – с трудом выговорил Матвей.

Рич обнаружил приближение ощерившего зверя и взвизгнул. А потом повернулся и побежал. Лиса бросилась за ним. Матвей, полагая необходимым как можно скорее освободить руки, торопливо осмотрелся и поспешил к устремившимся в небо крепким пикам смолистого пня, оставшегося после гибели сломленного ураганом дерева.

Потом Матвей, периодически оглядываясь, бежал в посёлок, надеясь оказаться там раньше Рича. И это вполне допустимо, ибо Рич и лиса умчались в северном направлении. Да и... Да, вот именно, что не известно, чем закончится (или уже закончилась) схватка Рича с лисой, убежать от которой вряд ли под силу даже «подготовленному» американцу. А если догнала, а если и в самом деле состоялась схватка, то...

Матвей живо представил, как эта уродливая зверюга, оскалив острую мордочку, бросается на него самого, и ему стало невообразимо жутко. Загрызёт же! А если и не погибнешь, то живого места на тебе уж точно потом не отыщется. Хотя если она больна, что более чем вероятно ввиду неадекватного её поведения, то и одного укуса будет достаточно, чтобы вирус бешенства промчался по нервным путям и поразил клетки коры головного мозга.

Матвей замедлил бег, а затем и вообще остановился. Вернуться, чтобы отыскать Рича и оказать ему помощь? Но у него с собой ни спирта, ни йода. А раны пострадавшего, если он жив, необходимо предварительно ещё и промыть с мылом или иным детергентом.

Просто вернуться, чтобы... Чтобы – что? Однозначного ответа не нашлось, и Матвей, терзаемый сомнениями, продолжил путь. А спустя пять минут нос к носу столкнулся со Стасом. Со Стасом и отцом. Но Макарыч шёл вторым, изрядно поотстав от спутника, или, что более верно, от своего конвоира.

Увидев Стаса, Матвей непроизвольно дёрнулся, готовый броситься наутёк, однако в этот именно миг обнаружился показавшийся из-за поворота Макарыч.

- О-ой, да мы растеря-я-явшись, - расплылся в улыбке Стас.

- Я кое-что сообщу, и вы тоже будете «растерявшись»! – отомстил Матвей.

- О-ой да неужта? – продолжает жить в образе старухи-сказочницы
Стас. – Ой, ой, ой! Чё жа тако у нас приключилось-та?

- Вообще-то, я под охраной был, в плену, - усмехается Матвей.

Подошедший Макарыч окидывает сына встревоженным взглядом.

- Матвей, что случилось? Где тот тип?

Матвей смотрит на Стаса.

- Тоже интересно? Ладно. Его погнала лиса.

Стас всем лицом демонстрирует работу мысли, хотя мерзкая улыбочка его, кажется, никуда пока не делась.

- За лисой погнался?

- Его погнала лиса! – стараясь выговаривать слова максимально отчётливо, произносит Матвей. – Он побежал, а лиса – за ним. Если жив, ему необходима медицинская помощь, полагаю.

- Бешеная лиса? Она напала? Она укусила? – Стас пытается расстаться с уже прижившимся образом.

Матвей пожал плечами.

- Не знаю. Когда найдём его или то, что от него осталось...

- Идёмте! – принимает решение Макарыч.

- Спасать? – уточняет Матвей.

«Тянуть время», - мысленно отвечает сыну Макарыч, а вслух говорит:

- Может, ему действительно необходима помощь.

Стас колеблется, затем ворчит:

- Ладно. Но если ты, - Стас тычет пальцем в сторону Матвея, - убежишь, отца твоего пристрелю.

Однако спасателей постигла неудача. Спираль поисков, в течение часа развёрнутая до полукилометра, результатов не дала. Точнее, результат был, но – отрицательный.

- Что это значит? - расстроился Стас.

- Его здесь нет. Он, возможно... где-то далеко, - безжалостно улыбаясь Стасу в лицо, объявляет Макарыч.

Стас злобно оскаливается, затем суёт руку под ветровку и выхватывает из плечевой кобуры пистолет.

- Продолжаем по плану! Малейшее ослушание карается...

- По закону, - подсказывает Макарыч.

- Да плевать мне на закон!

Матвей смотрит на Стаса и понимает, что тот в данный момент не в маске ни в какой. Не до лицедейства ему, взбешённому и встревоженному. И чтобы осуществить задуманное, он пойдёт на всё.

К аналогичному выводу приходит и Макарыч.

- Оружием размахивать – дурной тон, - миролюбиво произносит он. – Возвращаемся на маршрут.

Когда подходили к утёсу, от которого следовало повернуть строго на север, Макарыч, зливший Стаса тем, что усиленно хромал и сбивал темп многочисленными остановками, потребовал очередного привала в связи с необходимостью поправить носки.

- Я пристрелю твоего сыночка! – заорал Стас, впавший в неопишное бешенство.

- Перед тем, как стрелять, рекомендую ненадолго включить мозги, - ответил Макарыч, присаживаясь на пенёк.

- А я вижу его! – сообщил выдвинувшийся на пару десятков метров вперёд Матвей.

- Кого? – обернулся Стас.

- Сами посмотрите. – И Матвей взмахнул рукой, указывая направление.

Стас подбежал к Матвею, откуда был прекрасный вид на утёс и одинокую фигуру Рича, сидящего на голом сером камне огромных размеров.

- Рич! Рич! – закричал Стас. – Иди сюда быстро!

Рич поднял взгляд на Стаса и Матвея, а затем отрицательно замотал головой. Стас с недоумением посмотрел на Матвея.

- Может, лиса где-то здесь! – насторожился Матвей и принялся осматриваться.

Стас тоже глянул по сторонам, а затем побежал к Ричу. Когда Матвей, отправившийся следом, приблизился к венчающему утёс каменному гиганту, до него донёсся чей-то всхлип. Впрочем, и всхлипы, и некое подобие насильно удерживаемых рыданий производит верзила Рич, на которого просто жаль смотреть. Он даже в размерах уменьшился, съжившийся и сгорбившийся, с прижатыми к животу кистями рук и туда же подтянутыми коленями.

- Рич, успокойся! У нас мало времени! – слышит Матвей слова Стаса.

- Форс-мажор никто... никто не отменяет. Down and out, - всхлипывает Рич.

- Рич, лиса уже... Да, по своим делам давно... Пошли, а? Мы должны. Понимаешь? At any price.

- Нет, нужен гарантий! – Рич принимается рукой вытирать под носом, издавая шмыгающие звуки.

Стас скривился.

- Ну о чём ты, Рич? Она же не укусила тебя?

- Я прыгат дерево! Я подготовленный! – вскрикивает Рич и начинает дрожать как в лихорадке.

- Ну вот. It could have been worse. Shit happens.

- I shall never get over it! – Рич шумно втягивает в себя содержимое покрасневшего носа.

Матвей вынул из кармана бумажные носовые платки и протянул упаковку Ричу. Рич выхватил её из руки Матвея и заорал:

- Вон! Пошёл! Я убиват тебя!

- Меня? – поразился Матвей.

Стас обернулся к Матвею.

- Иди! Ты же видишь. Да и кому понравится, когда какой-то сопляк...

- Сопляк тот, кто сопли размазывает, - возразил Матвей и столкнулся с полным ненависти взглядом Рича. Такой взгляд ещё называют испепеляющим. И Матвей, несколько смущённый, добавил: - Да ладно, я и сам до сих пор в шоке. It was a great fun.

- Личный враг! Ты! – вскочив как ошпаренный, выкрикнул Рич.

Матвей пожал плечами, однако на пару шагов сдал назад. Личный враг – это серьёзно. Это почти как идеологический.

НА ЛЕСНЫХ ТРОПИНКАХ ВОЙНЫ

Отсутствие детей обнаружилось, когда дед Фёдор и баба Саша, вконец вымотанные и едва живые, вернулись домой.

- Где они бродят? Думала, покормят, - повалившись на кушетку в столовой, сказала баба Саша.

Дед Фёдор присел рядом и проговорил:

- Когда шёл мимо вешалки... Да и рюкзаков нет.

- Нет рюкзаков? Что это значит?

- Ещё не вернулись.

Баба Саша переместилась в сидячее положение.

- Чего ты мямлишь? Откуда они не вернулись?

- Они ещё утром куда-то... Смотрю – Лариса у холодильника...

- Почему мне не сказал?

- Я подумал... Точнее, я в это время... Я боялся забыть что-нибудь. Не ближний путь. Я забуду, а ты...

- Рот закрой! – не стала дальше слушать баба Саша. – С рюкзаками – от холодильника, значит?

- Да. Немножко как бы и согнувшись шли.

- И в тебе ничего не шевельнулось? Ну, мысль, чувство.

- Я же их люблю, ты знаешь! И до этого, когда я разговаривал с Романом...

- Когда он назвал их врагами?

- Ну да. Но он же ребёнок!

- А ты недоумок! Одно дело – враг абстрактный, а другое – враг твоих близких. Собирайся!

- Хочешь их догнать?

- Хочу их спасти! – ответила баба Саша.

Словно плетью огрела. Дед Фёдор хотел задать несколько или даже больше, чем несколько, вопросов, но удержался. Да, не время разговоров. Атмосфера пропитана опасностью. Если бы он не был в такой степени вовлечён во все эти садово-огородные проблемы, то и сам давно бы понял, что эти неприятные субъекты – не просто люди, с которыми не хочется общаться просто так или неизвестно почему, а по той причине, что они...

Дед Фёдор встряхнул головой и взял себя в руки. Хватит фантазий! Он всего лишь подчинится высшей силе. Он уступит жене, ибо да убьют... Ну, не это главное. Жена сказала – надо, муж ответил – есть. Помидоры он сегодня уже не подвяжет, а вечером, когда они вернутся (раньше очень зрелого вечера возвратиться не получится), он и вишни польёт. Те, которые полить следовало ещё с утра, так как не полил их вчера вечером.

Баба Саша и дед Фёдор шли большее часа. А потом, на привале, баба Саша сказала:

- Они мне признались.

- Кто?

- Эти двое.

- Признались? В чём?

Дед Фёдор не знал, что думать. А баба Саша держала паузу.

- Да, признались, - повторила она спустя минуту длиной не менее чем в шестьдесят секунд.

- Ну!

- Их задача – обеспечить уничтожение аномальной зоны.

- Не понимаю, - пробормотал дед Фёдор.

- Угроза всему. Погасить в зародыше.

Дед Фёдор ошарашен. Уничтожить! Чтобы одержать победу всего лишь над каким-нибудь вшивеньким сорняком, необходимо порой столько усилий приложить, что...

- Убьют всё! – выдохнул он.

- Чего ты мелешь? – рассердилась баба Саша.

Дед Фёдор не ответил. Думать надо, а не с этой дурой разговаривать. Не зря Макарыч уже несколько дней как в воду опущенный. Он раньше всех прочухал. Уничтожить! Неужели это возможно? Впрочем, наука не стоит на месте. То, что вчера ещё казалось фантастикой... Бомба, напалм, биологическое оружие, химическое...

- А лица – мёртвые, - сказалось вдруг.

- Что? – спросила баба Саша, оборачиваясь.

- Я сам с собой.

- Перекуси! – баба Саша сунула деду Фёдору бутерброд.

- Но пасаран! – сказал дед Фёдор, принимая бутерброд из рук жены.

- О чём ты? – насторожилась баба Саша.

- Макарыч... Мы с Макарычем не допустим.

- Зря, похоже, сказала, - вздохнула баба Саша.

- Костьми ляжем! – объявил дед Фёдор, с остервенением поедая бутерброд. – Я, во всяком случае.

- Ой, да я жена героя, никак, - улыбнулась ехидно баба Саша.

- Да хоть вдова! – заявил дед Фёдор и запихнул остатки бутерброда в рот. – Найду, спеленую и выпровожу.

- Думаешь, они так, мимо проходили?

- Да кто бы за ними ни стоял!.. – твёрдо произнёс дед Фёдор и поднялся на ноги. – Идём!

Не верилось, конечно. Многие годы размеренной, вялой, унылой жизни, когда всё решается-разрешается как бы само собой, а задачи предлагаются вместе с единственно верным ответом, сделали своё подлое дело – превратили его в тряпку. Он даже удовольствие научился получать от такой жизни. Ну а как? То яблонька зацвела, то ещё где-то чего-то завязалось.

Дед Фёдор забросил за плечи рюкзак и вышел на тропинку. Или встал на тропу войны. Вскоре его догнала баба Саша.

- Федя, давай будем благоразумными.

- Будь какой угодно! – отмахнулся дед Фёдор.

- Нам придётся бросить дом и уйти.

- Значит, уйдём.

- С ума сошёл! – закричала баба Саша. – Мы победим!

- Мы?! – поразился дед Фёдор. Он остановился, развернулся на сто восемьдесят градусов и теперь с изумлением смотрел на бабу Сашу. Глядел на свою супругу таким взглядом, словно впервые её видел. – Кого – победим? – спросил неосознанно, на автомате.

- Имеет значение? – улыбнулась баба Саша. – Сделай всё, что сможешь, а в остальном положишься на судьбу.

Баба Саша увидела Макарыча и замерла на месте. Дед Фёдор также притормозил.

- Что случилось? – спросил он.

- Тсс! Макарыч на пеньке сидит! – сообщила баба Саша и плавно, словно опытный, со стажем партизан, присела, сместившись вправо, поближе к дикорастущей акации.

Дед Фёдор в недоумении.

- Так он же может знать про детей!

- Да сядь ты! Не отсвечивай! – раздражённо сказала баба Саша. – Со стороны понаблюдаем.

- За Макарычем? Зачем? – недоумевает дед Фёдор. Тем не менее выполняет приказ «не отсвечивать».

- Доверься моему опыту.

- Опыту?

- Три года в комсомольском оперативном отряде и замужем четвёртый десяток, - поясняет баба Саша.

Дед Фёдор ещё ищет связь между комсомольским оперативным отрядом и замужеством, а у бабы Саши уже готов план действий. План действия-противодействия. Противодействия всем сторонам вплоть до момента окончательного прояснения сущности происходящего и всех, без исключения, нюансов и оттенков.

Между тем в зоне видимости бабы Саши и деда Фёдора появляются Стас, Рич и Матвей, к которым направляется поднявшийся с пенька Макарыч.

- Компания, прямо скажем, выглядит неоднозначно, - произносит баба Саша.

- Ну а где наши внуки, Шура? – тревожится дед Фёдор. – Я вижу только Матвея!

- Черепаха движется вперёд, если высовывает голову наружу.

- Что?

- Проследим за ними. Ты понял? – Баба Саша уткнула указательный палец в грудь деда Фёдора. – Ты – в десяти метрах. Я остановилась – ты замер. Рот открываешь строго по команде.

Дед Фёдор кивает.

- Команда «Голос!» Я знаю.

РОТАЦИЯ ПЛЕННИКОВ, НЕУДАЧНАЯ

- Э-э, я помню этот много-много пенёк! А там гнилой толстый дерево!
– вскричал Рич и бросился вперёд. – Да, иди смотрет сюда. Вот этот дерево.

Стас и Макарыч подошли к нему.

- Да, пеньки и дерево. И что? – спросил Стас.

- За два ден назад не был труп. Было хорошо и прекрасно.

- А теперь трупы, - кивнул Стас. – Старые и вонючие. Да. Это как?

Стас обернулся к Макарычу и глазами, круглыми от удивления, не то подлинного, не то искусственного, на него воззрился. И Рич также уставился на Макарыча. С улыбкой на лице и отражениями неизвестных, но явно не добрых мыслей во взоре.

- Что? – спросил Макарыч. – Вы меня в чём-то обвиняете?

- Мы проходили здесь позавчера, - снисходительно улыбнулся Стас. – Не было мертвечины.

Макарыч пожал плечами.

- А вчера была.

Стас подошёл к валявшемуся неподалёку трупу совы и ногой отшвырнул его в сторону. Затем нагнулся и принялся всматриваться в траву.

- Да скорее уж сегодня она тут прилегла. Но даже если и вчера... -

Стас вынул пистолет, приставил его к голове неосторожно приблизившегося к нему Матвея и посмотрел на Макарыча. – Может, закончим игры?

Матвей замер. Что происходит? Его хотят убить? За что? Почему? Ясно, что это каким-то образом связано с трупами зверей и птиц, по неизвестной причине здесь оказавшихся. Да, только это и понятно.

Из кустов выскочила баба Саша.

- Ах ты, мерзавец! – выкрикнула она и побежала к Стасу.

- Стоять! – приказал Стас, направляя на неё ствол пистолета.

Макарыч подскочил к Стасу (о больной ноге он забыл) и обеими руками вцепился в его вооружённую руку. А затем прокричал:

- Матвей, беги!

Матвей метнулся в сторону, однако Рич побежал ему наперерез. И он изловил бы беглеца, не настигни и не останови его отчаянный вопль Стаса.

Рич развернулся и бросился выручать подельника, который один противостоял бабе Саше, Макарычу и присоединившемуся к ним деду Фёдору. Налетевший подобно урагану, он несколькими ударами нейтрализовал деда Фёдора и бабу Сашу, сбив их с ног. Ну а после этого

ударом ноги сломал руку Макарычу, только-только нагнувшемуся, чтобы поднять с земли выпавший из руки Стаса пистолет.

А Матвей домчался почти до самой реки, когда мысли в его голове начали приобретать некоторую определённую. Куда он бежит? Зачем он бежит? Почему он бежит? А что происходит сейчас там, откуда он только что дал дёру? Да он же трус! Он бросил в беде своих, чтобы спасти собственную шкурку! Стыд-то какой! Ужас! Ужас! Ужас!

И снова и снова эти же самые мысли – по кругу.

Матвей, минуту назад перешедший на шаг, достиг тропинки, сопровождающей речку к её устью, и остановился. Идти обратно? Да, пожалуй. Но если враг победил, то чем он сможет помочь отцу, бабе Саше и деду Фёдору? Которых или пленили, или... Нет, только не это!

Матвей отправился в обратный путь. Однако бежать быстро теперь не получалось – уставшие ноги плохо слушались. И то одной ногой он споткнётся о неприметное препятствие, то второй оступится, угодив в прикрытую травой и листьями ямку.

А что он может сделать, вернувшись на поле битвы? На что он способен? Наброситься с кулаками (с кулачками) на вооружённых ножом и пистолетом врагов, чтобы пополнить группу пленных?

Но с чего он решил, что всё так плохо? Предчувствие? А не всегда следует доверять предчувствиям, под которые нередко маскируется обыкновенный страх перед неизвестностью. Возможно, отец таки завладел пистолетом Стаса и развернул ситуацию в противоположную сторону. Может быть, Стас и Рич уже обезврежены и, как говорится, дают показания, торгуясь на предмет снисхождения ввиду смягчающих обстоятельств, на ходу, вероятно, изобретаемых. Типа, дети у них малолетние, жёны безработные, а родителям престарелым кашку они варить подписались пожизненно, без перерыва на отсидку. А ещё они в школе хорошо учились и по месту работы характеризуются положительно.

Вот только на кого они работают? Да ещё так нагло. Широчайшие полномочия или иллюзия безнаказанности? Второе, скорее. Но это мы ещё посмотрим.

Матвей прекратил бег, решив дальше двигаться осторожно. Важная задача – не обнаружить себя раньше времени. Бойца из него не получилось, но разведчиком стать он обязан. Найти и проследить. Куда-то же они двинутся. Если уже не убрались с того места.

Однако никого Матвей не нашёл, только вымотался окончательно. А прими он правее градусов на тридцать, результат мог быть иным. Опоздал он,

в общем, так как компания, состоящая из пленных и их конвоиров, ушла на юго-восток.

Впереди был Стас, в арьергарде – Рич. А центральная группа состояла из бабы Саши, деда Фёдора и Макарыча. Идти им было очень неудобно. Первые наручники соединяли правую руку бабы Саши и левую руку деда Фёдора, вторые – правую деда Фёдора и левую руку Макарыча. А правая рука Макарыча с примотанной к предплечью палкой в качестве шины болталась на изготовленной из скотча перевязи. Так что Макарыч, замыкавший троицу пленников, даже не имел возможности отмахиваться от хлеставших его по лицу веток. Просто то пониже нагибал голову, то приседал вплоть до перехода на гусиный шаг, что с его травмированной ногой было особенно болезненно.

Если бы ещё скорость передвижения была не столь велика. Однако Стас безумно спешил. Он почти бегом преодолевал очередные пять – десять метров, втыкал в дерево индекс и нёсся дальше. И только когда Макарыч в очередной раз кричал ему, что следует взять левее, замирал, а потом медленно поворачивался.

- Как это левее? Почему левее? – спрашивал, вращая выпученными глазами, Стас.

- Ещё раз объяснить? – усмехался Макарыч, останавливаясь и подбирая для больной ступни наиболее комфортное положение.

И Стас смирился.

- На сколько градусов?

- Десять.

- Правее-то будет когда-то?

- Не скоро, - отвечал Макарыч, и по тону его можно было понять, что он не боится показаться злорадным. – Впрочем, я вам не указ. Если хотите провалить дело...

- Да ладно, ладно! – раздражался Стас и становился похожим на разговаривающего со Штирлицем Мюллера.

Потом был привал, и баба Саша, хмуро глядя на Макарыча, процедила:

- А может, хватит? Ты же погубишь нас всех.

Макарыч поднял на неё глаза и заметно растерялся. Смутила его концентрация неприязни, сквозившей во взгляде бабы Саши. Он оглянулся на расположившихся неподалёку Стаса и Рича и, стараясь говорить негромко, но достаточно убедительно, произнёс:

- Нет иного выхода! Я не вижу!

- А их вариант? Там все дураки? Тем более – в штатах.

- Не дураки, но... Есть вещи, которые недопустимы! Это нужно просто... понимать.

- А я считаю, защищаться надо! – повысила голос баба Саша. – Раковую опухоль – вырезать!

- Чего-о-о? – вытянул шею Стас.

- Да не с тобой! – отмахнулась баба Саша. Но спустя секунду развернулась в сторону Стаса. – А был бы ты поумнее... Был бы, хотя бы, повежливее, может, и облегчила бы тебе и гамадриле задачу.

- Александра Васильевна! – воззвал к ней Макарыч, встревожившись не на шутку. – Это же, как сердце, которое бьётся!

- Да ладно, я должна быть уверена, - успокоила его баба Саша.

Стас подошёл, присел рядом.

- Мы можем договориться, - проворковал он едва ли не на ушко бабе Саше. – У вас ведь и дом не совсем достроен.

- Мы достроим! – угрожающе прошипел дед Фёдор, затем поднялся на ноги и развернулся в сторону Стаса.

Стас вскочил и сделал пару шагов в сторону.

- Следующий ход за мной! – процедил сквозь зубы. – А ну встали все!

- Стас! Эй! – позвал Рич. – Мой фрэндише, имется предложений.

Будем проводит совещаний.

Стас ещё раз окинул пленников свирепым взглядом, а затем пошёл к подельнику, чтобы «проводит совещаний».

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ МОГИКАН

Матвей обошёл посёлок с севера, потом долго лежал на пригорке, около люка погреба, осматривая оба дома и прилегающую территорию. И когда уже пришёл к выводу, что в поселении никого нет, на крыльцо «Александрии» вышел Роман. Матвей ошалел от радости. Он почти уж вскочил на ноги, однако вовремя вспомнил о возможной опасности вновь оказаться в лапах врагов. Нет, необходимо быть предельно осторожным.

Роман между тем, постояв некоторое время в раздумье, сошёл с крыльца и направился в противоположную от Матвея сторону. Матвей поднялся и бросился догонять Романа. Он сбежал с пригорка и вихрем промчался мимо обоих домов. Откуда и силы взялись.

- Ромка!

Роман обернулся, а затем торопливо направился ему навстречу.

- Тебя отпустили? – воскликнул он радостно.

Матвей помотал головой.

- Сбежал. Из-под дула пистолета. Бросил всех.

- Всех?

- Отца и твоих.

- Моих?

- Бабу Сашу и деда Фёдора. Я вернулся, но не нашёл никого.

Выслушав подробности, Роман потемнел лицом. Роман помрачнел, и Матвею стало совсем уж нехорошо. А что он хотел? Рассчитывал на слова утешения? Так он не пятилетний мальчик, по неосторожности зашибивший коленку, а почти взрослый человек, который обязан нести ответственность за свои поступки. Тем более – за проявленную слабость и предательство.

И Матвей, вздохнув, проговорил:

- Слабое звено. Да... в таких условиях...

- Да, мирное население надо срочно эвакуировать, - решительно кивнув, заявил Роман.

- Что? – не понял Матвей.

- Арину и Ларису надо спрятать.

- Отправить в Воробьёвку? – сообразил Матвей. – И – полноценные партизанские действия?

- Было б здорово. Но как их уговорить? – Роман пожал плечами.

Арину и Ларису уговорить удалось, не без труда и не сразу, но – получилось. А поначалу ерепенились, напоминая о своих заслугах в общем деле борьбы и противостояния.

- А если бы не мы... Ну, не Лариска, смелая и самоотверженная... - горячилась Арина. – Где бы ты сейчас, Ромка, лежал бездыханный? В Мёртвом ущелье?

- Вы ходили в Мёртвое ущелье? – поразился Матвей.

- Да, собрали трупы и расширили зону, - ответил Роман. – Вот откуда там они.

Затем обсудили и утвердили план эвакуации. Однако действия будущих партизан противник просчитал. Матвей, Роман, Арина и Лариса (трое последних находились в кабине трактора, а Матвей – на подножке) не проехали и двух километров, как Роману пришлось экстренно тормозить, чтобы не наскочить передними колёсами на перегородившую дорогу кучу невнятного происхождения. Пеньки, брёвна, ветки деревьев...

- Да как будто кто-то специально!.. – возмущённо заговорил Роман и осёкся, увидев выходящего из леса человека.

- Да, специально, - сказал Матвей и покрепче ухватился за ручку. Он не побежит.

А Роман кричит:

- Драпаем!

- Нет! – отвечает Матвей. Он никого и никогда больше не бросит.

Однако Роман знает, что делать.

– Врубаю заднюю! – выкрикивает он.

Трактор дёрнулся назад, приостановился и опять дёрнулся. И поехал, набирая скорость. Ни Рич, только что самодовольно улыбавшийся, ни появившийся за его спиной вальяжно вышагивающий Стас, видимо, не ожидали подобного. Они и в погоню не сразу бросились, принявшись махать призывно руками, мол, куда и зачем, мол, давайте-ка обратно, к нам, к умникам таким.

А потом, конечно, побежали. По кочкам, ямкам и ямищам бездорожья, чертыхаясь, спотыкаясь-оступаясь и опять чертыхаясь. И – сокращая потихоньку расстояние, отделяющее преследователей от безумно виляющего из стороны в сторону трактора с повизгивающими пассажирами внутри.

- Руль – ровней! – кричит Матвей Роману.

- Я и так! – огрызается Роман.

- Не крути резко! С дороги слетишь!

- Да вырывает же его! Сам бы попробовал!

- А крепче нельзя держать, спортсмен-надомник? – возмущается Лариса. – Мозг уже, как отбивная!

- Чтоб не пришлось Ларисе плакать, крепче за баранку держись, шофёр, - поёт Арина.

- Я помогу, - говорит Матвей и, просунув руку в открытое окно дверцы, хватается за руль.

- Да куда?! – вопит Роман. – Вывернуло же! – И бьёт Матвея по руке.

- Ну и держи сам!

- А ты назад смотри! – взывает Роман. – Я не успеваю!

- Э-э-э! Догоняют! – кричит Лариса.

- Даю максимум! – откликается Роман.

Изматывающая и беглецов, и преследователей гонка продолжается. Только трактор, кажется, пребывает в состоянии взвинченного азартом воодушевления. Он резв, игрив и подчинён безумно яркому ритму. И даже невозможно представить, каким видится его усмехающаяся физиономия тяжело глотающим встречный воздух преследователям, лица которых перекошены, а круглые глаза скачущих по рытвинам вращаются едва ли не

быстрее, чем колёса расшалившегося трактора. Они, эти колёса, разбрызгивают лужи, бьют наотмашь сухие бугры и вспарывают нагромождения непросохшей грязи.

- Заболотил дождь... Дождь дороги заболотил... – произносит Арина. – Это я сейчас, или кто-то уже успел? Едут люди с похорон. Потный трактор пашет землю... Чёрт! Это из меня вытрясло чьё-то! – заключает она с досадой.

А потом трактор перевернулся, и их взяли. Живьём. Почти целых и невредимых. И это ещё очень даже повезло, что трактор вылетел на придорожный невесть откуда взявшийся бугор с вросшим в него замшелым бревном левым задним колесом, а не правым. А иначе Матвея просто сплющило бы самым банальным образом и смешало с дорожной грязью. Но его всего лишь зашвырнуло в кусты и исцарапало ветками ошетилившегося колючками шиповника.

И вышло, что больше всех пострадали Арина и Лариса, ударившиеся о правую дверцу трактора и придавленные обрушившимся на них Романом.

А Стас и Рич радовались, как дети. Ну а как? Одолели противника. Не достигшего, правда, возраста какой-либо ответственности, уголовной или административной. Выковыряли их из помятой кабины трактора и обмотали скотчем. Причём так постарались, что позднее пришлось половину пут удалять, чтобы пленники смогли самостоятельно передвигать ноги и перемещаться в пространстве.

Стас и Рич столь самозабвенно радовались лишившему их разума успеху, что далеко не сразу осознали, что малолетних пленников не четверо, а всего лишь трое. Две девочки и мальчик. Хотя должно быть...

- Я их тепер считат... - начал Рич, тыча пальцем в Романа, Арину и Ларису, лежащих на травке рядком.

- Заткнись! – оборвал Стас. – Где четвёртый? Их было четверо. Трое в кабине, а один – на подножке.

- Когда трактор падат, я на секунда закрыват оба глаз, - виновато проговорил Рич и, вытянув изо всех сил шею, принялся осматривать окрестности.

- Бегом! – приказал Стас.

Рич бросился бежать в одну сторону, затем в другую. И так метался ещё минут семь, пока не был остановлен напарником, первым осознавшим тщетность поисков Матвея, удалившегося, как Стас полагал, на безопасное расстояние.

Однако расстояние это не являлось вполне уж безопасным, ибо было очень незначительным. Метров сорок – пятьдесят. И если бы не мохнатые лапы ели, укрывшей Матвея, трижды пробежавший мимо Рич беглеца обнаружил бы.

Но Матвей сам покинул укрытие. Он выбрался из-под ели и ждал, когда Рич появится в очередной раз. Потому что осознал, что он, Матвей, который не считал себя законченным трусом, позорно бежал, бросив в беде своих друзей, и теперь даже не знает, насколько серьёзно они пострадали в аварии. А ведь были ж крики, и, кажется, визг девчоночий слышался ему сквозь царапающий треск кустов.

Матвей бросился к дороге, однако споткнулся и упал, потому как оказалось, что зашибленная в результате перелёта через кабину трактора правая нога при сгибании-разгибании отзывается жуткой болью. Уняв боль в колене мягкими поглаживаниями, Матвей поднялся и снова двинулся к дороге. А потом увидел спину удаляющегося Стаса. Да, спину и затылок, потому как ноги Стаса уже скрывали выдвинувшиеся к поворачивающей вправо дороге кусты.

Где же остальные? Впереди? Выходит, что так. То есть они, получается, пострадали в аварии не катастрофически и способны передвигаться самостоятельно. Потому что Рич – он, конечно, тот ещё буйвол, – всех троих, однако, на себе уволочь не смог бы. Но одного или двоих... Следовательно, необходимо догнать их и убедиться, что все живы-здоровы. Ну, или живы, хотя бы.

А сдаваться он не будет. Какой смысл? Нет, он останется на свободе и сделает всё возможное, чтобы победить. Вот если бы только не отзывался каждый его шаг такой болью в ноге в то самое время, когда просто необходимо ускориться максимально. Да лучше бы вообще на бег перейти. Ну, не то, чтобы на бег. А просто прыгать попытаться. Да, левая нога впереди, а правая (но её не сгибать) – позади. Матвей попробовал, и у него получилось. Через боль, естественно, и не так быстро, как хотелось бы.

И он увидел то, что хотел, то, на что надеялся. На короткое время, на исключительно краткий промежуток времени от одной секунды до трёх, его взору предстали четыре фигурки самостоятельно передвигающихся людей. А пятого не было. Но он и не интересен был. Потому что пятым был Рич, который, вероятно, шёл первым. И он, видимо, уже скрылся за деревьями. Главным было то, что Роман, Арина и Лариса шли сами, каждый на своих двоих, и, так показалось Матвею, не хромали и не подволакивали ног подобно ему самому.

Вот только каким образом сократить расстояние до них? Расстояние, которое имеет явную тенденцию расти, увеличиваться и пугать непреодолимостью. «А если...» - мелькнула мысль, ещё не вполне осознанная, и Матвей, замерев на полушаге, поспешно присел. И скривился не то от боли в ноге, не то от досады. Действительно, Рич мог сейчас не впереди всех находиться, а где-то прятаться, поджидая его, Матвея. И недооценивать противника очень опасно.

Однако и переоценивать чревато, как вскоре выяснилось. Рич не проявился. Матвей же потерял время и осознал в итоге, что от группы пленных и конвоиров он отстал безнадежно.

Потом Матвей, совершенно выбившийся из сил, сидел на центральном валуне утёса и наблюдал за своими мыслями, унылыми и однообразными. Хотя и окрашенные тревожностью, они, тем не менее, были лишены необходимой энергии. А ведь вот даже то, что он восседает на столь приметном месте... Матвей прилёг на валун, а затем сполз по его шершаво-покатоному боку вниз. Так лучше. Теперь только лишь голова его торчит над гребнем утёса. А с телом его мягко и ненавязчиво делится накопленным за день теплом этот битый ветрами камень. И уже не так одиноко.

Мыслительной процесс хоть и шёл крайне трудно, но результаты были. Ночевать они будут в посёлке. А на рассмотрение других вариантов и время тратить не следует. Прийти первым, подготовиться и затаиться. К чему подготовиться и каким образом? И где спрятаться? А что потом?

Матвей поднялся, постоял, собираясь с силами, и направился в сторону посёлка. Чтобы не терять времени, он будет идти и обдумывать ближайшие свои действия. И необходимо поставить себя на место врагов, что будет крайне непросто, потому что они упыри и непорядочные люди. Однако именно по той причине, что упыри они стопроцентные, то и некоторые их действия спрогнозировать очень легко.

Да, Матвей заберётся на крышу «Александрии», положит туда ножовку по металлу, напильник, привяжет верёвку и замаскирует её, оставив лишь петельку, потянув за которую... А шест с крючком изготовить недолго. И дом отца подготовить аналогичным образом. Вот только если сволочи они не стопроцентные, а двухсотпроцентные... Что ж, необходимо быть готовым и к такому развитию событий. И вооружиться.

ВРАГ КОВАРЕН, ВРАГ ЖЕСТОК, НО НЕ ТРУСЬ, ПОДРУГА

Пленные были этапированы в посёлок и заперты в подполе «Александрии». Все, кроме Макарыча, крики и стоны которого периодически доносились откуда-то сверху.

Баба Саша молчала. С ней пытались заговаривать. И обеспокоенный судьбой близких дед Фёдор, и Лариса с Ариной, наевшиеся консервантов и теперь изнемогавшие от жажды, утолить которую иезуитски сладким соком не получалось. Не предпринимал попыток пообщаться с ней лишь Роман, не стремившийся, впрочем, болтать и с кем-либо из иных узников. А стремился он осмыслить, как это и почему он, столько времени потративший на самоподготовку, оказался в таком, прямо можно сказать, унижительном положении. Унижительном именно ввиду собственной, персональной беспомощности.

Так и не найдя ответа, Роман стал думать, как отыскать выход из создавшегося положения. Как сбежать отсюда, из этой ямы, склепа, зиндана, принялся он размышлять. Можно, конечно, взять крышку от банки, а то и саму банку, да хоть эту вот, из-под консервированных огурчиков, и копать, копать, копать, чтобы выбраться из узилища. Лучше, где-нибудь там выбраться, к реке поближе. Хотя если «к реке поближе», то это уже весной. То есть через полгода после безвременной, как пишут в некрологах, кончины от жажды.

И в любом случае не одни сутки уйдут на выковыривание земли из плотных слоёв сплющенного под тяжестью двухэтажного строения грунта. Да и куда земельку эту прятать? Не поедать же её, невкусную и за минувшие тысячи лет сквозь себя червями неоднократно пропущенную.

Баба Саша молчала до прихода Стаса. Когда он спустился, она сказала:

- Приведите его!

- Кого?

- Я повторять не буду.

Стас покряхтел, сверля бабу Сашу предельно заострившимся взглядом, и полез наверх.

- Что ты задумала? – спросил дед Фёдор.

- Подумаю – решайся, а решившись – не думай, - ответила баба Саша и вновь стала глухонемой, предельно мрачной и очень немолодой.

Макарыч спускался долго и трудно.

- Макарыч, что с вами эти изверги сделали? – пытаюсь помочь ему преодолеть ступеньки, спрашивал дед Фёдор. – Они пытали вас? Если они как в Гуантанамо...

- Ничего, у меня, к счастью, очень низкий болевой порог, - ответил Макарыч, устраиваясь на нижней ступеньке лестницы.

Стас, спускающийся в подпол следом за Макарычем, зашипел:

- Никаких разговоров! А то я устрою! Да я щас детей от вас изолирую!

- Только вякни ещё раз про детей! – прикрикнула баба Саша. – В сообщении, которое я сделаю, я закладываю мину, чтоб ты знал! Поэтому будем находиться наверху, с водой и в нормальных условиях!

- Суть сообщения? – уцепился Стас.

- Как мне говорил Макарыч... - начала баба Саша.

- Александра Васильевна! – вскричал Макарыч и попытался подняться.

– Александра Васильевна, не делайте этого!

- Сидеть! – усадил его на прежнее место Стас.

- Александра Васильевна! – снова проговорил Макарыч, теперь уже не без обречённости в голосе.

Баба Саша положила ладонь на его колено.

- Когда Бог закрывает одну дверь, он открывает другую.

- А это не ваше? О том, что искушение сдаться бывает особенно сильным незадолго до победы?

- Да, это тоже откуда-то с востока. Но... Однако мы слишком уязвимы.

И то, что ваш сын...

- Поймаем, поймаем его! – предельно уверенным голосом заявил Стас и вздёрнул бровки. – Так я слушаю!

- Не поймаете! – вмешалась в разговор Лариса. – И пока хотя бы один из нас на свободе...

- Девочка, - перебил Стас, - тебе лично я принесу стакан воды. Потому что все вы должны быть во здравии и не сходить с ума. С сумасшедшими ведь очень непросто. – И он улыбнулся снисходительно и грустно одновременно. Так когда-то, во времена стародавние, баба Яга улыбалась.

Лариса улыбнулась «бабе Яге» в ответ.

- Это вы психи. Которые против природы. Нужно ведь и о последствиях подумать, если вы взрослые.

- Девочка, ты просто не в курсе, какие умы трудились над этой проблемой. А знаешь, сколько лет лично я постигал тайны мироздания? Вот умножь количество прожитых тобой лет на...

- Так ведь не постиг же! – не сочла нужным выслушивать условия арифметической задачки Лариса. – Зачем умножать, если не постиг?

Арина обняла Ларису и продекламовала:

Враг коварен, враг жесток,
но не трусь, подруга.
Будет знать он свой шесток
и скулить белугой,
будет жалобно просить
пожалеть придурка,
будет гнусно поносить
он порядки дурки,
из которой отпустил
врач его до срока,
мол, уж больше нету сил,
мол, одна морока.

Лицо Стаса налилось злобой бурого цвета.

- Вы пойдёте со мной! – проговорил он, злобно глядя на Арину.

Арина удивлена.

- Вы со мной на «вы»? Приятно удивлена.

- С тобой, стихоплётка, на «вы» - никогда! – оскалившись, отрезал

Стас. Затем обернулся к бабе Саше. – Идёмте!

- Всех – навверх, в приемлемые условия! – приказала баба Саша.

- Если информация того стоит. Граница, периметр, чёткая линия... Ну вы знаете, что меня интересует. А пока только лиц женского пола, - объявил в заключение Стас с улыбочкой и с нарочитой галантностью изогнулся в полупоклоне, приглашающе указывая рукой в направлении лестницы. – Дамы, прошу-с!

А спустя несколько минут после того, как Стас, не обращая более внимания на протестные выкрики присутствующих, увёл бабу Сашу, Арину и Ларису, Роман уже рыл землю в прямом смысле этого слова. Рыл он её в правом заднем углу, самом дальнем от входа, наиболее тёмном и сыром, надеясь выкопать лаз под фундаментом дома. Макарыч не готов был присоединиться к нему в связи с физическим состоянием его организма, а дед Фёдор сказал, что постоит на шухере, и устроился на ступеньках лестницы, поближе к люку.

Не верят старики в успех, решил про себя Роман, сдаться, видимо, уже готовы. Да они просто обязаны были вцепиться в бабу Сашу, предательницу и конформистку, и не допустить капитуляции. А теперь что ж? А теперь можно рассчитывать только на себя, на свои силы, умения и навыки. На

личное мужество и неперемные его атрибуты: упорство, настойчивость и непреклонность. И надеяться на то, что Матвей жив.

Если Матвей жив, то они воссоединятся и объединят усилия в борьбе с врагом. И одержат победу, потому что задуманная неприятелем агрессия в отношении природы недопустима ни под каким предлогом. И если ради великой цели придётся пожертвовать собственной жизнью...

Додумать мысль Роман не успел. И эту мысль, и его самого похоронила внезапно обрушившаяся стена. Просто рухнула и придавила. От коленей и до подбородка. Роман чудом удержался, чтобы не вскрикнуть, сумев вовремя стиснуть зубы и закрыть глаза. Второе также было не лишним, так как лицо его присыпало мелким мусором, влажным, противным, щекотным.

Роман потряс головой, стряхивая с лица облепивший его сор, и приоткрыл глаза. А затем распахнул их и непроизвольно дёрнулся, потому как резанула глаза его небесная синь, такая далёкая и... Да, доступная. Смотри, любуйся, впитывай. Кажется, и звёздочки проявились уже и серебрят эту синь.

- Рома! Рома! Что случилось? Да как же это? – суется подоспевший дед Фёдор. – Да жив ли ты?

Придавившая Романа стена оказалась не стеной, а всего лишь куском её надфундаментным, вывалившимся вовнутрь. Несколько метровой длины брёвен выпали из стены. Если точнее – четыре обрезка, причём свежеспиленных, как стало понятно, когда дед Фёдор помог выбраться Роману из-под них и щёлкнул зажигалкой, чтобы осмотреть внука на предмет ранений.

- Кто-то пропилил! – кричащим шёпотом поведал Роман и оттолкнул деда Фёдора. – Да всё у меня в порядке!

- Вы должны бежать, - проговорил приковылявший Макарыч.

Дед Фёдор в замешательстве.

- Бросить своих?

- Э-э, вы куда залезат туда? – раздаётся гневный голос Рича, который, как оказывается, уже в подвале, почти за самой спиной у Макарыча.

- Бежим! – вскрикивает Роман и бросается навстречу синеве и звёздам.

Он касается брёвен одной ногой, второй, а затем в несколько приёмов взбирается на Бруствер Свободы. Рич отшвыривает в сторону Макарыча и совершает чудовищный прыжок вперёд. И вот уже обе его ноги на брёвнах. Ещё один бросок, и он окажется за пределами подвала, в каких-нибудь сантиметрах позади беглеца. Дед Фёдор нагибается, хватается обеими руками за одно из брёвен и дёргает его на себя. Не ожидавший, что опора под

ногами его оживёт, Рич падает и ударяется лицом о бетонную твердь фундамента дома.

Рич упал, Рич ушибся, Рич пострадал, однако это не помешало ему избить деда Фёдора. Макарыч пытался воспрепятствовать этому, однако практически оказался бессилён. Только когда Рич принялся уже ногами наносить удары по телу рухнувшего на землю деда Фёдора, сумел часть этих ударов принять на себя, опустившись на коленки и частично прикрыв собою соседа.

- Лежачих не бьют. У нас лежачих не бьют! – повторял некоторое время спустя не без труда поднявшийся дед Фёдор и сплёвывал кровь под ноги иноземному супостату. – Я думал, можно договориться. Нет, договариваться не будем!

- Well done is better than well said, - произносит Рич с усмешкой и прикасается пальцами к своему разбитому лбу. – Мы подружится потом. Да. Это наказаний за непокорность. Ты мешат поймат малчишка почему?

- Ты про внука, что ли? – округляет глаза дед Фёдор.

- Да, Роман, мне казатся, зват.

Дед Фёдор оборачивается к Макарычу, который, кривясь и морщась, ощупывает свой правый бок.

- Дожили! Почему – спрашивает! Представляешь?

- Зря Александра Васильевна... - проговорил Макарыч и зажмурил правый глаз, чтобы рукавом смахнуть кровь, сочившуюся из рассечённой брови. – Только принципиальная позиция...

- Дети же, Макарыч! Внуки наши! Понимаешь? Твой-то, кстати...

- Я могу попросить вас заткнуться? – перебил вдруг Макарыч, неожиданно резко и с неприязнью в набравшем металла голосе, а затем обернулся к Ричу. – Ну!

- Что? – вытаращился Рич.

- Медицинская помощь необходима. Непонятно разве? Если хотите, чтобы завтра...

Рич прикосновением руки остановил его.

- Но... - Рич скорчил сочувственную рожицу. – Но мы самостоятельный тепер. Вы лежат тихо, а мы самостоятельный.

- А это «лежат тихо» что означает? – спрашивает дед Фёдор. Не то у Рича, не то у Макарыча. А может, сам с собой разговаривает.

ОЧЕРЕДНАЯ РОТАЦИЯ ПЛЕННИКОВ, ПРОИГРЫШНАЯ

Матвей уже покинул свою лѐжку, оборудованную им на крыше мастерской Макарыча, и направлялся к «Александрии», когда послышался шум, который он не смог идентифицировать. Гул какой-то, стуки... Матвей затаился, затем, соблюдая все меры предосторожности, снова двинулся вперѐд.

А с расстояния полутора десятков метров он увидел тѐмное пятно над фундаментом дома и от неожиданности присел, неловко отставив больную ногу в сторону. Как? Почему? Так вот откуда тот шум! Он готов был уже с низкого старта и с максимально возможной для его состояния резвостью рвануть к проѐму (пропилу) в стене, как из него кто-то выскочил. Впрочем, не кто-то, а Роман. Вылетел пулей и понёсся к мосту через реку. А остальные? А они-то как? Матвей, пребывающий в совершеннейшем замешательстве, последовал, между тем, за Романом, стараясь скакать как можно быстрее.

Потом он долго искал среди лесной темени Романа, сначала молча, а затем всё громче и громче призывая друга откликнуться. И Роман, наконец, отозвался.

- Здесь я. Сюда! – сказал он негромко, так как оказался почти рядом.

Матвей бросился на зов, присел рядом с лежащим на животе Романом, задал главный вопрос:

- Почему ты один?

- Не захотел дед, - буркнул Роман.

- А остальные?

- Макарыч не очень хорошо себя чувствует.

- А остальные? – продолжает расспрашивать Матвей.

- Неплохо. Здоровы все.

- Не захотели? Не было возможности?

- Да они наверху были, когда брѐвна упали, - с досадой ответил Роман.

- Ты, что ли, пропилил?

Матвей почувствовал себя виноватым.

- Я ждал темноты, чтобы по-тихому...

- Не получилось по-тихому. Рич в двух шагах был, когда я к звѐздам...

- Были наверху, а теперь? – спросил Матвей.

- После моего побега? Давай пофантазируем.

«Пофантазировали». Но это как пальцем в небо. Потом Роман сказал:

- Да ничего у нас не получится с твоей верѐвкой.

- Почему?

- Один из нас должен быть внутри. Буду возвращаться.

Матвей покачал головой.

- Тебя на цепь посадят, стреножат, обездвижат. Пойду я.

- Видел, как ты ходишь, - горько усмехнулся Роман. – Что с ногой?

- Ерунда. Но скакать получается лучше, чем бегать. Колено в эластичный бинт упаковал. Я спрячусь. Спущусь и спрячусь там, где искать не будут. Нож тебе, пожалуй, оставлю.

Роман и Матвей уже приближались к мосту через реку, когда Роман вдруг остановился и сказал:

- Мы не всё учли.

- Всего не предусмотреть, - попытался отмахнуться Матвей.

- Стой, говорю! – Роман схватил Матвея за руку. – Я тут с этим побегом... В общем, баба Саша какую-то инфу им выдала.

- Какую инфу?

- Что-то ей известно от Макарыча. Что-то важное. Информация эта должна помочь решить их проблему.

- А их проблема... – начал Матвей.

- Их проблему мы знаем. Давай до завтра отложим.

- Но все наши в плену! – воскликнул Матвей.

- Главное – сохранить боеспособность и личный состав. И мы ещё повоюем.

Матвей задумался. А может, Роман прав? Пойти и освободить всех – это здорово, конечно. Но вот выйдет ли у него? Спеленают или к батарее прикуют. И останется Роман один в поле воин. А один и в лесу – это всего лишь один. Одиночка. То ли дело группа, мобильная и подготовленная. Ну, правда, не вполне мобильная из-за травмы его ноги. Да и не совсем чтобы уж отлично и подготовленная, опять же. Но это урок на будущее. В человеке всё должно быть... Да, необходимо быть сильным и тренированным, потому как эра катаклизмов на пороге. Или уже наступила.

Переночевать решили в лесу, а к посёлку выдвинуться вскоре после рассвета, часов в шесть. Так и сделали. И, обсудив план действий на завтра, улеглись. Но спалось неважно. Холодно, сыро, тревожно.

- Шалаш надо было сделать, - проворчал утром, отойдя ото сна окончательно, Роман. – А веток можно метровый слой – толку-то.

Матвей пожал плечами.

- Я бы тебе мешать не стал.

- И костерок в самый раз бы. Отошли бы подальше... Так ведь ты со своей ногой... – продолжал проявлять недовольство Роман, кутаясь в ветровку.

- Ты трактором управлял, - напомнил Матвей и поднялся на ноги. – Слух тренировал, зрение, а трактор водить?.. Чуть не погибли все, а девчонки в плену до сих пор.

- Я один виноват! Конечно! – завёлся Роман. – А ты? И что касается плена, то мог бы и придумать что-нибудь, кроме как стенку пилить. Меня едва насмерть не задавило! – Роман вздрогнул то ли от холода, то ли от воспоминаний неприятных и с укором посмотрел на Матвея. – Брёвна на меня же!..

- Ты вчера много напридумывал? И меня не пустил. Вставай!

Чтобы прекратить спор, который ни к чему хорошему привести не способен, Матвей забросил за плечи рюкзак и направился в сторону реки.

- Да подожди ты! – крикнул Роман и нехотя поднялся. – Ничего у нас не выйдет. Двое их всего. Двое против толпы целой – и что? Надо как-то радикально решать. Эй!

Матвей остановился и обернулся к приятелю.

- Радикально?

- Да. Сжечь, например, все постройки. И посмотреть, какие из них робинзоны получатся.

- Сжечь дома?! – Матвей ушам своим не поверил.

- И сарай, - кивнул Роман решительно, затем подошёл к Матвею и пояснил: – Но не сейчас. Пускай пленных выведут.

- Думаешь, их с собой потащат?

- Думаю, нет, - вынужден был признать, с явной неохотой, Роман. – Это и представить невозможно. Да, так.

- Значит, один останется, - резюмировал Матвей. – А второй возьмёт отца...

- Если он ему нужен, - перебил Роман.

- Думаешь?

- Вполне допускаю. Наверно, уже знают, как границу разметить и этих индексов навтыкать. А ты, хромая курица... – Роман вздохнул. – Один-то бы я... Правда, надо ещё и выковырять каждого таракана одного.

- Один метит, второй удаляет. В мастерскую проберусь, - принял решение Матвей.

Роман поморщился.

- Нет, чтобы ночью провернуть. А сейчас по свету...

- Перейду вброд повыше, а потом со стороны леса, ползком...

- Ты только ползать и можешь, - подсадовал Роман. – Давай я. Где там что? А ты гребни вниз по течению, потом подтягивайся.

Попрепирались ещё некоторое время и, в итоге приняв вариант Романа, расстались. Потом, когда уже Матвей добрался до участка реки, где, как ему показалось, удобно было перейти на другой берег вброд, он сообразил, что «одноногих тараканов» необходимо будет во что-то складывать. Рюкзак полупустой, конечно, но не помешала бы дополнительно и сумка повместительней. Если Роман захватить не догадается, придётся ветровку приспособить, соорудив из неё нечто сумчатообразное.

А Роману залезать в воду категорически не хотелось. Спят же все ещё. Если не на ветках деревьев, а в постельке прогретой, то в такую рань, сырую, промозглую, прохладно-белёсым туманом насквозь пропитанную, вряд ли кто поднимется. Лишь секунду ты на мосту и стремительно... ныряешь в траву. Так Арина, вероятно, выразилась бы. Да, он прошмыгнёт по мосту, а дальше уж исключительно по-пластунски. Он умеет, он тренировался. Быстро, легко, бесшумно, подобно ящерице. Ещё бы уметь отстёгивать то, за что ухватит враг. Отстегнуть, смотаться благополучно, а потом отрастить снова. Чтобы как было, то есть органично, функционально, красиво.

Правая рука не отстегнулась. На неё опустилась левая нога Рича и прижала к земле со страшной силой. И не вырвать. Ни с первой попытки, ни с пятой. А шестой попытки Роман был лишён. Точнее, это утратило актуальность, потому как Рич нагнулся, ухватил Романа за левую руку и завернул её за спину ему самым решительным образом. Даже хрустнуло в ней что-то, а плечо мгновенно охватило огненным шаром боли, который, возможно, мог наблюдать сторонний наблюдатель.

Это случилось в десятке метров от входа в мастерскую Макарыча, а спустя несколько минут Роман уже был перемещён на второй этаж «Александрии» и вброшен в комнату Арины и Ларисы. Сёстры кинулись к брату, помогли ему подняться и проводили до кровати.

- Ты зачем вернулся? – спросила Лариса, и в голосе её сквозило явное неодобрение. – Мы же знаем, что ты убежал.

- Хотел нас выручить? – предположила Арина и толкнула локтём Ларису. – У тебя болит что-то? Плечо?

Роман, морщась, поглаживает левую руку.

- Руку он мне вывернул. Всё пропало, короче.

- Проиграли, да, - соглашается Лариса. – Теперь надо думать, как в живых остаться.

- Ну уж! – возразила Арина. – Сделают своё дело и уберутся. Разве нет?

Лариса горько усмехнулась.

- А Матвей? Думаешь, он ещё жив?
- Матвей жив, - сообщил Роман тоскливым голосом.
- Жив? – обрадовалась Лариса. – Откуда знаешь?
- Видел его минут двадцать назад.
- И где он теперь?
- На войне. Один.

Роману было невыносимо плохо. И не только потому, что болела рука. На душе было гадко. Он опять в плену, в комнате, на окнах которой решётки. А что может Матвей, один и с больной ногой к тому же? И его изловят и законопатят куда-нибудь. Или сюда, или... Роман поднял взгляд на стоявшую перед ним Ларису.

- Они в погребке, - словно отвечая на его мысли, поведала Лариса. – И дед, и бабушка, и Макарыч. Не простудились бы. Но я сказала, чтобы им дали чего-нибудь. Ну, одежду, одеяла...

Роман вздохнул.

- Оттуда не выберешься. Значит...

Роман замолчал, потому что то, что он дальше мог бы произнести, может являться одной лишь пустой трепотнёй, и ни чем иным. А он и так, если уж быть откровенным и не жалеть себя, больше болтает, чем делает. Чего он достиг в жизни к своим тринадцати годам? Обучился чему-нибудь, чтобы прямо уж в совершенстве владеть? Да по верхушкам всю жизнь. А как до дела...

Вот почему он ножом владеть не научился к примеру? Рич ему на правую руку своей лапищей, а он выхватывает нож, полученный от Матвея, самодельный, но вполне боевой, левой рукой, которая, скажем, у него не хуже правой, и вонзает лезвие в ногу врага. Вой, вопли и паническое бегство с поля боя обезумевшего от боли и страха неприятеля. Да будь он подготовлен соответствующим образом, так, как надлежит быть подготовленным настоящему спецназовцу, не справился бы он разве с парочкой противников, всего-то с двумя, один из которых к тому же, скорее, хомячок околонуучный, а не мэн со всеми вытекающими.

А всё потому, что, как говорит баба Саша, лень-матушка вперёд него родилась. И если жить одними лишь развлечениями, порхая с одного цветка удовольствия на другой, то вот так вот однажды и попадёшь в ситуацию системы ниппель, из которой выхода просто не существует.

- Я-то пролезу, допустим, а дальше что? – услышал Роман слова, произнесённые Ларисой и обращённые к Арине. – Прыгнуть и переломать ноги?

- Что? Куда пролезешь? – Роман счёл необходимым подключиться к разговору сестёр, который его до этого момента совершенно не интересовал.
– О чём вы?

- Лариска говорит, что может пробраться сквозь решётку, - пожалала плечами Арина. – Не верится что-то.

- Я голову просовывала. Перепугалась, но... вытащила. Даже на помощь звать не пришлось. Не верите? – И Лариса приблизилась к отворённому настежь окну.

Роман спрыгнул с кровати.

- Подожди! Подготовиться надо. И узнать, где злодеи.

Роман и прислушивался, и выглядывал наружу, засовывая лицо в проёмы между прутьями и завитками решётки, но выяснить, где находятся Стас и Рич, не смог. Решили рискнуть. И Лариса из заточения таки выбралась. Она пролезла сквозь решётку, на лиц её комплекции не рассчитанную. Однако обрести свободу брату и сестре помочь не сумела – с балкона на крышу перебраться у неё не получилось. По верёвке взбиралась неплохо, а с выходом силой не заладилось, не хватило ей силёнок.

- Болгарку! Ломик! – вскричал раздосадованный Роман.

- И много ли ты телодвижений с ломиком произведёшь? Бах! Бум! Да? – поинтересовалась Арина. – Ах, ой, а вы уже здесь? Хай! А мы, понимаешь, погулять собрались. Да, забыли, извините нас, что нельзя.

- Пустомеля! Так бы и двинул! – передёрнул плечами Роман.

Арина округлила глаза.

- Ого! Обнажил я бицепс ненароком, даже снял для верности пиджак.

- Глупые! Безответственные! – продолжает кипеть Роман. – Вот был бы у меня брат!..

- А если мы с Лариской вместо него?

- Да, вы – вместо. Ну! Ну! Какие предложения?

Арина сделала вид, что задумалась, а потом сказала:

- Предложений нет, но ситуация – драматичная. Как говорит путешественник Конюхов, сначала было тяжело, а потом всё тяжелее и тяжелее.

Лариса, минуту тому назад в виноватой позе замершая на балконе, встрепенулась и объявила:

- Одна пойду. Пока не засветилась. – И Лариса скинула свободный конец верёвки с балкона.

- Даже не посмотрела! – зашипел Роман. – Может, внизу уже стоят!

- Сам-то... Привели почти что на поводке! – огрызнулась Лариса и принялась перебираться через перила.

- Стой! Подожди! Просунь верёвку через решётку! – распорядился Роман.

- Зачем? – Лариса уже настроилась спускаться.

- Не знаю ещё! Давай!

Лариса возвратилась и исполнила просьбу Романа.

- Ладно, - кивнул Роман. – Это греет. Как спустишься, три раза дёрни, и я уберу. И спрячу за штору.

- Стариков бы освободить, но они собирались замок повесить, - проговорила Лариса, во второй раз перебираясь через перила.

- Толку-то от них! – вскричал Роман. – Сделай, что прошу! Хотя... Да что с них!.. – сокрушается Роман и бежит прочь от окна. – Один хромой, вторая... Да даже на крышу взобраться не смогла! Выбраться! Я должен выбраться!

- Рвусь из сил и из всех сухожилий... Как войдут, напасть и обезвредить. Тема не слишком мелковата для тебя? – с улыбкой интересуется Арина и принимает позу не лишённого пафоса чтеца. – Наши ноги и челюсти быстры. Почему же, вожак, дай ответ, мы затравленно рвёмся на выстрел и не пробуем через запрет?

Роман замирает посреди комнаты.

- Через запрет? Какой запрет?

- Запретов много. Не убий, например.

Роман отрицательно качает головой.

- Начнём мы – начнут они. Не хочется вас хоронить. Да и нож отобрали.

А Лариса уже ступила на крыльцо и осматривается. И обнаруживает Рича. Он сидит в кресле, установленном на пригорке, слева от погреба, и... И на Ларису никак не реагирует.

Рич слегка расслабился. Он прикрыл глаза и откинулся на спинку плетёного из ивовых прутьев кресла-качалки деда Фёдора. А иначе он и без покоившегося на его груди бинокля обнаружил бы спускающуюся с балкона Ларису, верхолаза не особенно опытного и где-то даже неуклюжего.

Лариса торопливо подёрнула за верёвку, присела на корточки и поспешно, гусиным шагом, покинула крыльцо, чтобы укрыться за левой стеной дома. А что делать дальше, было не совсем понятно, потому что часть пути, ведущего к расположенному за домом лесу, прекрасно просматривается с пригорка. Если же бежать к лесу от левой стены, то есть

на восток, то можно попасться на глаза находящемуся, вероятно, в доме Стасу. Выскочит и догонит, так как до деревьев и кустов расстояние очень даже приличное.

И Лариса решила бежать к мосту. Каких-то двадцать – тридцать метров, потом собственно мост, а за ним – почти совершенно заросший берег. Там даже трава по самую грудь.

Лариса так и сделала. Рич что-то закричал заполошно на тарабарском, русский язык позабыв совершенно, и побежал с пригорка, волоча зачем-то за собою кресло, слабо повизгивающее при каждом сколько-нибудь значительном соприкосновении с землёй. Вскоре и Стас выскочил на крыльцо, на берег, на мост, и снова на берег, теперь уже противоположный.

- Где она? Где? Я не вижу её! – кричит Стас, вращая глазами по-карабасовски.

- Корова... Корова языком слизат! – разводит руками Рич.

- Куда? Куда ты смотрел? – бесится Стас.

- Я старатся быт хорошим.

- Старатся он!

- От юная леди нет опасность! – пробует успокоить коллегу Рич. –

Бэбёнок.

- Все! Они все опасны!

- Бегат-искат? В кусты? – с вопросительной интонацией произнёс Рич. Стас замахал руками.

- Нет-нет! Уходим.

ИЗ ОСЕНИ В ЛЕТО И ОБРАТНО

Мимо прошёл Стас с огромным рюкзаком за плечами и скоро скрылся за кустами и деревьями. Матвей усиленно вертел головой, уверенный, что вот-вот появится Роман. Да, можно начинать обратный отсчёт: пять, четыре, три, два, один... Два, один... Один и... Да какого чёрта он держит такую дистанцию? Стас всё дальше и дальше, он скоро уйдёт с тропинки влево, чтобы вернуться на оставленный накануне маршрут, и если не отследить этот момент, то он спустя секунды потеряется в зарослях!

Матвей выскочил из укрытия и, то да потому бросая взгляды влево, поспешил к тропинке. Нет, Романа до сих пор не видно. Догонять Стаса? Да, а потом... На данный момент главное – не упустить. И придётся попытаться забыть про боль в ноге и поторопиться.

Благодаря, можно сказать, счастливому случаю, Матвей с задачей номер один справился. Перед тем, как уйти с тропинки, Стас остановился, сбросил на землю рюкзак, вынул из него десятка два коробок с индексами и рассыпал их по карманам разгрузки и брюк. В эту минуту Матвей его и настиг. Теперь необходимо постоянно держать преследуемого в поле зрения и отслеживать каждую закладку. А не зафиксировал – попробуй потом её отыскать за те две секунды, в течение которых Стас преодолеет расстояние до очередной остановки.

И обнаружить себя нельзя. А это проще простого, если постоянно – в пределах видимости. Взаимной. Стоит только Стасу обернуться в неподходящий момент. А ведь может ещё и сучок под ногой предательски хрустнуть, или ветка, не придержанная вовремя, отпущенная неосторожно, опасно прошуметь.

Бросилось в глаза, что Стас очень часто вскидывает голову кверху и что-то словно бы высматривает там, где верхушки деревьев соприкасаются с голубизной неба. Матвей последовал его примеру, и это его погубило. Спустя какое-то время он, опустив глаза, поймал на себе взгляд Стаса, достаточно злобный и совершенно не сочетающийся с сопряжённой с ним улыбочкой.

- Сюда! – приказал Стас и оттопырил верхнюю губу.

Бежать? Да куда там! С больной-то ногой. Но у Стаса рюкзак, объёмистый и увесистый. Который он, перед тем, как кинется в погоню, вероятно, сбросит на землю. Или не сбросит. Или сбросит, но не сразу.

Однако тугодумом таким быть – это недопустимо. И Матвей побежал. Или поскакал, правильнее сказать. Да так проворно, что и некоторые кенгуру обзавидовались бы. А Стас, в жизни своей не встречавший скачущих мальчиков, и вообще растерялся. И даже от рюкзака тяжеленного не сразу освободиться сообразил.

А Матвей, горло которого внезапно пересохло, свернул вправо и бежал-скакал всё прямо и прямо, решив достичь реки и напиться вволю. И достиг-таки. А потом, утолив жажду, увидел Ларису на противоположном берегу реки.

Сюда, покинув «Александрию», Лариса пришла не сразу. Сначала она, миновав мост, просто бежала в сторону озера. Почувствовав себя в безопасности, погуляла по лесу, а затем вприпрыжку отправилась к озеру. Трава была сырой от прохладной утренней росы, и ночной туман ещё не до конца рассеялся, но было весело и даже празднично. И зачем они лишали себя походов на озеро, когда здесь так замечательно? А цвета настолько

ярки, словно тут только что какой-то сказочный дедушка Фотошоп безумствовал, решив летний лес раскрасить по-осеннему многоцветно. И это ещё солнце не в полной мере из-за верхушек деревьев выбралось – впереди целый день, потихоньку оно выкатывается.

Ледяная серая гладь притихшего озера попыталась подпортить Ларисе настроение, но без особого успеха. А потому что не страшно. Это если только видеть во всех окружающих врагов, к чему склонен кое-кто из особо воинственных и петушистых, или пыжиться разглядеть и почувствовать во всём драму, подобно кое-кому из особо напыщенных и пафосных, - то да, застрелиться и не жить.

Нарвать цветочков и сплести венки – шикарная идея. Чтобы не фармакология, а красота без примеси противовоспалительного, спазмолитического или диуретического воздействия. А образ Матвея возник как раз в тот момент, когда Лариса венки плести закончила.

Кстати, где он, Матвей этот? Ах да, к нему она и спешила. Что-то там... Да, навис некий мрак в связи с приездом мутных деятелей международного масштаба, не ведающих, что от человека ничего не зависит и что мир управляется по очень простым законам, которые человечеству пока не известны. Потому что люди когда-то и таблицу умножения не знали. А уж про закон Архимеда, что после вкусного обеда... Впрочем, это, возможно, фейк, фальшивка, а Архимед был солидным дяденькой с циркулем и логарифмической линейкой.

Лариса пришла к речке и уселась на берегу. И подумала, что вот она вернулась в своё детство, и ей очень хорошо. А ещё совсем недавно почему-то не терпелось стать взрослой. Хотя бы как Роман и Арина, которые везде ходят одни и даже могут иногда не ночевать дома, если придумают уважительную причину, а родители настроены достаточно мирно.

Лариса проснулась (оказывается, она очень незаметно уснула, а потом спала в течение некоторого времени) от какого-то шума, доносившегося с противоположного берега. Открыв глаза, она увидела скатывающегося к реке по глинистому склону Матвея. Он тяжело дышал, а лицо его блестело от пота. И глаза были не совсем нормальными, а немножко дикими и безумными, такими, от взглядов которых хочется спрятаться и не высываться.

Потом Матвей жадно пил речную воду, зачерпывая её пригоршнями, а Лариса разглядывала его и думала, что она правильно сделала, что влюбилась в Матвея. А Арину он со временем разлюбит, так как Арина не полюбит Матвея никогда и ни за что. Она не полюбит – он разлюбит. Она же

глупая и романтичная наподобие мамы Матвея тёти Марии. А романтичные сначала хотят всяких глупостей, а потом денег, денег и деньжищ в огромных количествах и на всю жизнь до самой смерти.

Лариса поднялась и помахала рукой. Матвей увидел Ларису и прекратил хлебать речную воду. И даже лицо рукавом вытер. Хотя мог бы достать из кармана платочек, который у него всегда с собой, и культурненько приложить к своим губам.

- Лариса? – проговорил Матвей и оглянулся назад. – Ты бы спряталась. За мной погоня! Стас за мной гонится!

- Роман хотел, чтобы помогла тебе. Извини, не получилось, - виновато улыбнулась Лариса и махнула рукой. – Плыви сюда.

- Но у тебя вид глупый, – неуверенно проговорил Матвей.

- Да почти прошло. Я с озера, но уже поспала даже.

- Мне надо Стаса искать, – ответил Матвей и в очередной раз обернулся.

- Чтобы опять погнался?

- А нет другого выхода, – вздохнул Матвей и зачерпнул руками речную воду.

- Значит, мы идём к вам. – Лариса принялась снимать кроссовки.

Потом они искали Стаса, который, возможно, разыскивал их. Матвея, по крайней мере. Поиски эти выражались в том, что Матвей и Лариса двигались в северо-восточном направлении, внимательно глядя по сторонам и прислушиваясь. Была надежда на то, что Стаса они обнаружат первыми, а значит, успеют затаиться, чтобы в дальнейшем следовать за врагом и оставаться не замеченными.

- А давай договоримся, – остановившись, предложил Матвей. – В случае чего – в разные стороны.

- Где встречаемся?

- Около утёса. Ожидание в течение часа.

- Из лета – в осень опять? Ладно, – пожала плечами Лариса.

Матвей принялся вертеть головой по сторонам.

- Кстати, где-то в этом районе он меня заметил. Или чуть левее. Но, кажется, он не очень долго за мной гнался.

- То есть, возможно, он уже где-то там? – Лариса взмахом руки указала на юго-восток.

- Наверно.

- Значит, по летнему лесу?

- Что? – Матвей вскинул голову к верхушкам деревьев, затем произнёс:
– Действительно, здесь листья зелёные, а там...

- Всех цветов радуги, – подсказала Лариса.

Глаза Матвея радостно вспыхнули.

- Идём назад! В осень, как ты говоришь.

- Да ты романтик! – улыбнулась Лариса.

- Граница очень чёткая. Понимаешь? Вон там. – И Матвей бросился бежать в обратном направлении.

- Да в чём дело? – заворчала Лариса, однако последовала за ним. – И не несись ты так! Эй!

Но Матвей уже остановился и осматривается, задирая голову кверху. А затем принимается бегать от одного дерева к другому, словно что-то выискивая.

- Помогай! – кричит он подоспевшей Ларисе.

И спустя уже несколько минут первый «таракан»-индекс был найден. Матвей ликует, однако Лариса настроена скептически.

- А дальше куда? – произносит она с усмешкой. – Ты все следы затоптал, если, конечно, они были.

- Нам от осени не спрятаться, не скрыться, – отвечает радостно Матвей. – Точнее, наоборот.

- Э-э, лирика – это обязательно? – сдвинув к переносице брови, спросила Лариса.

Матвей радостно улыбается.

- Ты не поняла ещё? Периметр очерчен исключительно отчётливо. Там, - Матвей указал рукой влево, - лето, а там, если брать в сторону реки, - осень. А я ещё думал, почему он всё вверх поглядывает. Мы пройдем вдоль осени и соберём всех «тараканов».

Этим весь день и занимались. И после того даже, когда и силы уж иссякли совсем. Или почти совсем.

И вдруг, когда уже смеркалось, «тараканы»-индексы деревососушие закончились.

- Здесь он остановился и сюда завтра явится, - сказал Матвей. – Он сюда придёт и... Несколько штук надо обратно воткнуть.

- Ты уж сам, - сказала Лариса, затем присела на пенёк и, выдохнув, обессиленно уронила руки и ссутулилась. – Похоже, мне уже не подняться.

- Ладно, сам, но отсюда надо подальше...

Потом, передохнув, Матвей и Лариса отправились в сторону реки, чтобы подыскать место для ночлега.

Спустя минуту Лариса обернулась к поотставшему Матвею, гружёному забитыми под завязку «тараканами» рюкзаком и ветровкой, и спросила:

- А это обязательно таскать?

- Да, иди, а я спрячу где-нибудь, - ответил Матвей и осмотрелся по сторонам.

Впрочем, место закладки должно быть приметным. Лучше уж, дойти до тропинки, а там и приглядеть ямку на фоне чего-нибудь запоминающегося. После этого и ветровку можно будет использовать по прямому её назначению в условиях ночной прохлады.

Потом, догнав, в конце концов, Ларису, Матвей сказал:

- Это хорошо, что не при тебе прятал.

- Подозреваешь в болтливости?

- Ну-у-у... - неопределённо промычал Матвей и поспешил перевести разговор. – Давай здесь, чтобы не совсем у воды. Наломаем веток. Ну и для костра...

- А это верное решение? – нахмурилась Лариса.

- Ну а как? Нам необходимо выспаться.

Лариса покачала головой.

- Я тут подумала. В общем, выручать надо наших.

- Главным для нас является...

- А вызволить из плена – не главное? – перебила Лариса.

- Не главное, – максимально твёрдым голосом ответил Матвей.

- Да?

- Да.

- А вместе разве не легче? Я, к твоему сведению, вряд ли смогу завтра передвигаться. – И Лариса рухнула в траву, с некоторой даже театральностью в движениях.

- А если нас поймают? Добредём такие-то, прямо скажем, полуживые, а нас и возьмут.

ДИКАРИ, РАЗУМ ПЛАНЕТЫ И БОГ МУРАВЬЁВ

Рич сидел на ступеньках крыльца и мечтал о возвращении в США. Недолго осталось – уже послезавтра он будет в самолёте. Ну а затем все эти формальности, которых никак не избежать, и он свободен, ибо прошение об отставке – ему это дали понять недвусмысленно – будет, вне всяких

сомнений, удовлетворено. И он получит денежки и рванёт в Голливуд, чтобы осуществить мечту и стать каскадёром.

Хотя... Да, мечта о карьере каскадёра – это для общего пользования, для чужих ушей. А себе он ещё вчера признался, что хочет стать сценаристом. И станет, потому как идея будущего фильма, и очень перспективная, у него уже имеется. Продумать, отшлифовать её, определиться с жанром, наметить референсы... На «бондиану» не замахиваться, однако что-нибудь наподобие «Крепких орешков», а то и «Аватара»...

Да, именно. Придумать, какой цвет кожи и каковы особенности внешности жителей случайно обнаруженной подземной цивилизации недоразвитых, но безрассудных людей... Нет, не людей, а... просто похожих на людей небольших зомбиков, общающихся между собой при помощи, скажем, свиста. Фью-фьюй-фьюить-фьююю.

И одеть их... Или пускай голыми будут, но с иголками-стрелами, торчащими из боков. Ну и раз дикари, то пускай жуют всё время что-нибудь и плюются ядом. Иногда – просто вместо слов, ну, свиста, поражая при этом и своих, и чужих.

Но должны быть опасными, очень и очень опасными. Чтобы придать значимости главному герою. И чтобы в процессе осуществления миссии герою не жалко было уничтожать их пачками.

А миссия – спасти планету от гибели. В планету эти дикари вложили нечаянно разум. Нечаянно, неумышленно, однако и незаконно. Разум – неправильный, не согласующийся с принципами и установками и доставляющий массу неудобств потребителям материальных благ и приятных ощущений, сообществу которых герой предан бескорыстно и по воле сердца.

На горизонте, точнее, в поле зрения Рича, очень некстати появился Стас и прервал процесс становления начинающего сценариста. Вечер только-только наступил, а он, этот Стас, уже вот он, у порога. У крыльца, правильнее сказать.

- Половина маршрут отработат? – спросил Рич, заранее недовольно кривя лицо.

- Завтра сам пойдёшь! – буркнул Стас, устало опустился на ту же ступеньку, на которой сидел Рич, и сложил руки и голову на коленях согнутых ног.

- Я тебя с другой сторона ожидат, напарник.

- Вот ты и придёшь с другой стороны завтра, напарничек! – огрызнулся Стас.

Рич выпучил глаза и повторил вопрос:

- Ты не отработат половина, как я догадаться?

Стас дёрнулся и вскинул голову.

- Двое из них на свободе! – проорал он, бешено вращая глазами. –

Одного я вот как тебя видел!

- Дети! Бэбики! – парировал Рич, поспешно отодвигаясь. – Ты его не догнат?

- Ускакал. Я так не умею.

- Ускакал? – рассмеялся Рич. – Эй, ты на чём сидит и нюхат?

- Остальные все на месте?

- Да. И ты делат своя работа, я – своя. Окей? – с исключительной категоричностью в голосе заявил Рич, предпочитающий порядок бардаку.

Каждый должен знать свои обязанности и неукоснительно придерживаться установленных правил – так он считал.

И никто и никогда спорить с этим не будет. А вот если человек точно знает свой возраст, да ещё и некстати о нём вспоминает... Нередко это вообще ненужное знание. А порой и вредное даже. Для чего бабушке, на вид очень крепкой, знать, что ей уже не тридцать девять? Только для того, чтобы каких-то не очень полезных таблеток наглотаться? Зачем девочке, которой предстоит прожить трудный, полный опасностей день, с самого утра проникаться осознанием того факта, что ей всего лишь девять лет от роду? Чтобы плакать и маму звать, когда жизненно необходимо взять судьбу в свои руки?

Лариса была недовольна всем и вся с самого момента пробуждения. Ещё и из шалаша не выбралась, а уже принялась ругать комаров, изгрызших её этой ночью от пят и до макушки.

- Не было комаров, – слабо возражал Матвей и старался почёсываться исключительно незаметно для постороннего глаза. – Да и дым от костра...

- Как же! – перебивала Лариса противным голосом раскапризничавшегося ребёнка. – Ветер то в одну сторону, то в другую! А потом погас костёр, к твоему сведению!

- Я его снова разжёт.

- Когда меня уже доедали! Ещё бы примерно столько же тысяч этих гадов, и обгрызли бы до косточек!

- Извини, не предложил вернуться! – начинает нервничать Матвей. – Там у вас форточки с сеточками. А если тебя в погреб к предкам... Жуки там и вообще кусачие.

И завтракать Лариса отказалась. Надоели ей, видите ли, хлебцы. А если нет больше ничего – голодать? Матвей перекусил в одиночестве и засобирался.

- Да куда так рано? – запротестовала Лариса. – Спят они ещё.

- Он пройдёт мимо, и я буду знать...

- Что ты будешь знать? Придём сразу на место и начнём собирать.

- Нет, необходимо избежать возможной встречи, – стоял на своём Матвей. – И в целях экономии времени...

- Да какая ещё экономия? У нас опыт!

Потом они лежали в ещё непросохшей от росы траве и наблюдали за тропинкой. Спустя час Матвей поднялся.

- Поздно пришли, – сказал со вздохом.

- Не поздно. Не крихти и не отсвечивай.

Матвей, поразмыслив, снова лёг. Лучше уж перестраховаться. Хотя и не должны эти двое сегодня спать долго. Нет возможности у них сибаритским образом жизни наслаждаться.

Действительно, Стас давненько уж оставил постельку и отправился в путь, свидетелем чего стал, в частности, Роман, с рассвета вертевшийся возле окна. И потом, когда Стас уж покинул пределы видимости, Роман стоял на табуретке и, прижавшись правой щекой к решётке, смотрел влево. Речка, берег, тропинка. Тропинка на берегу, речка и вдоль горизонта – лес.

- О, сколько нам открытий чудных готовят... – насмешливо проговорила полёживающая на кровати Арина. – Нет, не то. Я спросить хотела... Ты там что высматриваешь, Ромка?

- Отвянь!

- Всё будет хорошо, и даже то, что плохо, – продекламировала Арина. – Унынья грех тяжёл, стирает в порошок. Унынья суета, унынья суматоха...

- И не думал унывать! – не без раздражения перебил впадающий в уныние Роман, в тысячный раз ощупывая прутья решётки. – И дальше можешь не сочинять даже!

- Да уж дальше сочинили, – загрустила Арина. – Иногда впечатление, что обо всём уж сказали. А я место пробую найти... – Арина повозилась, подыскивая максимально удобную позу. – А я место пробую найти для маленькой звезды своей души.

- Может, помолчишь уже?

- Не сбивай!

- Это ты не сбивай! – огрызнулся Роман.

Арина соскочила с кровати.

- А чем, интересно, таким ты занят? Стоишь и ждёшь чуда – вот что я думаю о твоих занятиях! А должен придумать, как спастись. И всех остальных выручить.

- Тихо! – Роман вскочил на подоконник и взволнованно выкрикнул: – Он идёт обратно!

- Кто?

- Стас возвращается!

Арина демонстративно ухмыльнулась и заключила:

- Забыл что-то.

Роман спрыгнул на пол и забегал по комнате.

- Что-то не так! Да, я чувствую! Забыл! Как же! Забудет он что-то! Время же! Время-то поджимает!

- Сейчас обратно отправится. Вот увидишь, – сказала Арина, снова устраиваясь на кровати. И с усмешкой добавила: – Если опять в решётку зубами вцепишься.

Не ответив, Роман вскочил на табуретку и вцепился в решётку. Не зубами, конечно, – руками.

- Забыл! Как же! – с отчаянием в голосе повторял Роман. – Но у них развязаны руки!

- А у нас – Матвей и Лариса. Как думаешь, нашли они друг друга?

Роман решил не отвечать и вообще быть немногословным. Какая разница, что он думает, на что он надеется и о чём мечтает, если действительность столь ужасна? Необходимо перегрызть решётку, выломать дверь, пробить стену, пол или потолок!

И Роман, не покидая наблюдательного пункта, принялся в тысячный раз осматривать комнату. Он всего лишь человек, он мог чего-то не заметить, что-то оценить неверно, чему-то не придать должного значения. А руки опускать нельзя!

Впрочем, как раз руки и следует занять делом, пока в голове его эта гулкая пустота и отсутствие ценных мыслей. И Роман извлёк из кармана гвоздь, присел на подоконник и принялся ковырять им вокруг одного из вонзившихся в бетон прутьев. И настолько увлёкся, что в какой-то момент осознал, что уже в течение минуты, двух, а то и последних трёх не бросил ни одного взгляда мимо прутьев и завитков решётки.

Да и обратил на это внимание он потому, видимо, что достигли слуха его доносившиеся снизу голоса. Разговаривали о чём-то Стас и Рич, обсуждали что-то и, кажется, спорили, потому как в извергаемых ими звуках угадывались взаимное раздражение и нетерпимость. Стас вернулся, но для чего? Что-то обсудить с Ричем? Просто поругаться захотелось?

Да, Стас возвратился в посёлок. Менее часа тому назад он шёл по тропинке и пытался следить за тем, чтобы, шагая, не поднимать ноги слишком высоко. Экономить силы надо. Да и гудят ноженьки со вчерашнего. А откажут – придётся заканчивать работу завтра. А надо сегодня, потому как срок, основной, вышел ещё позавчера, а теперь и резервный в самом разгаре. Даже на связь выходить боязно.

И вдруг внезапная мысль с такой силой ударила в лоб, что Стас споткнулся и едва не упал. Но... Да нет же! А если?.. Стас остановился, сбросил с плеч рюкзак и стоял, покачиваясь под звон заполнивших голову звуков нечитаемых мыслей.

Спустя минуту или две он забросил рюкзак за ближайший куст – куст приметный, с красными ягодами на ветках – и быстрым шагом отправился вперёд, а затем свернул влево под углом в девяносто градусов. Нет, он, несомненно, на воду дует. Сейчас придёт на периметр и убедится, что страхи его напрасны. Дети же, бэбики, как выражается русификатор иноземных слов Рич.

Продолжая успокаивать себя, Стас не заметил, как перешёл на бег. Впрочем, лучше потратить некоторое количество сил на пробежку, сокращающую расстояние, нежели длить душевные терзания, которые скоро, очень скоро, очень и очень скоро, хочется верить, прекратятся. Да вон же, кажется, уже... Ну или ещё пробежаться немного, совсем, похоже, чуть-чуть, и – конец мукам. Или же, напротив... Но эти мысли – прочь!

А вот и на месте он. Отыскать один индекс, ну, два, так надёжней, и можно вздохнуть с облегчением. Можно выдохнуть и дышать свободно и радостно.

Спустя четверть часа Стас был уже никакой. И физические, и душевные силы покинули его организм почти одновременно. Ни одного индекса, ни единого, зачищен периметр под ноль. Только на выгнувшейся вопросительным знаком берёзе, он её сразу вспомнил, осталась царапина жуткого вида – будто не безмолвное дерево повредили, а по беззащитному сердцу живого существа полоснули.

Состояние предынфарктное или предынсультное – Стас в этом не разбирался. Предсмертное, возможно. Сейчас где-то замкнёт что-нибудь,

закупорится, лопнет, взорвётся, полыхнёт, бабахнет, а потом остановится сердце, как некогда загдох навеки движок отцовской «пятёрки», обожаемой отцом безмерно и которую тот только что не облизывал прилюдно.

Но если прилечь на землю да к ней прижаться... А может, и прощения попросить, потому что карьера и деньги заслонили и эти травинки, и этого муравья, не то суетливого, не то делового и увлечённого, однако не ведающего, как устроен мир, и не верящего в существование бога по имени Стас, который может запросто его сейчас взять да и раздавить. А сколько звуков! Почему их – они же, эти лесные звуки, миллионы лет существуют – не слышал он до этой минуты?

Потом Стас вернулся на тропинку и долго искал рюкзак. Нашёл, взгромоздил на плечи и отправился в посёлок, чтобы держать совет с Ричем. Совет в Филях! Ха! Но в башке такой сумбур, что хоть на осине вешайся. Нет, уж лучше – Рич.

- Возвращатся – плохой примета, но верный на сто процент, – объявил Рич, обращаясь к неожиданно вернувшемуся поделельнику, и широко улыбнулся.

Стас снял рюкзак, опустил его на землю и сказал:

- Этого не хватит. Не закроем периметр.

- Мы же всё рассчитат, – удивляется Рич, беззаботно улыбаясь.

- Все вчерашние пропали.

- Как понимает?

- Поснимали.

- Кто? – продолжает недоумевать Рич, но теперь его улыбка выглядит уже не беззаботной, а глупой.

- Сам-то как думаешь?

Рич, тряхнув головой, сбрасывает с лица улыбку и сжимает кулаки.

- Его надо отловит и...

- Лес большой.

Рич приподнимает брови и округляет глаза.

- Ты забыват, где вчера закончит?

- Нет, конечно, – ответил Стас, постаравшись скрыть смущение.

Действительно, с головой у него проблемы. Конечно же, сегодня враг объявится в том самом месте, где вчера изъял последний индекс. Но на свободе их двое, и поэтому... И Стас сказал, скорчив многозначительную физиономию: – А если они вдвоём действуют?

- Бегат я и ты за детики-бэбики? Звучит заманчиво? Нет.

- Вдвоём сподручней. Надёжней.

- Рич улыбнулся не без высокомерия во взгляде и помотал головой.
- Надёжный не так. Я скажу. Сказат?
 - Ну!
 - Заложники. Пят плюс.
 - Плюс? – переспросил Стас.
 - Да. Какой число месяц?

ПОБЕГ, НЕПОСЛУШАНИЕ И БУНТ

Стас и Рич ушли. Оба. По тропинке, бегущей по берегу вдоль реки.

- Я глазам своим не верю! – радостно прокричал Роман. – Ура!
- Э-э! – приоткрыла глаза Арина. Она, оказывается, задремала. – Режим не нарушай – стукану.
- Х-ха! Да они ушли!
- Они... вдвоём ушли? Куда?
- Поднимайся! – Роман схватил Арину за руку и стащил её с кровати. – Мы должны успеть.

Арина ещё пыталась осмыслить случившееся, а Роман уже всё тем же гвоздём отковыривал от шкафа планку, имевшую форму треугольной в сечении рейки.

- Шкаф портишь? Бабушке скажу, – проговорила Арина. – Что-то меня сегодня на стукачество тянет. Кстати, в толк не возьму – зачем это?
- Верёвку зацеплю.
- А верёвка нам нужна... – Арина почесала в затылке. – Я тут ум пытаюсь напрячь. Она нам и в самом деле нужна?
- Не надо умничать. Твой рюкзак где?
- В шкафу.
- Собери его! Всё, что может пригодиться в автономке!
- Про верёвку всё равно не поняла, - сказала Арина, направляясь к шкафу.

Ну и ладно, подумал Роман. Главное, он знает, для чего нужна верёвка, которая теперь была на расстоянии полутора метров от решётки. Рич постарался, когда обнаружил, что Лариса сбежала. Хорошо, не догадался её от конька крыши отвязать или просто ножом отхватить.

Потом Роман, ухватившись за верёвку руками, пытался ногами выдавить решётку, прыгая на ней так, что пятки себе поотшибал. Привлёк и Арину, поначалу стремившуюся увильнуть, а в последующем не проявившую, по мнению Романа, должной самоотверженности.

-Э-эх! С такими только в лото играть! – разгневался Роман. Затем оглядел комнату и распорядился: – Ладно, помогай шкаф подтаскивать.

- Зачем?

- Будем ронять его. С раскачки. Я уже вижу, как он врежется углом в решётку! Да! Да, это сработает!

И «сработало». Выбили они решётку, точнее, нижнюю её часть.

- Стоп! А вдруг кто-то из них вернулся? А мы тут грохочем! – спохватилась Арина и замерла, прислушиваясь.

- Сваливаем! Просто сваливаем по-быстрому!

Роман выбросил на балкон полупустой рюкзак Арины, затем закинул на подоконник ноги и принялся протискиваться между торчащими вниз прутьями решётки и подоконником.

- А я? Я не пролезу! – выразила сомнение Арина. – Спину пропору!

Однако и Арине выбраться удалось. Сначала на балкон, а потом, за Романом вслед, и на крыльцо.

- А теперь мы... – проговорил Роман и понял, что план дальнейших действий им не продуман. – Сначала, наверно, за мост...

- Оставим их погибать? – с удивлением воззрилась на брата Арина.

- Я освобожу стариков. Возьму гвоздодёр, вырву пробой... - принял решение Роман. – Встречаемся за речкой.

Но лучше бы он их не освобождал. Потому что как только это случилось, баба Саша тотчас надела и взяла Романа в оборот. Где Арина да где Лариса, которых срочно всех сюда, и побыстрее, а сам возьми то да прихвати на дорожку это – такие посыпались на него вопросы с приказами и распоряжениями вперемежку.

И вскоре Роман был вынужден отбежать на безопасное расстояние и объявить во всеулышание:

- Я остаюсь! А Аринку пришлю. Ждите! – И убежал.

- Ромка! Роман! Ромочка! – закричала баба Саша, мысли которой вконец перепутались. – Что же делать?

- Первым делом, полагаю, вывезти детей и женщин из зоны боевых действий, – поделился своими соображениями дед Фёдор и получил от бабы Саши увесистый шлепок по затылку неизвестно за что.

Макарыч, также выбравшийся из погреба и теперь пытавшийся привыкнуть к ослепительному свету дня, на звук полученного дедом Фёдором подзатыльника отреагировал адекватно – он максимально быстрым шагом направился в сторону своего дома.

- Макарыч! – попыталась остановить его баба Саша. – Стой! Нам надо вместе... Мы должны действовать сообща!

Макарыч даже не оглянулся. Он почти бежал, припадая на больную ногу.

- Сама виновата, – высказался дед Фёдор, поглаживая пострадавшую часть головы. – Предателей никто не любит.

- Что?! – баба Саша резко развернулась и словно приготовилась к прыжку. – Это я предатель? А ты что сделал, чтобы спасти внуков?

Дед Фёдор попятился.

- Забирай Арину и уходи.

- У меня трое! – рявкнула баба Саша.

Дед Фёдор дёрнулся испуганно, споткнулся и едва не упал.

- Если вырветесь, нас не убьют, – пролепетал, восстановив равновесие.

После этого дед Фёдор повернулся и побежал. Баба Саша бросилась в погоню, однако вспомнила про Арину и, раздосадованная, остановилась. Забрать Арину и доставить её в Воробьёвку. И да, вызвать полицию. А самой вернуться за остальными. С ружьём старухи – тётка Анна, кажется, зовут – из пятистенного дома. Покойного мужа её двустволочка двенадцатого калибра, но вполне ещё ничего ружьишко, антикварно-боевое, масть – «тулка» заслуженная и народная.

Арину Роман отыскал, однако отправить к бабе Саше не сумел. А потому что упёрлась – нет, и всё. Она, видите ли, решила, что предстоящее романтично и, в то же самое время, обещает обретение опыта драматического проживания непредсказуемо трудных и опасных жизненных моментов. Найти Ларису и Матвея раньше, чем они попадутся в лапы Стаса и Рича, – романтика. Как минимум. Вырвать из лап – весь спектр ощущений вплоть до физической боли от полученных в борьбе ран, желательно, в мягкие ткани и по касательной, но без сохранения некрасивых рубцов и прочих долговременных последствий.

- Я, пока ждала, стишок сочинила, – похвасталась брату Арина. – Слушай.

- Вот этого не надо! Хорошо? – прорычал обозлённый в результате её несговорчивости Роман.

- Ну-у-у, - заныла Арина. – Несколько строчек же. А? Незаконченное даже.

- Мне надо подумать. Ты можешь это понять? – Роман отошёл в сторону и присел на пенёк. – Тактика, стратегия, обеспечение операции... Ты в этом хоть что-то понимаешь? И где и кого искать? На мне ответственность.

- Да! Да-да! Я как раз... – обрадовалась Арина.
- Отстань!
- Слушай!
- Нет!

Но Арина уже вскинула голову и декламирует:

Осмотр леса начнём с опушки,
в кустах могут прятаться вражьи пушки.
Птица взлетела, сломана ветка –
где-то бродит врагов разведка.
Стекло блеснуло, звякнул металл –
вражеский снайпер себя показал.
Обшарим деревья, найдём врага –
я за себя не ручаюсь тогда.
Бить буду сильно и аккуратно –
ногти ломала я многократно.
Судить будем строго и по закону.
Пытки чтоб в меру и по шаблону.
Умрёт в застенках – имиджевый урон,
да и сказала уж – не велит закон.

Закончив читать стихи, Арина обнаружила, что Роман сидит с плотно прижатыми к ушам ладонями рук, и опечалилась. Слегка успокоившись, подошла к Роману, пнула его в ногу и продемонстрировала свои плотно сжатые губы.

- Молчу уже целую минуту. Хотя именно поэтическое осмысление действительности...

- Ты же сказала, что уже заткнулась! Нет? – перебил Роман.
- Да, я молчу. Но у меня один вопрос.
- Ну!
- Что дальше?

Роман сорвался с пенёк и побежал по кругу, крича:

- Так ты же не даёшь мне план разработать! Мы же время теряем! Сначала за решёткой, теперь – здесь! А что происходит там, где всё решается, даже не представляем!

- Ладно-ладно, давай про план, – поморщившись, махнула рукой Арина. – Мне тоже уже не терпится.

Роман сел на пенёк и, ссутулившись, опустил голову.

- Нет никакого плана. Можно наматывать круги по тропинкам вдоль реки. Или...

- Или?..

- Пробел.

- Да, проблема, – вздохнула Арина. – Вот животные к водопою ходят, где их хищники и подстерегают.

- И эти придут. Вечером, возможно, когда всё уже закончат.

- Можно ещё на живца ловить, – лукаво улыбнулась Арина.

- Это как?

- Буду топать по лесу и орать что-нибудь. Лариска! Лариска! Ау!

Например. Как тебе идеяка?

- Ты-то справишься... – мрачно усмехнулся Роман. – А я? У меня даже ножа нет. Вот будь я вооружён...

- Ты был бы очень опасен, - подсказала Арина.

А баба Саша не знала, на что и подумать. Потом пришла в бешенство. Это что ж такое получается? Сначала внук демонстративно отказывается подчиниться, затем внучка не является, хоть и велено!

Хорошо ещё, что рассуждения о нынешнем взбрыке муженька она решила отложить на более благополучные времена, когда уже ничто не отвлечёт и не помешает преподать этому паршивцу урок, который он запомнит надолго, а точнее – навсегда. Который он будет помнить до самой до гробовой доски, а не икать у него не получится и на том даже свете, стоя пред вратами ада и проклиная себя за ненадлежащее исполнение принятых на себя обязательств быть примерным мужем и семьянином, а не своевольничать вопреки и назло.

В этот момент баба Саша обнаружила, что она уже не трясёт беззащитный саженец вишни, а торопливо идёт к дому Макарыча. Впрочем, что ещё ей остаётся? Не можешь справиться с бунтом... Да, как говорят где-то на востоке, не бойся немного согнуться, прямее выпрямишься.

Согнуться баба Саша, конечно, не боялась. И согнулась бы. И не переломилась бы. Однако узнав о планах мужчин, которых отыскала в мастерской Макарыча, она самым натуральным образом вскипела. И подвернись ей что-то под руку потяжелее...

Но это она ещё успеет. А сейчас необходимо заставить их поступать таким образом, чтобы действия деда Фёдора в полной мере соответствовали его статусу любящего деда, готового пожертвовать всем ради безопасности любимых внуков. И чтобы поступки Макарыча тому способствовали бы в полной мере, а не являлись бы препятствием на пути спасения её (и деда

Фёдора) любимых внуков, а заодно и Матвея, который мальчик вполне себе ничего даже, хотя и зануда не меньший, чем его отец.

И баба Саша отошла от деда Фёдора и Макарыча – они занимались укомплектованием рюкзаков – и встала у двери, преграждая выход.

- А теперь слушаем сюда! – стальным тоном произнесла она. – Мы обязаны, и это – прежде всего, обезопасить детей. Поэтому двое из нас, взрослых, направляются... Заметили, я вас обоих за взрослых?.. Так вот, двое – на поиски детей, а третий – к манкуртам. В качестве парламента.

Дед Фёдор сунул в рюкзак сапёрную лопатку, разогнулся и, широко улыбнувшись, раскинул руки в стороны.

- В качестве парламента, конечно...

- Естественно! – перебила баба Саша. – А вы ищете детей.

- Боюсь, условия капитуляции, которые вы готовы, как я понимаю, предложить... – заговорил Макарыч, не поднимая глаз.

Баба Саша вскинула руку с вытянутым кверху указательным пальцем и демонстративно откашлялась.

- Только попробуйте с ними не согласиться! Только так, как я сказала! Уступай дорогу дуракам и сумасшедшим, гласит японская мудрость.

Макарыч выпрямился и вскинул голову.

- Вы не смеете заставлять меня поступать против моих убеждений. Мы, поймите же, не знаем очень многого. Порождение ли это процессов, происходящих в атмосфере, или внимание Вселенной...

- Внимание Вселенной?! – вскричала баба Саша и вперила разъярённый взгляд в деда Фёдора. – И ты решил довериться этому человеку?

- Моя поддержка, конечно, не безусловна... - неуверенно поглядывая на Макарыча, проговорил дед Фёдор.

Макарыч с несвойственной ему порывистостью ухватил деда Фёдора за руку.

- Здесь будет гравитационная обсерватория, гамма-телескопы, рентгеновские телескопы! Это дорого, это трудно...

- Это нудно! – вставила баба Саша и подступила к деду Фёдору. – А самое главное – долго. Ясно? И он нам не помощник. Ты понял, о чём я? А помешать – помешает. Не исключаю. А на весах...

- Да-да, на весах!.. – вскричал Макарыч.

- Стоп! – перебила баба Саша. – Только не надо мне опять про сжатие и разогрев! – И, обернувшись к мужу, приказала: - Выбирай!

Дед Фёдор выбор сделал. Спустя несколько минут он, осматривая супругу, примотанную изолентой к подпирающему крышу мастерской столбу, достаточно ровным голосом произнёс:

- Тебе тут на десять минут. Руки можешь уже вытаскивать.

- Да вы знаете, что вы себе подписали?! – негодует баба Саша, торопясь высвободить щадящим образом обездвиженные руки. – Я вас достану! Обоих! Десять лет без права переписки!

- И тебе, дорогая, десять. Да, на десять минут. Но уже не догонишь. Извини, Шура! – приговаривает дед Фёдор, надевая рюкзак.

- Идёмте! Идёмте! – торопит его Макарыч. – У меня же нога!

А потом – торопливо удаляющийся звук работающего двигателя мотоблока.

НЕУДАЧНЫЙ ДЕНЬ И ГАСТРОНОМИЧЕСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ

Матвея и Ларису взяли. Приняли их, повязали, как написали бы в криминальном романе. И всё потому, что терпения у Матвея не хватило. Лариса-то лежала бы себе да и лежала-полёживала в своё удовольствие, пускай и не полное, пускай и ущербное, мягко говоря, а вот Матвей, как только пришёл окончательно к убеждению, что противник миновал место засады до их прихода, так и потащил Ларису на периметр.

А там и обнаружилось, что с прошлого вечера, к величайшему изумлению Матвея, здесь никаких изменений и не произошло – к десяти оставленным им «тараканам» ни одного не прибавилось. Не было, значит, сегодня тут никого.

Однако если и не было, это отнюдь не значит, что и не будет. Что не возникнет вдруг в свете пробивающихся в лесную чащу лучей солнца припозднившийся Стас или не нарисуетя среди клочков растворяющегося утреннего тумана подзадержавшийся Рич.

А они появились оба, и одновременно. Увидел Матвей, правда, сначала только Стаса. А уж когда бросился бежать, наперерез ему метнулся Рич. Ну и сграбастал. И, пеленая, так его мял, словно намерен был превратить Матвея в бесформенный кусок человечины, из которого в последующем возможно было бы вылепить кого угодно, вплоть до девочки с бантиком на макушке.

Но это не самое страшное. Ужаснее всего, если его подвергнут пыткам. А это обязательно случится, когда они обнаружат отсутствие рассаженных накануне Стасом по стволам деревьев «тараканов». И, хотя Матвей и не

тронул последние десять, такую возможность исключать нельзя. Как только увидят, что кто-то основательно почистил периметр зоны, на роль основного подозреваемого тотчас же назначат именно его, Матвея, и...

Впрочем, указать место, где он спрятал эти чёртовы штуки, сначала попросят достаточно вежливо, по-джентльменски и в соответствии с нормами...

Стас болезненно ткнул Матвея в затылок.

- Где индексы? Кроме тебя никому! – прорычал он злобно.

- Что? Я ничего не трогал! – сжался, втянув голову в плечи, Матвей и порадовался, что Лариса не знает, где он спрятал эти индексы.

А Рич нагнулся и приблизил своё фэйсище к лицу Матвея.

- Приятел, мне казатся, твой ден сегодня неудачный. Every day is not Sunday.

День – неудачный. Не поспоришь. Но насколько он катастрофичен, Матвей понял несколько позднее. Он это понял тогда, когда Ларису привязали к дереву.

- Что вы делаете?! – вскричал он, и в голосе его прозвучало искреннее изумление.

Стас, а к берёзе приматывал скотчем Ларису именно он, а не Рич, обернулся к Матвею, холодно осмотрел его и растянул губы в улыбке.

- Пока ходим, побудет здесь.

- Куда ходим? – спросил Матвей.

- Куда вы уйдёте? – вскричала Лариса. – А я?

Стас свою улыбочку продемонстрировал и ей.

- За индексами.

- Нет! Отвяжите меня сейчас же, изверги!

Матвей был ошеломлён. Он уже столько времени потратил, чтобы, настроив себя соответствующим образом, подготовиться к предстоящему, и тут вдруг такое! Он практически уже на сто процентов готов, что его будут бить, а он будет молчать, его будут пытаться и истязать, а он – молчать, пусть даже под скрежет зубовой.

Но в это же самое время тут, в этом самом лесу, в окружении безмолвных деревьев, будет заходиться в крике заживо поедаемая комарами, муравьями и прочим прожорливым и беспощадным гнусом Лариса, которая виновата лишь в том, что оказалась рядом с ним, с Матвеем, и к его действиям не причастная. Лариса будет кричать, взывая о помощи и надеясь, что кто-то окажется вдруг поблизости...

- Рич, заклейте ей рот, – распорядился Стас.

А Роман в эту минуту бесцельно брёл по тропинке и пытался размышлять, что в идеале должно было выражаться в глубоком и всестороннем анализе ситуации. Но это в идеале. В действительности же всё обстояло не совсем так. Или совсем не так, а совершенно иначе. Не получалось анализировать. И не потому, что такой дурак, хотя он и не дурак отнюдь, а по причине недостатка информации. Достоверно известно лишь то, что все четверо: Стас, Рич, Матвей и Лариса находятся в лесу. Стас и Рич, по всей видимости, – к востоку или югу от озера и опоясывающей его реки. А что с Матвеем? И где Лариса?

Роман остановился и повернулся к следующей за ним и на редкость терпеливо хранящей молчание Арине.

- Ты и в самом деле согласилась бы?

- Ты о чём?

- Стать наживкой.

Арина пожала плечами.

- Если ничего больше придумать не в состоянии. Я, например, когда сочиняю, извожу единого слова ради тысячи тонн словесной руды. Как и Маяковский, кстати. Приходится порой столько вариантов перебрать...

- Ну так предложи – я перебирать тоже умею! – огрызнулся Роман.

- Отравить их! – рубанула ладонью Арина. – Или, хотя бы, усыпить.

- Чем?

- Я знаю сон-траву. Лариске собирать помогала. Ведьминым зельем называют. Сохнет на чердаке. Цветочки у неё красивые, фиолетовенькие.

Роман скривился.

- Топать обратно? И как их заставить цветы жрать?

- Значит, волчьи ягоды. Ты их раньше всегда пробовал.

Вопрос обсудили, достаточно бурно, и пришли к компромиссному выводу, что вкусовые предпочтения Романа, сравнительно недавно достигшего возраста ранней зрелости, могут отличаться от вкусовых предпочтений довольно старых, изрядно поживших и, как говорится, прилично хлебнувших и нахлебавшихся всякого Стаса и Рича, последний из которых и вообще является представителем иной гастрономической культуры.

ЛЮДИ И ЗВЕРИ. РЕАЛЬНЫЕ И НЕ ОЧЕНЬ

С Матвеем бились не меньше часа, однако он стоял на своём, утверждая, что не знает, где оставил эти проклятые индексы. Он то в одном

направлении вёл Стаса и Рича, то вдруг заявлял, что, кажется, брать нужно севернее или восточнее.

- Жизнь и смерть гёрлочка на твой совесть! – рычал в лицо Матвею Рич и улыбался страшно, по-заокеански.

Стас же зловеще молчал, и только лицо его меняло маски, от не очень злой и почти добродушной до звериной и с добротным оскалом. А потом, в очередной раз обернувшись к Матвею, он остановился и состроил по-лисьи хитрую мордочку.

- А у меня есть план, - проворковал он. – И это будет сюрпризик для тебя, гадёныш.

Матвей стало нехорошо, но он совладал с собой и сделал вид, что ничуть не испугался. Только сказал:

- Ларису, значит, отпустите?

- Про неё можешь забыть, - мотнул головой с лисьей мордочкой Стас, затем оскалился и, сверля Матвея глазами, позвал: - Рич! Иди сюда, дружище!

- Что случится? – отозвался Рич, опередивший спутников на пару десятков метров, и, сбросив рюкзак на землю, пошёл назад. – Мы теряем время, напарник.

- Да, теряем время, - согласился Стас и повернулся к подошедшему Ричу. – Помнишь, ты говорил про «плюс»? Время пришло. Отойдём-ка.

Стас и Рич отошли от Матвея на десяток шагов и принялись что-то обсуждать. Говорили долго, едва ли не пять минут, и достаточно горячо, даже поспорили о чём-то на заключительном этапе. А потом Рич удалился в западном направлении. В посёлок пошёл? Но зачем?

- А рюкзак-то! – вспомнил Стас. И закричал: - Рич! Рич, рюкзак! Рюкзак забери, скотина!

Однако Рич то ли не услышал, то ли не захотел услышать. Стас, поорав и подёргавшись ещё некоторое время, вцепился взглядом в Матвея, а затем изрёк:

- Ты возьмёшь рюкзак!

- Освободите Ларису! – ответил Матвей. – И вообще, я никуда пойду, пока не освободите!

Стас выхватил из плечевой кобуры пистолет и подскочил к Матвею.

- Рюкзак!

- Нет! – И Матвей уселся на землю.

- Бери рюкзак! – Стас приставил дуло пистолета к макушке головы Матвея. – Считаю до трёх!

- Хоть до триллиона! А потом сами ищите эти проклятые индексы!

- Мы в другую сторону!

- За Ларисой? – поспешил обрадоваться Матвей.

- Нет! Скоро поймёшь, как твой отец заблуждается.

- Значит, без меня! – ответил Матвей и зажмурился.

- Ладно, поступим по-другому! – многообещающе проговорил Стас и спрятал пистолет в кобуру. Спустя несколько секунд он уже совал под нос Матвею извлечённую из кармана рюкзака карту, изготовленную некогда Матвеем, и спрашивал: - Где мы находимся? Покажи!

Матвей посмотрел на карту, а затем указал, ткнув пальцем:

- Здесь.

- Замечательно! Минимальное расстояние! – обрадованно воскликнул Стас спустя секунду, после чего затолкал карту обратно в рюкзак.

- Минимальное – до чего? – спросил Матвей.

Не ответив, Стас волоком потащил тяжеленный рюкзак куда-то за спину Матвею. Матвей повернул голову, однако Стас прикрикнул:

- Не оборачиваться!

Потом была какая-то возня, и Матвею не терпелось развернуться на сто восемьдесят градусов. А спустя несколько секунд он уже пожалел, что не решился послушаться бандита. Пожалел по той причине, что к его лицу сильными руками взрослого мужчины была прижата источающая запах хлороформа тряпка.

Очнувшись, Матвей почувствовал сильную головную боль и обнаружил, что одежда на нём – мокрая и грязная. И было страшно. Матвей поспешно осмотрелся и понял, что находится на берегу озера. От осознания этого факта ужас уже в полной мере захватил всё его существо, мурашками пробежавшись по спине и накрыв с головы и до пяток.

И обнаружились наручники, сковывающие ноги в области щиколоток. Матвей вскочил и тут же упал. Необходимо бежать, убежать отсюда, однако как это сделать, если ноги соединены наручниками? Если высвободить хотя бы одну! Матвей попытался это сделать, но ничего не вышло. Значит, опять скакать! А это прыгать и прыгать. Но сначала нужно выбраться с прибрежной полосы наверх.

И Матвей превратился в обезьяну, ещё не отвыкшую задействовать при передвижении передние лапы. В обезьяну перепуганную, неуклюжую, выкрикивающую, помимо интернациональных звуков вроде междометий, не вполне читаемые слова человеческой речи.

Потом он повернул влево и, периодически делая вынужденные остановки, скакал до тропинки, ведущей к мосту. А напрямую он не решился. И не только потому, что может закрутить, как это случилось уже однажды с ним и Романом, но и по той причине, что лес сегодня был не привычным и почти что родным, а наполненным хищниками наподобие затаившихся на деревьях диких кошек самых разных размеров. Матвей и обыкновенной рыси привычных размеров, пронзительно зеленоглазой, клыкастой и с мускулистыми и сильными лапами, переламывающими позвоночники с одного удара, в детстве боялся панически, а уж этих, разноразмерных и многочисленных, которых, может быть, в природе и вовсе не существует, боялся особенно.

По логике все они должны прятаться на деревьях, покачивающих опасными кронами вблизи тропинки, где вероятность подстеречь добычу (идущую, бегущую или скачущую, как Матвей) наиболее велика... Но сейчас не до логики. Просто он будет почаще взглядывать вверх и прислушиваться к каждому звуку, каждому шороху. И успеет отскочить в сторону. Или не успеет.

Но Матвей успел. Он доскакал до моста раньше, чем стал жертвой какого-либо лесного хищника. Повезло ему.

А потом, наткнувшись взглядом на знакомую фигуру расхаживающей нервно за мостом женщины, он замер столбом вкопанным, и ему стало так же страшно, как и радостно. Потом закружилась голова, и Матвей упал. И лишь спустя время увидел он лицо матери, склонившейся над ним.

- Матвей, прости, - прозвучали её слова, сказанные чужим голосом. – Я должна была понять. Я организовала... Я обязана была почувствовать, но организовала...

СЫРОЙ, ХОЛОДНЫЙ И С ПЛЕСЕНЬЮ ПОГРЕБ

Мария организовывала, организовывала и организовывала праздники. Их у неё было много. Хотя... не у неё. У неё-то как раз праздников и не было. Это она поняла чуть более часа назад на берегу реки, когда, выйдя за околицу Воробьёвки, смотрела по сторонам. Просто так смотрела. Не потому что надо было что-либо проконтролировать, за чем-либо приглядеть, в чём-либо убедиться.

Ей вдруг подумалось, и очень неожиданно, - а чего это она взобралась на огромный серый валун и уже минуту или две смотрит на излучину реки, обращая внимание на то, как блестит на солнце водная гладь и каков

орнамент тени, отбрасываемой явившимися на водопой кустами? И почему она пытается вспомнить название пролетевшей и что-то нечленораздельное прокричавшей птицы? К ней, что ли, птица обращалась? Кому-то из своих она кричала, тем, кто способен её понять. Возможно, птенцам своим, предупреждая об опасности, потому что как-то уж очень тревожно, резко и требовательно звучал её голос.

На реке рябь, значит – ветерок. А откуда он? Хм! А зачем знать, откуда он дует? Ах да, чтобы подставить ему своё лицо. Приятно, кстати. Особенно он ласков, когда закроешь глаза. И листья деревьев что-то шепчут... осуждающе. Или показалось? Конечно, показалось. С чего бы и за что им её осуждать?

Она разбиралась в людях. Она полагала, что прекрасно разбирается в людях и способна к каждому найти подход. И находила, если это того стоило. Но, похоже, этот её талант не достаточно многогранен. Возможно, способность мгновенно скалькулировать в уме стоимость одежды и аксессуаров встреченного на пути человека, чтобы незамедлительно выработать стратегию ведущей к безусловному успеху в отношениях с ним деятельности, - это ещё не всё. Цели – вот ключевое слово. Набор целей человеческой коммуникации может быть гораздо шире, чем принято полагать.

Вот эти двое. Да, с самого начала можно было понять, что не все слова и действия новых клиентов укладываются в привычные схемы. Взять эти их вопросы о бывшем муже. В мире миллиарды людей, но как-то вдруг оказалось, что они не просто слышали, но ещё и кое-что знают о нём, малоизвестном, как она всегда полагала, учёном-неудачнике. Причём знают то, что и ей-то не ведомо.

Да всё говорило о том, что эта их поездка имеет сугубо специальную цель и является именно экспедицией, научной или какой-то иной. А она всё с пресловутой широтой прейскуранта к ним подступала. В гробу они видели тот пейнтбол, которым она пыталась их заинтересовать. Эти люди, вероятно, сами способны такой пейнтбол устроить, что в живых разве что несколько зарывшихся в землю кротов и останется.

Мария прибыла в Воробьёвку, чтобы забрать «туристов», как и было условлено, а приезжать сюда, в посёлок этот о двух домиках, у неё и в планах не было. Но на берегу реки Воробьихи её нашёл Рич, прилетевший в Воробьёвку на самолёте Макарыча, и почти силой, почти что с угрозами, по крайней мере, неясными репликами относительно неправильного поведения её сына и бывшего её мужа, доставил сюда, где с ней уже имел беседу Стас,

многоликое существо, говорившее и голосом Джигарханяна, и голосом мультяшного ёжика.

Потом появился Матвей, прискакавший из лесу на скованных наручниках ногам, и упал в обморок. К счастью, он скоро очнулся и сразу указал на подсунутой Стасом карте место, где он спрятал похищенные им у этих жутких людей какие-то индексы.

Ну а дальше случилось то, чего Мария никак не ожидала, - её и Матвея заперли в погребе, сыром, холодном, с белоснежной плесенью на дощатых стенах.

А Стас, вынув ключ из навешенного им на люк погреба замка, обернулся к топтавшемуся тут же Ричу.

- Давай договоримся... - начал он, но закончить не смог.

- Пост принял! – огорошил его Рич, ловко выхватив из рук Стаса ключ.

- Э-э! – вскричал Стас с нотками обречённости в голосе и вытянул перед собою руки.

Однако Рич, счастливо улыбающийся, на него уже не смотрел. Отойдя в сторонку, он принялся устанавливать кресло-качалку таким образом, чтобы лучи солнышка самым благоприятным образом касались лица человека, который в это кресло усядется. А усядется в это кресло он, Рич, и будет находиться в нём долго, очень даже долго. Всё же остальное – на Стасе. Вот уж кому покрутиться придётся.

- А я руки в ноги, хочешь сказать? – проговорил Стас, с ненавистью глядя на Рича.

- Ты решат экономит, напарник, - парировал Рич. – Я предлагат брат третий партнёр. Я говорил про этот человек...

- Ты говорил! Говорил! – закричал Стас, подбегая к Ричу. – И он бы уже пожизненное нам обеспечил! А впереди...

- Да, всё впереди, - перебил Рич и отвернулся, чтобы опуститься в кресло и с комфортом в нём устроиться.

- Нет! – рявкнул Стас, затем отшвырнул кресло-качалку с такой яростью, что оно закувыркалось вниз по склону. – Они все никто, но это тебе не Америка!

- О! Ты родится в рубашка! – воскликнул Рич, глядя куда-то мимо Стаса.

Стас обернулся и с изумлением увидел приближающихся к посёлку Романа и Арину.

- Этого не может быть!

- Хотел говорит – русские не сдаются? – разулыбался безудержно Рич.
– Забуд! Люди все – человеки.

Стас бросился навстречу Роману и Арине. Подбежав, принялся заглядывать им в глаза и всматриваться в их лица.

- Что? Что? Сдаётесь? Одумались? Осознали? На нашей стороне теперь?

Роман, молча кривясь и морщась, ел клюкву из колпака термоса. Он захватывал пальцами по две – три ягоды, каждая из которых была столь огромна, что и на просвет оставалась пунцовой, и хмуро, исподлобья посматривал по сторонам.

Арина же улыбнулась жизнеутверждающе и пропела:

- Вместе весело шагать по просторам, по просторам, по просторам. И, конечно, припевать лучше хором, лучше хором, лучше хором.

- Да! Да! – отозвался Стас и вопросительно глянул на Романа.

- Кончать надо со всем этим, - мрачно изрёк Роман. –

Непредсказуемость – это плохо.

- Так, так... - заметался Стас. – Но всё равно на время карантина... – Стас обернулся к Ричу. – Эй, в яму их!

- Но мы помочь хотели! – воскликнул Роман. – Помощники уже и не нужны?

Арина вскинула голову и взмахнула руками с растопыренными пальцами.

- Мы будем рвать отчаянно и грубо взбесившуюся ауру Земли! И, может, Землю-матушку угробим, и, может, баржей на речной мели...

- Стоп! – перебил Стас. – Сейчас записку черкнёте.

Записку «черкнули». Арина её написала, а Стас надиктовал. И можно было бы именно Стаса назвать автором записки, если бы Арина не стремилась предлагаемый Стасом текст излагать в стихотворной форме и делать приписки, что называется, от себя.

И когда спустя некоторое время Лариса читала сие творение, под которым стояли подписи Арины и Романа, в сознание её вторгся немислимый сумбур и многие понятия вследствие раздвоения-растроения их перепутались до невозможности. Результат – ни одной цельной мысли в голове, сплошная азбука Морзе из чёрных дыр.

- А чего они сами-то? – наконец произнесла Лариса и посмотрела на сидящего напротив неё Стаса.

- Так они – навстречу! – нашёлся Стас. – Навстречу мне. Потому что я дальше двину, а ты – в сторону посёлка. Всё, что снимали, на место вернёшь. Деятельное раскаяние и искупление – что-то в этом роде.

- А просто «извините, больше не буду» и, ну, обещание впредь...

- Не прокатит! – решительно мотнул головой Стас и покрутил в руках рулончик скотча.

- Мне не утащить, - сказала Лариса.

- Волоком, - парировал Стас и кивнул на рюкзак. – Я специальную сумку прихватил.

Лариса задумалась. И сразу про себя отметила, что теперь ворочать мыслями стало значительно проще. А потому что перспективы проявились и обозначились более чем отчётливо. Она должна будет проделать работу (это перспективка такая) ту же самую, по существу, что они проделали с Матвеем. Вдвоём. А теперь – одна.

- Может, кого-нибудь и мне навстречу? – начала торг Лариса.

- Не получится. Все силы туда брошены.

- Это сколько ж их там?

Стас громко вздохнул.

- Тот участок не в пример больше. А завтра к обеду, это крайний срок из самых крайних, всё должно быть закончено. Чтобы до ночи эвакуироваться.

- Завтра? К обеду? – выпучила глаза Лариса.

Стас, напротив, глаза сузил.

- Ладно, не хотел говорить, но от страховочных вариантов отказываться признано нецелесообразным.

- Кто в заложниках?

Стас сжал зубы, поиграл желваками и прошипел:

- По отрубленным пальцам и ушам узнаешь!

Лариса, поразмыслив, дискуссию решила прекратить. И действительно, сколько можно на месте топтаться? К следующему этапу пора переходить. И Лариса сказала:

- Я бы поела.

Стас быстро поднялся на ноги.

- В сумке – сухпай с таганком и сухим спиртом. Вставай!

- У меня нет спичек.

- И спички. В непромокаемой упаковке. Сейчас всё получишь.

Выдвигаемся к вашему схрону. Давай-давай! – Стас схватил Ларису и поставил её на ноги.

- Матвей сказал, где спрятал? – с недоверием произнесла Лариса. – Вы ему что-то отрубили?

- Вечером пальцы пересчитаешь.

ЛЕТО, ХОЛОД, ТРЁХРОГИЕ ВИЛЫ

Пробежавшись по периметру и оставив после себя уже не менее, пожалуй, восьмидесяти процентов его протяжённости, баба Саша, измученная и совершенно без сил, опустилась на ствол поваленного бурей дерева. И в этот миг увидела нечто, мелькнувшее где-то далеко впереди. Что-то яркое и цветов человеческих типа бордо или марсала. Вскочить, догнать и выяснить! Но это сказать легко. А сил-то нет. Попробовать крикнуть? Тоже, однако, не лёгкая задача. Разогнуться, набрать побольше воздуха в лёгкие...

- Э-э-эй! – выкрикнула баба Саша и поняла, что поторопилась. Не крик, а выдох с хрипотцой и привизгом получился.

Потом она ещё эйкала и аукала и бежала-брела, спотыкаясь, вперёд, пока не была остановлена младшей своей внучкой, вышедшей из-за кустов шиповника.

- Не меня звала? – спросила Лариса.

- Угадала, - ответила баба Саша и повалилась в траву. – Полежу.

Передохнув, баба Саша выслушала рассказ Ларисы об её злоключениях, покостерила деда Фёдора и Макарыча, поудивлялась тому, что не встретился ей Стас, двигавшийся во встречном направлении, и погладила внучку по голове.

- То есть, ты на стороне... - проговорила Лариса и замолчала, подбирая определение Стасу и Ричу.

Баба Саша решительно кивнула.

- Конечно, на вашей. Ретроградкой никогда не была. Только вперёд. А потом заживём лучше прежнего.

- И никаких сомнений?

- Да почему же! – воскликнула баба Саша. – Сколько угодно. Но как бы сильно ни дул ветер, гора перед ним не склонится. Прогресс, науку не остановишь. Люди будут менять этот мир...

- Пока не уничтожат, - подсказала Лариса.

Баба Саша ободряюще улыбнулась.

- Но, надеюсь, это произойдёт не только не при моей, но и не при твоей, внученька, жизни.

- А при жизни моих детей или внуков, - с грустью продолжила Лариса.
- Или мне уже не заводить детей? Я, вообще-то, планировала.

- Ну-у, Ларисочка, не надо, - слегка смутилась баба Саша. – Отныне и впредь – только на позитивчике. Не волновасса, а радовасса и улыбасса.

Лариса покивала, а затем незаметно выбросила в траву «таракана» с отломанными усиками. Собиралась она поделиться с бабой Сашей своим секретом, но теперь передумала.

Потом баба Саша волокла по лесу прорезиненную сумку с индексами, уже не такую тяжёлую, как несколько часов тому назад, а Лариса усаживала «тараканов» на стволы деревьев, предварительно обламывая им усики.

В посёлке же их ждал сюрприз в виде ничком лежащего на пригорке, неподалёку от люка погребца, Рича. В неловкой позе и, как будто, совершенно безжизненно. Баба Саша и Лариса осторожно приблизились и замерли в нерешительности.

- Он... умер? – справившись с охватившим её волнением, произнесла баба Саша.

Лариса отступила чуть назад и указала большим пальцем себе за спину.

- Но когда мы ещё вон там шли... Или мне показалось... Он ногами дёргал.

- Стой здесь! – приказала баба Саша. Затем вплотную подошла к Ричу и, нагнувшись, заглянула ему в лицо. И резко отшатнулась. – Господи!

- Что?! Что?! – всполошилась Лариса.

- Говорила же, пережёвывать надо. Отвернись. А я его на спину...

- Он жив?

- Похоже, не совсем, - ответила баба Саша и принялась переворачивать Рича. – Ох-хо-хо! А ещё бы и оттащить, а то вонища ж... Крови он, что ли, напился? Сгустки какие-то. Кровищи ли, другого ли чего похожего.

- Но он живой? – повторила вопрос Лариса и сделала шаг вперёд, словно намерена была собственноручно поискать пульс на разбросанных в стороны руках бездыханного человека.

- Такого палкой не убьёшь. Годзилла двухметровая, - проворчала баба Саша и распорядилась: - За аптечкой сбегай. И побольше там всего. Воды так и вообще не меньше трёх литров.

Спустя четверть часа Рич уже мог сидеть и что-то лопотать, бессмысленно и страшно крутя и головой, и глазами. Испуганная Лариса стояла в сторонке, на приличном расстоянии, а баба Саша просто старалась не встречаться с Ричем взглядами и по этой причине крутилась возле пациента словно заводная.

- Давай ещё водички хлебни, йети пучеглазый! – Баба Саша ткнула Рича кулаком в плечо и сунула ему под нос пятилитровую бутылку с водой, наполовину уже опорожнённую.

Рич принялся пить воду, расплёскивая её и обливаясь. И рыча при этом и жалобно, и угрожающе. Затем он блевал и рычал очень низким голосом по-звериному злобно и непримиримо, совсем не так, как полагается среднестатистическому больному земного происхождения.

А потом, заметно окрепнув, Рич задумал самосуд. И принялся действовать. Он, отправился в «Александрию», прогромыхал ножищами по лестнице и, пьяно пошатываясь и размахивая кинжалом, ввалился в девичью детскую, где в эту минуту находилась Лариса, едва-едва успевшая нырнуть под стол. Рич прошёл на балкон и срезал свисающую с крыши верёвку.

И уже спустя минуту выбежавшие на крыльцо вслед за покинувшим дом Ричем баба Саша и Лариса наблюдали, как он поднимается на пригорок, подходит к люку погреба и падает на колени.

- Что ему там надо? – спрашивает баба Саша и смотрит на дрожащую Ларису.

- Он с ножом. Хочет консервов? – лепечет Лариса.

Вскоре изумлённым взорам бабы Саши и Ларисы предстаёт вытасенный Ричем из погреба Роман в цветастом халате и с чем-то невообразимым на голове вместо шапки.

- Ромка был там! – восклицает Лариса, и у неё отнимаются ноги.

- Нож, топор, что-нибудь! – кричит баба Саша и бросается по ступенькам вниз.

И вот она уже около Рича, в одной руке которого кинжал и верёвка, а в другой – слабо трепыхающийся Роман, которого Рич, приподняв над землёй, тащит в сторону леса.

- Отпусти ребёнка! – вопит баба Саша и наносит бандиту удар за ударом, стремясь угодить ему в голову.

- Вон! – рычит Рич и взмахивает вооружённой рукой.

Или отмахивается, бросая руку в сторону и назад. И острие кинжала пролетает в миллиметрах от глаз бабы Саши, а удар пудового кулака, сжимающего рукоять жизнеубийственного оружия, приходится в голову женщины. И баба Саша падает как подкошенная.

А из погреба, люк которого Рич не запер на замок, выбрались уже Матвей, Арина и Мария, закутанные в тряпье, словно подмосковные французы двухсотлетней давности.

- Вон они! – кричит Матвей, указывая рукой в направлении леса.

Арина в ужасе закрывает лицо ладонями.

- Он догадался! И он убьёт Ромку!

Матвей, на ходу срывая с себя всё, от чего только возможно избавиться, не возясь с пуговицами и прочими застёжками, спешит, хромая немилосердно, на помощь другу. Чтобы помочь, чтобы спасти. А каким образом? Вот догонит Матвей их... Они остановятся, и Матвей их догонит и... Надо бы помочь бабе Саше подняться. Однако к ней уже подбегает Арина. А Матвей догонит Рича, волокущего Романа куда-то в лес, и с ходу ринется...

Но у него же нож! И Матвей принимается стрелять глазами по сторонам. Вооружиться! Необходимо, чтобы в руках хотя бы палка была. И палка отыскалась. Кривоватая и гниловатая, похоже, однако довольно увесистая. Звал же Ромка позаниматься кендо. Правда, и сам не особенно долго мечом размахивал, решив вскоре, что азы он усвоил, и этого достаточно.

На опушке леса Рич остановился. Оглянувшись на преследователей, пробежал ещё несколько метров (или шагов, что одно и то же) и, резко затормозив, круто развернулся, одновременно с этим захватывая голову Романа и приставляя нож к его горлу.

- Я имет право его наказыват! – провозгласил Рич. – Уходите!

Матвей – он оказался ближе всех к Ричу и Роману – не нашёлся, что сказать, и оглянувшись на бегущих бабу Сашу и Арину.

- Наказывать! – крикнула баба Саша. – Кто ты такой?

- Стоят! – приказал Рич. – Он умирает первый!

- Только попробуй! – пригрозила баба Саша, останавливаясь около Матвея.

- Отпустите Ромку, и мы вас простим, - сказала Арина. – А Ромка больше не будет.

- Чего не будет? – не поняла баба Саша.

- Мы сок волчьих ягод в клюкву закачали. Шприцем. Но мы больше не будем.

Появились Мария и Лариса. Лариса встала возле бабы Саши и к ней прижалась, а Мария, у которой в руках находятся вилы, прошла мимо.

- Ты куда? – проговорила баба Саша и отстранила от себя Ларису.

А Мария уже приблизилась к Ричу на расстояние длины взятых наизготовку трёхрогих вил. Короткий замах, колющий удар... И – труп. Или два. Но Мария не спешит. Она пытается подступиться к противнику сзади, чего Рич допустить не может. И он, продолжая удерживать Романа в

нескольких сантиметрах от смертельно сверкающей стали клинка, крутится вокруг своей оси и сверлит Марию встревоженным взглядом.

- В деревне росла, - отвечая на застывший в глазах врага вопрос, произносит Мария.

- Деревня? – переспрашивает Рич и окидывает безумным взглядом закутанную во что-то невообразимое женщину с экзотическим оружием в руках.

- Деревня, деревня, - кивает Мария. – Отпусти мальчика!

И никто не обращает внимания на всё усиливающийся звук работающего двигателя. Наконец Лариса оборачивается.

- Люди, смотрите! – кричит она и взмахивает рукой.

Теперь все видят бегущего деда Фёдора.

- Это не может быть! – восклицает Рич, и кинжал в его руке начинает крупно дрожать.

Не деда Фёдора испугался Рич. Сразила Рича безнадёга и рухнувшие мечты, когда взору его предстали появившиеся из-за пригорка управляемый Макарычем мотоблок, бодро ошестинившийся землеройной приставкой, и Стас, бредущий с понуро болтающейся головой и связанными руками.